БОЛИВАР

И. Лаврецкий

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

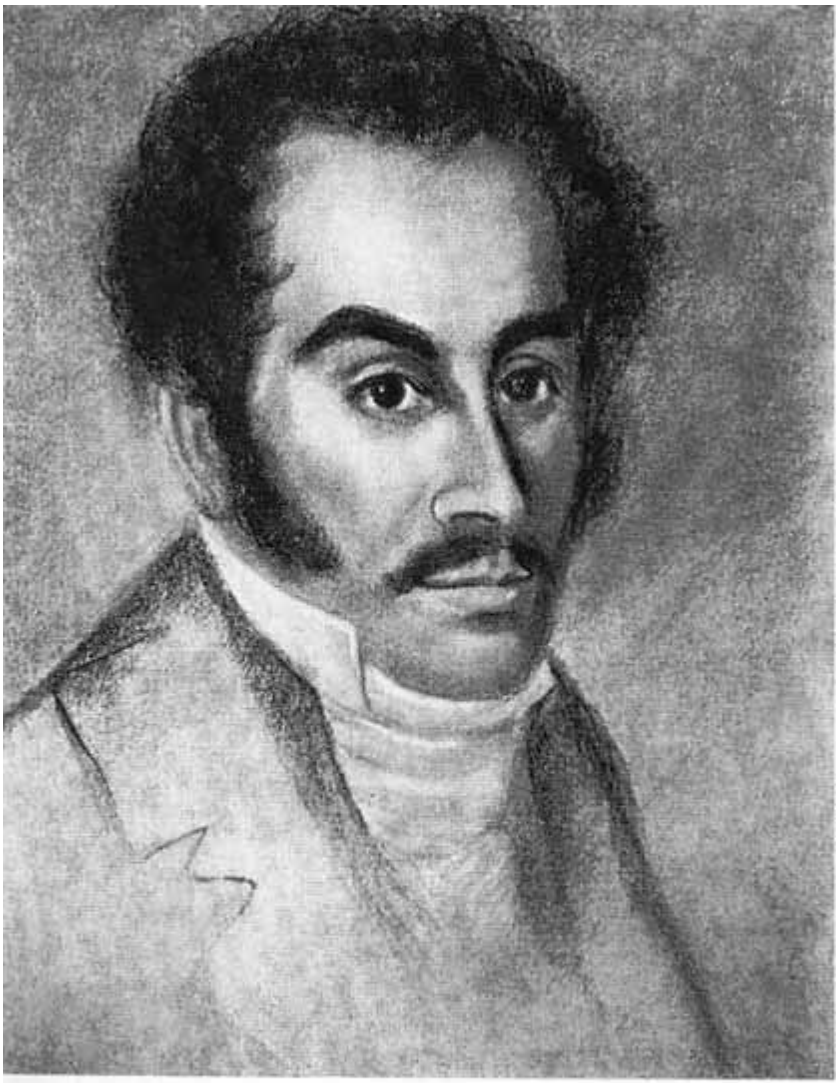
Annotation

Книга посвящена жизни и деятельности Симона Боливара, под руководством которого добились независимости нынешние республики Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу и Боливия, названная так в честь своего освободителя. Основана на обширном документальном материале. Первое издание вышло в серии ЖЗЛ в 1960 году, второе — в 1966 году.

- Иосиф Лаврецкий
  -
  - В ЗАПАДНЫХ ИНДИЯХ РАСТЕТ БЕСПОКОЙСТВО…
  - УЧЕНИК ЖАН-ЖАКА РУССО
  - ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ
  - ШКОЛА МУЖЕСТВА
  - РОЖДЕНИЕ ЛИБЕРТАДОРА
  - ГИБЕЛЬ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ
  - ПОБЕДЫ МАРШАЛА МОРИЛЬО
  - ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОВ
  - ВОЙНА В ЛЬЯНОСАХ
  - КРЕПОСТЬ НА БЕРЕГУ ОРИНОКО
  - ВЕЛИКАЯ КОЛУМБИЯ
  - ПРЕКРАСНАЯ МАНУЭЛА
  - СВИДАНИЕ В ГУАЯКИЛЕ
  - ПОБЕДА ПРИШЛА В АЯКУЧО
  - ГОСУДАРСТВО БОЛИВАР
  - НА ПЕРЕПУТЬЕ
  - СЕНТЯБРЬСКАЯ НОЧЬ
  - САН-ПЕДРО-АЛЕХАНДРИНО
  - БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИМОНА БОЛИВАРА
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26

Иосиф Лаврецкий
БОЛИВАР



В ЗАПАДНЫХ ИНДИЯХ РАСТЕТ БЕСПОКОЙСТВО…

Меня увидишь ты! Сей самою рукой,
Которой рабства цепь влачу в неволе злой,
Я знамя вольности развею пред друзьями;
Сражусь с твоими я крылатыми громами…

Н. И. Гнедич. Перуанец к испанцу, 1805

Расстояние между венесуэльским портом Ла-Гуайрой и островом Кюрасао всего лишь несколько десятков миль, но молодому венесуэльскому полковнику Симону Боливару, покинувшему в конце августа 1812 года берега Венесуэлы, казалось, что потребуется целая вечность, чтобы преодолеть его.

Никогда еще время не тянулось так мучительно, как в эти дни, на английской шхуне. Ни грубые шутки капитана, знавшего еще его отца, ни крепкий душистый ямайский ром, которым настойчиво потчевал своего беспокойного пассажира хозяин шхуны, не могли заставить его хоть на мгновение забыть катастрофу, постигшую Венесуэлу, — гибель республики, триумф испанцев и злорадство их вожака, коварного Доминго Монтеверде, падение давнишнего кумира, генералиссимуса Франсиско де Миранды и позорную потерю крепости Пуэрто-Кабельо из-за его, Боливара, собственной беспечности и доверчивости.

Разве можно забыть обо всем этом, тем более что плывешь мимо того же Пуэрто-Кабельо, мимо Коро, откуда Доминго Монтеверде, этот испанский слуга, начал свой поход против свободолюбивого Каракаса? Разве уважающий себя кабальеро может после всего происшедшего думать о чем-либо другом, как не о смерти, которая смоет позор поражения? Теперь у патриотов Венесуэлы есть только одна цель в жизни, одна-единственная мечта — вновь разгромить испанцев, вновь завоевать независимость, возродить республику, доказать всему миру, что

венесуэльцы не рабы, а герои, способные на грандиозные подвиги. Они завоюют свободу не только себе, но и всем народам Испанской Америки. Они освободят даже саму Испанию, испанский народ от королевского деспотизма. Для этого Боливар будет продолжать борьбу за свободу Венесуэлы, сражаться, сражаться и еще раз сражаться против испанских легионов, против всех этих монтеверде и прочих слуг деспотизма до последней капли крови, до полной и окончательной победы.

Постигшая Венесуэлу катастрофа многому научит патриотов, она очистит их ряды от трусов и предателей, она сплотит борцов за свободу в могучую когорту, способную преодолеть все трудности, избавит их от излишнего благодушия, научит их быть беспощадными к коварному и жестокому врагу.

Поражения шлифовали военное мастерство и политический талант Вашингтона и его современников — прославленных генералов французской революции. Испить горькую чашу поражений пришлось и Юлию Цезарю, прежде чем тот завоевал мировую славу. Что из того, что сейчас он, Симон Боливар, всего лишь лишенный родины и состояния беглец, зато он знает, что посвятил свою жизнь правому делу, которое победит, как победила революция в английских колониях, как победила французская революция…

Ах, черт возьми, как медленно ползет эта английская посудина по Карибскому морю… Поскорее бы добраться до Кюрасао, а оттуда в Новую Гранаду, где все еще реет знамя американской свободы. Капитан — опытный морской волк — знает, почему не находит себе места молодой каракасец, почему глаза его горят лихорадочным блеском, почему он так рассеян и не способен отдать должное крепкому и душистому ямайскому рому.

Когда же началось все это, когда он впервые задумался над судьбами своей родины и решил посвятить себя борьбе за ее свободу?

Случилось ли это в Каракасе, где азбуке его учил Симон Родригес, врожденный бунтарь и конспиратор, мечтавший гильотинировать всех коронованных особ Европы, или в Мадриде, когда он, юный креол, понял, как прогнила испанская монархия, а может быть, это произошло в Париже, на площади Бастилии, под победные крики санкюлотов, разрушавших твердыню тирании? Или в Риме, где он воочию увидел, как погряз в мирской суете тот, который именовал себя наместником бога на земле? Или это свершилось тогда, когда он впервые услышал легендарное имя своего знаменитого соотечественника Франсиско де Миранды,

первым бросившего вызов испанскому деспотизму? А может быть, причины того, что он стал сражаться за свободу своей родины, лежат еще глубже и они не столько в нем самом, сколько в атмосфере возмущения и негодования испанским господством, в которой он рос и мужал в Каракасе?

Боливар не может оторвать взгляда от чернеющей вдали кромки его родной земли. Вновь и вновь мысленно возвращаясь в Каракас, он вспоминает далекое прошлое и события вчерашнего дня, сравнивает и сопоставляет их, стремясь найти разумный ответ на мучающие его вопросы.

После смерти брата (он погиб в морской катастрофе после начала освободительного движения) у этого рано осиротевшего и овдовевшего молодого креола нет другой любви, кроме его родины, Венесуэлы. Но как трудна и мучительна эта любовь, сколько сил и мужества она требует от него…

***

Гигантское сердце размером в миллион квадратных километров, верх которого омывается океаном, а острие упирается в девственные леса, где в таинственной чащобе переплетаются истоки двух великих американских рек — Амазонки и Ориноко, — это и есть Венесуэла. На ее западной границе вздымаются к небу горные хребты Анд. На севере от дельты Ориноко Анды спускаются к самому побережью. Поблизости, обтекаемый изумрудными водами Карибского моря, расположен почти безводный остров Маргарита, населенный мужественными и суровыми людьми.

Сквозь горные расщелины реки пробиваются на север к океану. Здесь, утопая в бурной тропической растительности, раскинулись живописные портовые городки. Один из них — Коро, где в 1806 году высадился с отрядом добровольцев бесстрашный Франсиско де Миранда, полный решимости завоевать Венесуэле независимость. Дальше на востоке большое ущелье, заросшее зеленью и орошаемое ручьями, воды которых стекают в уединенную гавань Пуэрто-Кабельо. Тут испанцы построили мощную крепость. Невдалеке порт Ла-Гуайра — морские ворота столицы Венесуэлы Каракаса, а позади притулился степной городок Окумаре-дель-Туй. На западе и на юге вплоть до серебристой ленты Ориноко протянулись необозримые венесуэльские степи — льяносы, где пасутся огромные стада рогатого скота и табуны полудиких лошадей.

На полпути между лагуной Маракайбо и островом

Маргарита, прячась среди прибрежных гор, лежат долины Каракаса, Арагуа и Эль-Туй. В этих местах склоны холмов покрыты зеленью, высокогорный воздух смягчает тропическую жару и охлаждает ночи; ручьи, незамерзающие зимой и не пересыхающие летом, заросшие бамбуком, мимозой и горьким дикорастущим сахарным тростником — капья амарга, текут очень медленно. Этим райским уголком владели венесуэльские помещики — мантуанцы[1], тут раскинулись их богатейшие поместья, на которых трудятся сотни рабов, выращивая кофе, индиго, какао, табак, сахар и самые разнообразные фрукты. Все это направляется в Ла-Гуайру, где грузится на корабли, идущие в далекую Испанию.

А из-за океана доставляют в Венесуэлу вино, оливковое масло, парчу, дамасские и толедские клинки, клавикорды, картины, книги, зеркала, посуду, обувь…

***

«Светлейшие, высочайшие и всемогущие владыки наши государи! — так начинал Христофор Колумб доклад королю Фердинанду и королеве Изабелле о своем третьем путешествии по Морю-океану, совершенному в 1498 году. — На сей раз я открыл большой остров, который назвал Тринидад в честь святой Троицы, нашей покровительницы. А рядом с этим островом новые, прекраснейшие густонаселенные земли.

Я прибыл сюда в час заутрени и, видя, как зелена и хороша эта местность, решил стать здесь на якорь и свести знакомство с туземцами, которые тотчас же приплыли к кораблю на каноэ и попросили меня высадиться на берег. У многих висели на груди большие куски золота, а у некоторых к рукам привязаны были жемчужины. Я очень обрадовался, увидев эти предметы, и приложил немало стараний, чтобы дознаться, где они добывают их. Судя по всему, их добывают здесь же».

Колумб был уверен, что попал в преддверие рая. Венесуэльскую землю генуэзский мореплаватель окрестил именем Благодати. Испанские же конкистадоры, прибывшие сюда год спустя после Колумба, узнали, что индейцы зовут здешние места Маракапаной, или Берегом Твердой Земли. Когда бледнолицые пришельцы обнаружили индейские поселения на сваях в лагуне Маракайбо, они придумали новое название для этих земель — Венесуэла, или Маленькая Венеция.

Завоеватели отличались друг от друга состоянием, сословной принадлежностью, но солдата и матроса, аристократа и

ремесленника, монаха и неудачливого поэта роднили мечты о золоте, жажда приключений; им хотелось, подобно Санчо Пансе, стать собственниками «островов»; владельцами обширных земель, обрабатываемых рабами, утопать в роскоши и праздном безделье, как и надлежало настоящим испанским грандам.

Ни суеверия и предрассудки, с грузом которых они появлялись в Новом Свете, ни страх перед неизведанным миром, ни тропические леса и дебри, ни безводные пустыни и неприступные горные вершины, ни землетрясения, ливни и торнадо, ни ожесточенное сопротивление индейцев — ничто не могло заставить их возвратиться обратно. Слишком много сулили эти земли золота, серебра, жемчуга, изумрудов, чтобы грозившие опасности могли остановить даже самых нерешительных из конкистадоров.

Но в Венесуэле не оказалось ни золота, ни драгоценных камней, по крайней мере, в таких необъятных размерах, как воображал Колумб. Генуэзский фантазер нередко выдавал желаемое за действительное. То ли дело баснословно богатые империи Мексики и Перу, где, как утверждали рыцари конкисты, жемчуг и изумруды украшали самые бедные индейские хижины!

Правда, ходили слухи, что где-то за горами, на западе от Берега Твердой Земли, находилось королевство Позолоченного — Эльдорадо[2], столица которого была высечена в скале из чистого золота. Но все, кто пытался достигнуть этого места, исчезали бесследно. Нет, пусть покорением Земли Благодати займется кто-либо другой, но не испанцы, им уготован богом более легкий удел!

Так рассуждали не только конкистадоры, но и королевские власти в Кастилье. В 1528 году испанский монарх Карл I предоставил немецким банкирам Вельзерам права на покорение Берега Твердой Земли.

Несколько десятилетий рыскали немецкие конкистадоры по землям Венесуэлы в надежде — совершить то, что не удалось испанцам, — обнаружить королевство Эльдорадо. Берег Твердой Земли, сохранив свои тайны, поглотил тевтонских завоевателей, не оставивших о себе другой памяти, кроме пепла сожженных хижин и казненных индейцев. А потом сюда вновь пришли испанские колонизаторы, чтобы на этот раз остаться надолго.

В Западных Индиях[3] всем управляли испанские чиновники.

Индейцы массами гибли от подневольного труда, от оспы и иных болезней, завезенных в колонии пришельцами. Для работы на плантациях испанцы ввозили из Африки чернокожих рабов.

Торговля рабами бойко велась во всех американских колониях, особенно в Новой Гранаде и Венесуэле. Индейское

население было здесь немногочисленно, а плантации кофе, какао, индиго, выращиваемые испанцами, занимали большие площади, требовали за собой тщательного ухода и многих рабочих рук.

Одним из центров работорговли был новогранадский порт Картахена — резиденция трибунала «священной инквизиции». В этом порту постоянно стоял запах горелого человеческого мяса: под бдительным оком отцов-инквизиторов испанские власти клеймили раскаленным железом негров-рабов.

Раб стоил почти столько, сколько два мула. Если раб убегал от своего хозяина, его кастрировали. То же наказание ожидало раба за хранение оружия.

Испанские власти насаждали вражду между индейцами и неграми. К походам против «диких» индейцев («дикими» назывались свободные индейцы, скрывавшиеся в лесах и не признававшие власти колонизаторов) испанцы широко привлекали негров-рабов, а «мирных» — покоренных — индейцев использовали для поимки беглых негров. Поэтому восстания рабов не находили поддержки у индейцев, а сопротивление индейцев колонизаторам не встречало сочувствия у рабов.

Колониальное общество в Венесеуэле, как и в других испанских владениях Нового Света, распадалось на так называемые касты: испанцев, подразделявшихся на кастильцев, басков и выходцев с Канарских островов («островитян»); креолов — местных уроженцев испанского происхождения; метисов — потомков белых и индейцев; свободных мулатов, происходивших от белых и негров; свободных самбо, рожденных от негров и индейцев; наконец, индейцев и негров-рабов. В начале XIX века в Испанской Америке проживало почти 17 миллионов человек, из них около 3 миллионов креолов и только 150 тысяч уроженцев метрополии. Венесуэла была сравнительно слабо заселенная страна. Ее население составляло около 900 тысяч человек, в том числе 87 тысяч негров-рабов и около 20 тысяч беглых невольников. Около 100 тысяч жителей числились белыми, из них 12 тысяч испанцев.

Испанцы делали все возможное, чтобы касты жили обособленно друг от друга. Каждой касте не только выделялся свой район в городе и устанавливался род занятий, но и предписывались соответствующая одежда и образ поведения.

К концу XVIII века любой богатый мулат или метис мог при желании стать «белым», купив у королевских властей за тысячу реалов сертификат, заверяющий, что его обладатель — кавалер «чистых испанских кровей», причем новоиспеченному кавалеру давалась гарантия, что власти будут «сохранять вечное молчание

о происхождении и качестве» его крови.

Креолы, из среды которых вышло много борцов за независимость, не были монолитной социальной группой. Наиболее влиятельными среди них были мантуанцы: богатые помещики-скотоводы и плантаторы. К мантуанцам принадлежало 658 семейств, насчитывавших около 4 тысяч человек. В народе их звали «большими какао» — этот продукт был одним из главных источников богатства мантуанцев. «Большие какао» были связаны родственными узами с семьями влиятельных испанских аристократов и сами могли похвастаться знатными титулами и званиями, приобретенными за определенную сумму при королевском дворе. Испанцы относились к креолам свысока, как к «низшей расе», креолы, в свою очередь, считали испанцев узурпаторами, надменными бездельниками.

Испания держала свои колонии обособленными от внешнего мира, запрещала им вести торговлю с заграницей и даже между собой. Каждая колония представляла уединенный мирок, отгороженный китайской стеной от соседних испанских владений, что существенно препятствовало единению патриотов против общего врага во время войны за независимость.

Заморским владениям не дозволялось производить продукты и товары, экспортируемые Испанией. Вино, оливковое масло, шелковые и другие ткани, посуда, оружие — все это ввозилось из метрополии в колонии и продавалось втридорога местному населению. А испанцы по дешевой цене скупали колониальные товары: табак, кофе, какао, сахар, перец, индиго, корицу, хинную кору, целебные травы, ценные шкуры.

Креолы в борьбе против испанской торговой монополии использовали контрабанду. В Венесуэле контрабандная торговля шла с близлежащими Антильскими островами, где обосновались англичане, французы и голландцы. Жители Буэнос-Айреса и Монтевидео вели оживленную контрабандную торговлю с соперниками испанцев — португальцами, господствовавшими в соседней Бразилии, и их союзниками — англичанами. Мексиканцы подпольно торговали на севере с англичанами и французами. Кубинцы — с английскими, голландскими, французскими владениями в Карибском бассейне.

Испанцы облагали жителей колоний всевозможными светскими и церковными налогами, которые ложились тяжелым бременем главным образом на плечи индейского населения. Налоги взимались за перевоз товаров из одной местности в другую, за окна, двери и ворота, за празднование дня рождения, за танцы. Священники, кроме десятины, брали соответствующую мзду за крестины, причастие, свадьбу, похороны. Жители

колоний жаловались, что им приходилось расплачиваться за жизнь и смерть, за хлеб и голод, за радость и скорбь.

В XVIII веке, в годы правления Карла III (1759–1788), испанские власти, следуя политике просвещенного абсолютизма, осуществили в метрополии и колониях некоторые реформы. Был запрещен иезуитский орден, и его члены высланы за пределы испанских владений. Инквизиция значительно умерила свою кровавую деятельность, цензура стала либеральной, колонии получили возможность торговать между собой и с различными частями метрополии, креолы стали впервые выезжать не только в Испанию, но и в другие страны Европы, их стали допускать в военное и духовное сословия и даже в колониальную администрацию.

Но от реформ выиграли не столько креолы, сколько сами испанцы. При Карле III из метрополии в заморские владения хлынула новая волна прожорливых и ненасытных дельцов, которые захватили в свои руки все ключевые торговые позиции. Достаточно сказать, что поступления из Америки в Испанию возросли с 74,5 миллиона реалов в 1778 году до 1212,9 миллиона реалов в 1784 году. К тому же после смерти Карла III в Мадриде верх взяла обскурантистская партия, по наущению которой колониальные власти вновь стали «завинчивать гайки». Среди креолов возврат к прежним жестким методам правления вызывал понятное озлобление.

В 1780 году восстали перуанские индейцы под руководством Тупака Амару II. Тогда же взялась за оружие городская и сельская беднота в Новой Гранаде. Участники этого движения именовали себя комунеро — защитниками общего дела. И хотя испанцам удалось одержать победу над Тупаком Амару и комунеро, все говорило о том, что новые, еще более грозные события не за горами.

Это понимали наиболее прозорливые из испанцев. Министр Аранда представил королю меморандум, в котором предупреждал, что будет трудно длительное время удержать под властью Испании столь обширные земли, находящиеся на таком далеком расстоянии от метрополии.

Пророчески писал Аранда в своем меморандуме о Соединенных Штатах, провозгласивших в 1773 году свою независимость: «Северная республика родилась пигмеем и для обеспечения своей независимости нуждалась в помощи и могуществе двух великих держав — Испании и Франции. Настанет день, когда она вырастет и превратится в гиганта и даже в грозного колосса. Тогда она забудет о том, что получила от этих двух государств помощь, и будет помышлять только о своем

собственном благоденствии. Эта держава захватит Флориду и установит свое господство в заливе Мексики. Затем она попытается завладеть вице-королевством Новой Испании[4], чему мы не сможем воспрепятствовать, особенно учитывая, что Соединенные Штаты находятся на том же континенте и являются соседом этой колонии. Подобные опасения вполне обоснованны: все это произойдет в течение ближайших лет, если раньше мы не станем свидетелями еще более трагических событий в нашей Америке. Чтобы избежать этого, нам остается одно — освободить все наши колонии, оставив за собой только Кубу и Пуэрто-Рико и кое-какие острова, которые могут служить перевалочными пунктами для испанской торговли…

Нужно поставить во главе Америки трех испанских принцев, сделав одного королем Мексики, другого — Перу, третьего — Берега Твердой Земли, а за Вашим Величеством оставить титул императора. Торговля между ними будет основана на условиях полной взаимности, и все четыре нации образуют тесный наступательный и оборонительный союз».

Если бы испанский король прислушался к голосу Аранды и предоставил колониям хотя бы автономию, то, по всей вероятности, Боливару пришлось бы посвятить себя не борьбе за независимость, а какому-либо другому делу.

Но испанские Бурбоны не отличались особым умом и большой дальновидностью, а правивший тогда Карл IV и вовсе не блистал этими достоинствами.

— Отказаться от американских колоний, от американского золота? Да мы тогда все перемрем с голоду! Аранда и ему подобные вольнодумцы хотят гибели Испанской империи. Испании нужны конкистадоры, а не Дон-Кихоты.

И Карл IV отдал приказ уволить в отставку министра Аранду.

Тем временем в Западных Индиях росло беспокойство…

УЧЕНИК ЖАН-ЖАКА РУССО

Здесь мы часто видим людей, действия которых опровергают их философские воззрения. В одной руке у них Рейналь, а другой они наказывают своих рабов. Они требуют свободы от испанского владычества, но это не мешает им торговать новорожденными.

А. Гумбольдт

Каракас — столица генерал-капитанства Венесуэла — расположен невысоко над уровнем моря, в долине, защищенной горными хребтами: с севера — от набегов карибских пиратов, с юга — от горячих равнинных ветров». В Каракасе «вечная весна». Широкие мощеные улицы выходят на четыре просторные площади, где помещаются здания колониальной администрации. Кругом сады, парки, цветники. Город часто подвергался землетрясениям, поэтому дома, даже самые богатые, строились одноэтажными. За их стенами скрывались внутренние дворики — патио.

В одном из таких домов на площади Сан-Хасинто проживал знатный мантуанец из семьи «больших какао», дон Хуан Висенте Боливар-и-Понте, предок которого, баск Симон Боливар, поселился в Венесуэле еще во второй половине XVI века. Симон Боливар занимал пост казначея при генерал-капитане Каракаса и оставил после себя солидное состояние в виде имений и плантаций. Его потомки приумножили эти богатства. Один из них приобрел в 1663 году поместье Арроа с большими медными рудниками. Отец дона Хуана Висенте купил титулы маркиза и виконта, которыми, однако, дон Хуан Висенте так и не воспользовался, ибо король не подтвердил их.

Дон Хуан Висенте Боливар вел образ жизни знатного мантуанца — командовал полком колониального ополчения, пятнадцать лет прожил в Мадриде, представляя интересы каракасского кабильдо[5]. Из столицы Испании он привез военные, исторические и религиозные сочинения. Наряду с произведениями Кальдерона и Сервантеса, проповедями Боссюэ и трактатами испанских теологов в его библиотеке появились книги великих богохульников — Эразма, Вольтера, Руссо.

В 1728 году испанская корона отдала всю торговлю с

Венесуэлой на откуп баскскому торговому дому — Гипускоанской компании, которая за бесценок приобретала какао и другие колониальные товары. Против засилья этой компании в 1749 году поднялось восстание под руководством креола Леона. Восставшие заняли Каракас и вынудили испанские власти лишить Гипускоанскую компанию права монопольной торговли с Венесуэлой. Когда возмущение несколько улеглось, испанцы арестовали руководителей движения и казнили их. Дон Хуан Висенте относился с симпатией к восстанию Леона, хотя в нем не участвовал. Он был глубоко потрясен расправой испанцев над его руководителями.

С большим сочувствием следил дон Хуан Висенте за борьбой населения английских колоний в Северной Америке против колониальных властей. Испания, всегда готовая пустить кровь своей извечной сопернице Англии, решила помочь Вашингтону и объявила Альбиону воину.

Вместе с североамериканскими колонистами сражались против англичан испанские войска, посланные во Флориду с Кубы. В боях за независимость Соединенных Штатов принимал участие венесуэльский креол Франсиско де Миранда, служивший в то время адъютантом генерал-капитана Кубы. Дон Хуан Висенте и другие видные мантуанцы установили связь с Мирандой и предложили ему возглавить антииспанское восстание в колониях. Но Миранда считал, что для открытого выступления против испанских властей время еще не настало.

Дон Хуан Висенте был закоренелым холостяком. Он женился, только когда ему исполнилось сорок семь лет. Его спутницей стала четырнадцатилетняя Мария Консепсьон Паласпос-и-Бланко, принадлежавшая, как и он сам, к одному из богатейших мантуанских родов. Донья Мария подарила своему мужу сперва сына, названного по имени отца Хуаном Висенте, а затем двух дочерей: Марию Антонио и Хуану. А в ночь с 24 на 25 июля 1783 года в доме Боливаров на площади Сан-Хасинто в Каракасе произошло новое важное событие — донья Мария родила еще одного сына. По существовавшему в знатных семьях обычаю его назвали несколькими именами — Симон Хосе Антонио де ла Сантисима Тринидад, последнее в честь святой Троицы.

Симона крестил один из родственников семьи Боливар — настоятель кафедрального собора Каракаса Феликс Аристегиета. Он предлагал наречь мальчика именем святого Иакова, патрона Испании. Но дон Хуан Висенте потребовал назвать своего сына Симоном: «Он должен прославить наш род не менее нашего предка Симона. Я предчувствую, что мой сын будет освободителем Венесуэлы от испанского господства». В 1783 году

Англия была вынуждена признать независимость Соединенных Штатов. Разве это не было счастливым предзнаменованием? Аристегиета не разделял крамольных взглядов дона Хуана Висенте. Прелат был убежден, что мальчика ждет беспечная жизнь, полная утех и наслаждений, и, чтобы в них не было недостатка, он подарил новорожденному имение, приносившее годовой доход в 20 тысяч песо.

Через шесть месяцев после рождения Симона умер Аристегиета, а еще через два года за ним последовал и дон Хуан Висенте, оставив своей семье в наследство огромное состояние. Вот перечень его богатств:

258 тысяч песо наличными;

две плантации какао;

четыре дома в Каракасе с рабами, обстановкой и драгоценностями;

девять домов в порту Ла-Гуайра;

серебряный поднос стоимостью в 46 тысяч песо;

летняя резиденция на побережье;

имение Сан-Матео близ Каракаса с 1000 рабов и двумя сахарными заводами;

плантация индиго в долине Арагуа;

три скотоводческих поместья в льяносах;

медные рудники в долине Арроа и золотой прииск в Кокороте.

Кроме того, дону Хуану Висенте принадлежали:

в Веракрусе (Мексика): 1185 фунтов индиго, 13804 фунта какао; в Кадисе (Испания): 2421 фунт индиго, 80852 фунта какао.

Один из биографов Боливара, американец Уолдо Фрэнк, оценивал состояние его отца в 10 миллионов долларов в переводе на современные деньги.

Не прошло и шести лет, как умерла от туберкулеза и донья Мария. Мальчик Симон остался на попечении своей няни — негритянки Иполиты. Простая раба заботилась о маленьком мантуанце с любовью и преданностью. Боливар вспоминал о ней: «Иполита — моя мать, ее молоко вскормило меня, и я не знал других родителей, кроме нее».

Воспитанием сироты занялся его дядя Карлос Паласиос. Он взял своему племяннику в наставники двадцатилетнего Симона Родригеса. В то время Родригес служил писарем у дедушки Боливара Фелисиано Паласиоса. Несмотря на молодость, наставник Боливара был вполне зрелым человеком, обладавшим разносторонними знаниями и большим жизненным опытом. Родригес успел побывать в Европе. Четырнадцатилетним подростком он нанялся юнгой на корабль, и, попав в Европу,

обошел пешком Испанию, а затем Францию и Германию. По некоторым источникам, он побывал даже в России.

«Я не хочу быть похожим на дерево, которое укореняется на одном месте, я хочу быть похожим на ветер, воду, солнце, на все то, что находится в постоянном движении», — любил повторять Родригес.

Наставник Боливара слыл страстным поклонником французских энциклопедистов, особенно Руссо, книгу которого «Эмиль», проповедовавшую новые методы воспитания, считал наивысшим откровением. Даже его внешний облик — тонкие губы, худой и длинный нос, выдающейся вперед квадратный подбородок, — казалось, напоминал автора трактата об общественном договоре.

Возвратившись из Европы, Родригес стал директором одной из немногих школ венесуэльской столицы. В докладной записке, представленной кабильдо и озаглавленной «Размышления о недостатках преподавания в школах начального обучения в Каракасе и о мерах по улучшению оного», молодой педагог предлагал ввести совместное обучение мальчиков и девочек, учить ремеслам, допускать в школы детей негров и мулатов. Родригес писал: «Хорошо, что молодежь изучает науки: пусть изучает языки, литературу, право, физику, ботанику, но есть еще более важная вещь, которую следует знать в первую очередь, — умение жить в обществе». Городским властям записка Родригеса показалась богохульной, и они предпочли на нее не отвечать.

Поклонник Руссо считался в Каракасе большим оригиналом. Его настоящая фамилия была Карреньо. Он не верил в бога. Брат же его был фанатичным католиком. На этой почве у них происходили частые ссоры. В конце концов Симон порвал с братом и, чтобы его с ним не смешивали, отказался от фамилии Карреньо, приняв фамилию матери — Родригес. Своим дочерям он дал имена небиблейского происхождения — Маис (кукуруза) и Тюльпан, следуя и в этом духу учения Руссо.

Родригес хотел сделать своего ученика похожим на Эмиля, наделенного Руссо всеми гражданскими доблестями. Ведь Боливар, как и Эмиль, был сиротой, богатым, знатным, сильным и здоровым юношей. Родригес поселился с ним в поместье Сан-Матео[6]. Там учитель и ученик вели спартанский образ жизни, спали в гамаках, в полночь учитель будил ученика, и они шли купаться в прохладных водах реки Гуайры. Охота, верховая езда на полудиких скакунах, разговоры с рабами, с суровыми льянеро, прогулки в горы — вот чем жили молодой креол и его воспитатель.

Поменьше книг и побольше общения с природой — таков был

совет учителя своему ученику. Родригес познаомил Симона с жизнью Робинзона Крузо — с единственной книгой, которую рекомендовал Руссо в качестве учебника. Под руководством Родригеса Боливар получит хорошую физическую закалку. Молодой мантуанец стал неутомимым ходоком, прекрасным наездником, отважным пловцом.

Подолгу беседовали учитель и ученик о французской революции, объявившей войну тиранам. От Родригеса Боливар узнал, что его знаменитый соотечественник Франсиско де Миранда стал одним из виднейших полководцев революционной Франции.

Однажды учитель принес ученику «Декларацию прав человека и гражданина», изданную в столице Новой Гранады — Боготе сторонником французской революции Антонио Нариньо. Богатый негоциант Нариньо купил типографский станок и отпечатал переведенный им на испанский язык текст знаменитой декларации. Испанские власти, узнав об этом, арестовали Нариньо, конфисковали все его имущество, а самого выслали в Испанию и заточили в тюрьму в Кадисе.

Вести о французской революции доходили не только до верхов колониального общества, они проникали и в гущу народа. О событиях во Франции знали и негры-рабы. В 1790 году среди них прошел слух: испанский король отменил рабство, но рабовладельцы, сговорившись с колониальными властями, скрывают это. Рабы, обслуживавшие своих господ, прислушивались к их разговорам, выкрадывали господские письма, бумаги, газеты, надеясь узнать правду. Дети плантаторов рассказывали рабам новости, которые тщательно скрывали их отцы. Из уст в уста передавались слова сына помещика Мансанаса, сказанные им своей няне-негритянке: «Пробил час объявить всех равными, ибо цвет кожи не имеет никакого значения».

Рабы узнали, что на острове Гаити их собратья по несчастью восстали, перебили плантаторов и провозгласили республику. В Каракасе а других городах Венесуэлы находили подметные письма с призывами к населению взяться за оружие и провозгласить «французский закон», то есть отменить рабство.

В 1795 году рабы, к которым примкнули свободные негры, метисы, мулаты и некоторые из белых крестьян, подняли восстание в сельской местности, неподалеку от города Коро. Восставшие захватывали поместья, убивали хозяев, объявляли об отмене рабства, снижали налоги. Колониальным властям при поддержке местных помещиков удалось подавить движение, а его вождя — самбо Хосе Леонардо Чириноса после жестоких пыток

казнить. Такая же участь постигла и многих других участников восстания.

Родригес и его ученик знали об этих событиях.

— Раньше или позже, но народ все равно победит, — повторял Симон-старший Симону-младшему. — Республика — вот к чему мы должны стремиться.

Между тем и в самой Испании было тревожно: возникали тайные мятежные ложи, создавались республиканские общества, плелись заговоры. Их участники призывали народ взять пример с французских революционеров, свергнуть испанских Бурбонов и провозгласить республику. Тюрьмы не вмещали всех арестованных по подозрению в антиправительственной деятельности. Королевские власти стали высылать политических заключенных в американские колонии. В начале 1797 года группа таких арестантов во главе с республиканцем — уроженцем испанского острова Мальорка Пикорнелем — была доставлена в Ла-Гуайру и заключена в местную крепость.

Появление Пикорнеля и его товарищей на венесуэльской земле вызвало большое оживление среди сторонников французской революции в Каракасе. Это были главным образом молодые люди из богатых креольских семей, руководил ими учитель Боливара Родригес.

Конспираторы организовали побег Пикорнеля и его товарищей, надеясь с их помощью произвести республиканский переворот. Подготовкой восстания занялись два молодых креола — Хосе Мария де Эспанья и Мануэль Гуаль.

Казалось, все предвещало близкий успех. Но в последний момент предатель раскрыл планы патриотов испанским властям. Начались повальные аресты. Гуаль и Эспанья бежали на остров Тринидад. Спасаясь от ареста, покинул Каракас и Родригес.

Поздно вечером прискакал он в поместье Сан-Матео, чтобы проститься со своим учеником.

— Прощай, мой юный друг! Помни — испанский режим обречен. Венесуэла скоро будет свободной, а пока не падай духом. Попроси взять тебе в учителя Андреса Бельо, секретаря генерал-капитана. Он один из наших, но ему ничто не угрожает, ибо предатель не знал об его участии в заговоре.

На следующее утро из порта Ла-Гуайры вышла по направлению к острову Тринидад американская бригантина, на борту которой находился новый матрос — Самюэль Робинзон. Так назвал себя Родригес в честь любимого героя Руссо Робинзона Крузо.

Вскоре Боливар переехал жить в Каракас, в дом на площади Сан-Хасинто. Его новым наставником стал Андрес Бельо, не

уступавший в учености Родригесу. Бельо хорошо знал английский и французский языки, писал стихи, подражая классическим поэтам древности. Он постарался привить своему ученику вкус к чтению. Бельо познакомил Боливара с бессмертными творениями Гомера «Одиссеей» и «Илиадой», с произведениями Данте и Вергилия, Кеведо и Сервантеса.

В 1798 году в Венесуэлу тайно возвратился Эспанья.

И вновь в Каракасе и других городах по ночам таинственные люди расклеивали листки, призывавшие народ свергнуть испанцев и провозгласить республику. Андрес Бельо в эти дни часто отлучался из дома своего ученика, ссылаясь на неотложные дела.

Патриотов и на этот раз постигла неудача.

Власти выследили Эспанью, он был схвачен и казнен. Но его единомышленники остались на свободе. И они были готовы при первой же возможности вновь заявить о себе…

***

Шел 1799 год. В Каракас из Европы с остановкой на острове Тенерифе прибыли два знаменитых ученых — немецкий географ и естествоиспытатель Александр Гумбольдт и его друг французский ботаник Эме Бонплан. Они получили разрешение Мадрида посетить колонии в Новом Свете, с тем чтобы дать их научное описание, — испанские власти надеялись воспользоваться результатами исследования в своих интересах.

К ученым потянулась патриотическая молодежь Каракаса, для которой оба путешественника олицетворяли революционный Париж. Гумбольдта и Бонплана всюду сопровождал Андрес Бельо, он представил им своего питомца, молодого Симона Боливара.

Александр Гумбольдт и Эме Бонплан пробыли в Венесуэле около года. Гумбольдт первым из европейцев неиспанцев посетил все ее семь провинций и оставил потомству их подробное описание в своем знаменитом 30-томном сочинении «Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799–1804 гг.», впервые изданном в Париже в 1807–1834 годах. Это сочинение позволяет считать Гумбольдта первооткрывателем современной Венесуэлы.

Немецкий ученый прекрасно разобрался не только в природе Венесуэлы, но и в ее социальной действительности, предсказав неизбежный разрыв с Испанией не только этой, но и других испанских колоний и превращение их в независимые государства. Гумбольдт предвещал, что подавление освободительных

движений силой приведет только к еще большему ожесточению местного населения по отношению к метрополии, которая в конце концов будет вынуждена покинуть свои владения.

«Когда я прибыл: в Каракас, — писал Гумбольдт в своем сочинении, — сторонники метрополии только что избавились от опасности, которой, по их мнению грозило задуманное Эспаньей восстание. Это смелое начинание привело к особенно серьезным последствиям, так как вместо того, чтобы вникнуть в истинные причины народного недовольства, испанцы прибегли к самым жестоким средствам, думая таким образом спасти метрополию».

Немецкий ученый с благодарностью вспоминал, с каким радушием принимали его каракасцы. Он отмечал, что Каракас, как и Гавана, которую он посетил ранее, лучше по сравнению с другими испанскими колониями осведомлены в вопросах политических связей между народами — им присущ более широкий взгляд на состояние колоний и метрополии.

Частые торговые сношения с Европой и положение на берегах Карибского моря, писал Гумбольдт, оказали могущественное влияние на общественный прогресс Венесуэлы, как и острова Куба. Нигде больше в Испанской Америке цивилизация не приобрела такого сходства с европейской. Мексике и внутренним районам Новой Гранады большое число индейцев-землевладельцев придает своеобразный, даже экзотический характер. В Гавайе и Каракасе, несмотря на рост негритянского населения, чувствуешь себя ближе к Кадису и Соединенным Штатам, чем в любом другом городе Нового Света.

Гумбольдт оставил глубоко проникновенный анализ взглядов и настроений венесуэльских креолов, которым суждено было вскоре стать во главе движения за независимость. «В Каракасе, — отмечал он, — как и всюду, где назревают великие перемены в — идеях, существует два рода людей, можно сказать, две совершенно различные генерации. Одна, в настоящее время немногочисленная, сохраняет горячую привязанность к старинным обычаям, простоте нравов, умеренности в желаниях. Она живет лишь прошлым Америки, считая ее собственностью своих предков, которые ее завоевали. Отвергая все, что называют достижениями современности, она тщательно сохраняет как часть своего родового достояния наследственные предрассудки. Другая, интересующаяся не столько даже настоящим, сколько будущим, обнаруживает часто бессознательную склонность к новым обычаям и идеям. Когда эта склонность сочетается с любовью к прочному знанию, когда ее обуздывает и направляет ясный и просвещенный ум, она приносит пользу обществу. Среди представителей второй генерации я знавал в Каракасе много

людей, замечательных своей любовью к науке, и мягкостью нравов, и возвышенностью чувств, но я знавал и иных: презирая все, что есть достойного и прекрасного в характере испанцев, их литературе и искусстве, они утратили свой национальный облик, но в то же время не почерпнули из сношений с иностранцами сколько-нибудь точных представлений об истинных основах счастья и социального порядка».

Последовательный противник рабства, Гумбольдт критически отнесся к тем креолам, которые щеголяли своей просвещенностью, рассуждали о свободе и независимости и вместе с тем продолжали оставаться рабовладельцами, изнуряя до смерти непосильной работой своих рабов.

С большой теплотой описывал Гумбольдт колониальный Каракас и его обитателей: «В Каракасе восемь церквей, пять монастырей и театральный зал, вмещающий от 1500 до 1800 человек. В мое время он был устроен как партер, где мужчины сидели отдельно от женщин, не имел крыши. Можно было одновременно смотреть на актеров и на звезды… Улицы в Каракасе широкие и прямые, пересекаются под прямыми углами, как во всех городах, основанных испанцами в Америке. Небольшие размеры долины и близость высоких гор Авила и Силья придают Каракасу мрачный и суровый характер, особенно в то время года, когда стоит самая прохладная погода, то есть в ноябре и декабре. Утро тогда очень красиво: на фоне чистого ясного неба отчетливо вырисовываются две куполообразные вершины Сильи и зубчатый гребень Серро-де-Авила. Но к вечеру атмосфера сгущается; вершины гор скрываются в тучах, и гряды облаков ползут по вечнозеленым склонам, как бы разделяя их на отдельные ярусы. Мало-помалу ярусы сливаются, холодный воздух, спускающийся с Сильи, заполняет долину и превращает легкие облака в огромные клочковатые тучи. Они часто опускаются ниже Лагудайрского креста и движутся, касаясь земли, на Каракас к Пасторе и ближайшему кварталу Тринидад. При виде туманного неба мне казалось, что я нахожусь не в жарком поясе в одной из долин с умеренным климатом, а в глубине Германии в горах Гарца, поросших соснами и лиственницами. Но в разгар лета вы не увидите этой мрачной и печальной картины, этого контраста между утренней ясностью неба и туманным небом по вечерам. В июне и июле ночи светлые и прекрасные. Воздух почти постоянно сохраняет чистоту и прозрачность, какие характерны для плоскогорий и высокогорных слоев разной температуры. Только летом можно наслаждаться всей красотой ландшафта, который в конце января хорошо освещен лишь в течение нескольких дней».

Гумбольдт писал, что он обнаружил во многих каракасских семьях склонность к науке, знакомство с шедеврами французской и итальянской литературы, ярко выраженную любовь к музыке, которой здесь с успехом занимаются. Вместе с тем немецкий ученый отмечал отсутствие у местного общества интереса к естественным наукам.

Пребывание Гумбольдта и Бонплана в Венесуэле оставило глубокий след в памяти жителей этой страны, которые впервые в их лице встретились с подлинными учеными. Рассказы исследователей о научном прогрессе, их демократизм, свободолюбие, отрицательное отношение н рабству, всяческой тирании встречались с восторгом креолами, мечтавшими избавиться от испанского колониального владычества. Хорошо запомнил свою встречу с учеными и молодой мантуанец Симон Боливар. Ему не терпелось побывать в Европе, самому увидеть все то замечательное, о чем рассказывали эти два знаменитых чужестранца.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Я хочу жить свободным и умереть гражданином.

Симон Боливар

В 1799 году родственники Боливара, на попечении которых он находился, решили отправить его в Испанию, в Мадрид, подальше от беспокойного Каракаса. Молодой мантуанец должен был приобрести в столице Испании светский лоск и завершить свое образование. Это было тем более необходимо, что Родригес и Бельо больше заботились о его физическом и философском воспитании, чем о том, чтобы преподать ему элементарные правила грамматики или арифметики.

Путешествие не обошлось без приключений. Корабль, на котором находился Симон Боливар, стремясь избежать встречи с англичанами, воевавшими тогда с Испанией, вынужден был завернуть в мексиканский порт Веракрус. Воспользовавшись этим, Боливар посетил Мехико[7], столицу вице-королевства Новой Испании, славившуюся своими дворцами и памятниками древней культуры ацтеков. Вице-король, к которому у Боливара были рекомендательные письма, ласково принял юношу и пригласил его к столу. Во время трапезы речь зашла о французской революции. Вице-король спросил Боливара, что он думает об этом событии. Молодой человек, не смущаясь, стал восхвалять французский народ, казнивший Людовика Бурбона. Испанский вельможа был явно смущен. Он поспешил переменить тему.

Вскоре Боливар вновь тронулся в путь. Его корабль благополучно прибыл в Бильбао, древнюю столицу Басконии, родину первого Симона Боливара. Из Бильбао в почтовой карете молодой венесуэлец отправился в Мадрид, где дядя дон Эстебан Паласиос давно уже ожидал его.

Дон Эстебан находился в испанской столице по поручению покойной матери Боливара, которая после смерти мужа решила ходатайствовать перед королем о признании титулов маркиза и виконта, купленных дедом Симона. Такие дела при дворе тянулись годами, да и сам дон Эстебан не спешил с выполнением порученной ему миссии. И хотя мать Боливара давно уже умерла, дон Эстебан все еще оставался в Мадриде, весело прожигая жизнь. Действительно, зачем было спешить с признанием титулов и возвращаться в скучный провинциальный Каракас, когда можно было наслаждаться всеми благами жизни в отнюдь не

пуританском Мадриде?

Дядя Боливара жил во дворце своего закадычного друга и земляка гвардейского офицера дона Мануэля Мальо. Красавец Мальо сделал не совсем обычную карьеру. Он числился в то время первым фаворитом испанской королевы Марии Луисы. Предшественником Мальо на этом своеобразном посту был другой гвардеец — Мануэль Годой, ставший благодаря покровительству Марии Луисы премьер-министром королевства, фельдмаршалом и принцем.

К креолу Мальо высший мадридский свет не особенно благоволил, и он был вынужден довольствоваться обществом своих соотечественников, проживавших в Мадриде. Особую симпатию Мальо проявлял к дону Эстебану, которому он выхлопотал место министра в счетном трибунале королевства. Во дворец к Мальо дон Эстебан и привез своего молодого племянника.

На первых порах Боливар с голевой окунулся в светскую жизнь Мадрида. Благодаря стараниям Мальо он был представлен ко двору и даже допущен к игре в мяч с наследным принцем доном Фердинандом, впоследствии королем Испании, смертельным врагом будущего Освободителя. То, что Боливар увидел и узнал о нравах королевского двора и королевской семьи, вряд ли могло укрепить его верноподданнические чувства по отношению к испанской короне. Боливар неоднократно был свидетелем любовных свиданий беззубой и дряхлой королевы Марии Луисы с красавцем Мальо.

В Мадриде все знали, что король и его семья находится во власти продажной и способной на всевозможные мерзости и низости камарильи.

— И эти люди вершат судьбами Испании и американских колоний! — с возмущением говорил Боливар дону Эстебану. — До каких пор мы будем терпеть их на своей шее?

Но дон Эстебан только пожимал плечами.

— Зачем принимать все так близко к сердцу, мой мальчик? Чем, собственно говоря, ты недоволен? Ты живешь при дворе, ты считаешься одним из богатейших наследников империи, скоро утвердят принадлежащие твоей семье титулы маркиза и виконта, и ты станешь грандом Испании. И кто знает, может, тебе улыбнется счастье и ты станешь со временем фаворитом королевы. Если же проявишь больше смекалки, чем мой приятель Мальо, то сможешь получить даже пост премьер-министра. Тогда наведешь порядок не только в Испании, но и в ее заморских владениях. Или ты думаешь преуспеть больше, следуя примеру нашего соотечественника Миранды, который вот уже двадцать

лет как скитается по белому свету и грозит низвергнуть власть испанского короля в колониях? Веселясь в беспечном Мадриде, мой мальчик, ты куда большего достигнешь, чем тоскуя в респектабельном и чопорном Лондоне.

Эти разговоры кончались обычно тем, что вспыльчивый Боливар покидал своего дядюшку и подолгу не появлялся во дворце Мальо.

Боливар находил приют у маркиза Устариса, уроженца Каракаса, многие годы проживавшего в Мадриде.

Устарис был сторонником политики просвещенного абсолютизма и поклонником французских энциклопедистов, врагом иезуитов. В свое время он дружил с Флоридабланкой, Арандой, Ховельяносом — талантливыми министрами Карла III, реформы которых несколько оживили дряхлое тело испанского государства. Это Устарис добился через своих высокопоставленных друзей разрешения Гумбольдту и Бонплану посетить заморские владения Испании, в том числе Венесуэлу.

Маркиз с искренним радушием принимал молодого креола. Он познакомил Боливара со многими выдающимися людьми Испании — писателями и учеными, разрешил ему работать в своей библиотеке, где особенно богато были представлены произведения о французской революции. Здесь Боливар обрел надежное убежище от сутолоки дворца Мальо.

***

Прошел год, как каракасец прибыл в Мадрид. Он уже покинул Мальо и дядю Эстебана. Теперь он живет в небольшом особняке а района Анточа, неподалеку от своего покровителя маркиза Устариса. Впоследствии Боливар говорил, что в молодости он усиленно штудировал Локка, Вольтера, классиков античности, историков, ораторов и поэтов Испании, Франции, Италии и Англии. И это удалось ему в значительной мере благодаря все тому же Устарису.

Старый аристократ решил завершить воспитание молодого каракасца соответствующей его рангу женитьбой. В доме Устариса Боливар встретился с молодой мантуанкой Марией Тересой Родригес, единственной дочерью богатого каракасца дона Бернардо Родригеса де Торо, баска по происхождению, проживавшего тогда в Испании. Боливар полюбил Марию и не замедлил сделать ей предложение. Дон Бернардо дал согласие, но, учитывая возраст жениха, которому едва исполнилось семнадцать лет (невеста была на два года старше его), предложил

отложить свадьбу на несколько месяцев.

Тем временем всесильный временщик Годой не терял надежды вновь занять первое место в любвеобильном сердце королевы Марии Луисы.

Годой плел сложную сеть интриг против Мальо и его венесуэльских земляков. Благодаря стараниям временщика был арестован и посажен в тюрьму дядя Боливара дон Эстебан. А вслед за этим королевская стража пыталась задержать и самого Боливара.

— Поезжай в Париж, мой друг, — посоветовал Устарис Боливару. — Поживи там несколько месяцев, пока здесь не успокоятся разбушевавшиеся страсти. Тебе полезно побывать во Франции. Ты узнаешь новый мир, о котором мечтали Вольтер и Руссо и которому принадлежит будущее. Познакомься с ним поближе. Будь я помоложе, обязательно поехал бы с тобой.

В начале 1802 года Боливар направляется во Францию, посещает Байонну, Амьен, Париж. Он полон впечатлений, однако ему не терпится возвратиться в Испанию, где его ждет невеста.

В мае в Мадриде Боливар сочетается браком с Марией Тересой. Через несколько дней после свадьбы молодая чета выезжает в Венесуэлу. Радостно встречают молодых в Ла-Гуайре родственники и знакомые. Симон и Мария Тереса поселяются в новом доме в Каракасе. Но счастье их недолговечно. Мария Тереса плохо переносит климат Венесуэлы, постоянно недомогает. В Каракасе свирепствует желтая лихорадка. Молодая женщина заболевает ею. Местные врачи не в состоянии спасти больную. Проходит несколько дней, и она умирает на руках своего мужа.

— Нет, я не рожден для счастья, — повторяет Боливар. — В десять лет — сирота, в девятнадцать — вдовец. Личная жизнь для меня кончена.

***

В конце 1803 года Боливар вновь покидает Венесуэлу и направляется в Европу.

Некоторое время он живет в Мадриде в обществе своего тестя дона Бернардо Родригеса и маркиза Устариса. Но местная атмосфера явно не благоприятствует ему. Не успел он приехать в столицу Испании, как королевским декретом было запрещено пребывание в ней иностранцев якобы из-за «трудностей в снабжении продовольствием столицы». В действительности же испанское правительство хотело удалить из Мадрида французов и

креолов, среди которых было много сторонников республиканского порядка. В Испании многочисленные тайные патриотические общества призывали к свержению монархического строя, установлению демократических свобод, предоставлению независимости колониям. Полиция подозревала, что среди «смутьянов» были видные креолы, проживавшие в Мадриде, и французские эмигранты, бежавшие в Испанию от термидорианского террора.

Боливар переезжает в Париж, где снимает особняк, он пытается забыть свое горе, отдаваясь утехам французской столицы. Но здесь, как и в Мадриде, его больше всего тянет к своим землякам.

В Париже жила дальняя родственница Боливара Фанни, племянница священника Аристегиеты, крестившего Симона. Муж Фанни, полковник наполеоновской армии Дервье дю Вийяр, был вдвое старше ее, постоянно находился в походах. Салон Фанни посещали многие генералы — сподвижники Бонапарта, артисты, ученые и литераторы. Боливар стал ежедневным гостем в этом доме, в котором его больше всего привлекала сама хозяйка.

Фанни была двадцативосьмилетней брюнеткой, с копной вьющихся черных волос и оливковыми глазами. Она напоминала Боливару красавиц его родины. Молодая женщина приложила немало усилий, чтобы познакомить Боливара с парижским высшим светом. В ее доме Боливар встречал великого трагика Тальмá, писателя Шатобриана.

Однажды Боливар беседовал в доме Фанни с Гумбольдтом и Бонпланом, которые делились с ним своими впечатлениями о поездке по заморским владениям Испании.

Гумбольдт вспоминал свое пребывание в Каракасе, поездки на соседствующий с городом горный хребет Силью-Седло, в саванну — льяносы, посещение рудников и плантаций, выращивающих какао и индиго.

— Скажите, — спросил молодой креол немецкого ученого, — настала ли пора Испанской Америке сбросить чужеземное иго?

— Да, — ответил Гумбольдт. — Ваша родина созрела для независимости, но там нет человека, способного возглавить освободительное движение.

— Я не согласен с вами, Гумбольдт, — вмешался в разговор Бонплан. — Мне кажется, что раз колонии созрели для независимости — а они действительно созрели, — то как только поднимется восстание, оно само выдвинет вождя.

— Вы забываете, господа, о генерале Миранде, — напомнил собеседникам молодой креол.

Боливар близко сошелся с Бонпланом. Каракасец полюбил

этого скромного ученого, уверовавшего в будущее народов Южной Америки. Боливар предлагал Бонплану половину своих доходов, если он согласится переехать на жительство в Венесуэлу и будет продолжать там свою научную деятельность. Но Бонплан не принял предложения венесуэльского друга.

Во время пребывания Боливара в Париже Наполеон короновался императором Франции. Сохранилось письмо Боливара к полковнику дю Вийяру, свидетельствующее о крайне отрицательном отношении его к Наполеону в тот период.

«Не могу представить себе, — писал Боливар, — чтобы кто-либо был сторонником первого консула, хотя Вы, дорогой полковник, и превозносите его до небес. Я преклоняюсь, как и Вы, перед его военным талантом, но разве Вы не видите, что его единственной целью является захват власти? Этот человек становится деспотом… И это еще называется эрой свободы?.. Разве какой-либо народ может быть заинтересован в том, чтобы вверить свою судьбу в руки одного человека? Будьте уверены, правление Бонапарта станет в скором времени более жестоким, чем правление тех маленьких тиранов, которых он свергнул».

Много лет спустя Боливар, вспоминая эти дни, говорил своему адъютанту французу Перу де ла Круа:

— Я боготворил Наполеона как героя республики, как блестящую звезду славы, как гения свободы… Я не видел в прошлом никого, кто бы мог с ним сравниться, мне казалось, что и в будущем не сможет появиться подобный человек. Но с того дня, когда Наполеон провозгласил себя императором, для меня он превратился в двуличного тирана. Я воображал себе, как он с успехом подавляет благородные порывы человечества, борющегося за свое счастье, как он низвергает в прах колонну Свободы. Какое ужасное чувство возмущения вызвала в моей душе, горевшей фанатичной любовью к свободе и славе, столь грустная картина! С тех пор я не мог примириться с Наполеоном. Даже его слава мне казалась исчадьем ада, мрачным пламенем разрушительного вулкана, освещающим закованный в цепи мир. Я смотрел с удивлением на Францию (покрытую трофеями и монументами, гордившуюся своей армией и учреждениями), которая меняла фригийский колпак свободы на императорскую корону, и на ее народ, отказывающийся от своего суверенитета в пользу монарха. Я едва мог поверить в то, что видел: народ, ненавидевший тиранию и жаждавший равенства, бесстрастно взирал, как на руинах его завоеваний воздвигался трон и торжествовал предрассудок.

Несмотря на неприязнь к Наполеону-императору, душителю свободы, лавры Наполеона-полководца манили и влекли

молодого креола. Каракасец спрашивал себя, сможет ли он совершить нечто такое, что прославило бы его не только в Южной Америке, но и во всем мире.

«Отвечая на этот вопрос, — признавался впоследствии Боливар, — я не мог не вспомнить о рабском положении колоний, и я был уверен, что тот, кто завоюет для них свободу, покроет себя вечной славой!»

В один из январских дней 1805 года Боливар получил письмо из Вены, подписанное Самюэлем Робинзоном.

— Он жив, он в Вене, он зовет меня к себе! — воскликнул каракасец, прочтя послание любимого учителя.

Прошло несколько дней, и они обняли друг друга в столице Австрийской империи.

Родригес теперь был увлечен наукой. Он все свое время посвящал химическим опытам.

— Только наука может спасти человечество от суеверий, рабства и нищеты, — убеждал с жаром Робинзон своего ученика. — Тот, кто овладел тайнами науки, станет господином мира, ему будут повиноваться короли и императоры, его будут славить народы.

Но работа в лаборатории не прельщала Боливара.

— Хорошо, — сдался наконец учитель. — Если ты не желаешь разделить со мной лавры открывателя философского камня, то тогда давай попутешествуем вместе по Европе, но только пешком, как любил путешествовать бессмертный Жан-Жак Руссо. Великая мать человека — природа — исцелит тебя от великосветской хандры и заставит забыть все твои горести и тревоги.

Боливар возвращается в Париж, куда вскоре следует за ним Робинзон. 6 апреля 1805 года друзья, захватив с собою самое необходимое, покидают столицу Франции. Их путь лежит в солнечную Италию.

Путники прибыли в Милан, где присутствовали еще на одной коронации Наполеона — на этот раз в качестве короля Италии. Затем они направились в Венецию, откуда через Феррару, Болонью, Флоренцию и Перуджу прибыли в столицу папского государства — Рим. Испанский посол поспешил пригласить молодого мантуанца, молва о богатстве которого всюду открывала ему двери, посетить папу Пия VII. Боливар принял приглашение, но отказался подчиниться обычаю и поцеловать крест, вышитый на папской туфле.

Испанский дипломат пришел в негодование.

— Как вы осмелились оскорбить святого отца? — закричал он Симону, как только они покинули папские покои.

— Сеньор, — спокойно ответил ему Боливар, уже тогда не

терпевший религиозного ханжества, — должно быть, папа не уважает эмблему христианства, если носит ее на своих туфлях, а ведь даже могущественные монархи считают за честь носить ее на короне.

Однажды Боливар и Родригес очутились на Священном холме — Монте-Сакро.

— Настало время освободить Америку от испанского господства, и ты должен сделать это, — горячо стал убеждать своего молодого друга Робинзон. — Если негры Сан-Доминго смогли изгнать французских рабовладельцев и завоевать независимость, то креолы подавно смогут добиться свободы. Испанцы слабее французов, а нас, американцев, больше их в несколько десятков раз. Главное — осмелиться начать. Решайся!

Боливар задумался.

— Ты прав, учитель. Дальше медлить нельзя. Клянусь честью и жизнью, что рука моя не устанет разить врагов и душа моя не обретет покоя до тех пор, пока я не разорву цепи, которыми Испания опутала мою родину.

Путешественники посетили еще Неаполь. Там они вновь встретились с Гумбольдтом, а также — знаменитым химиком Гей-Люссаком.

Из Неаполя друзья возвратились в Париж, а через несколько месяцев, напутствуемый советами Родригеса-Робинзона, Боливар покинул Европу. На пути в Венесуэлу он заехал в Соединенные Штаты Америки. О его пребывании в этой стране мало что известно. Возможно, каракасец пытался заручиться поддержкой американских властей делу независимости. Если это так, вряд ли ему удалось добиться большего, чем словесные выражения симпатии. Янки считали, что Испанская Америка еще не созрела для самостоятельности.

И вот наконец Боливар в Каракасе, в кругу своих родных и знакомых. Что готовит ему будущее?

ШКОЛА МУЖЕСТВА

Искусству побеждать учатся на поражениях.

Симон Боливар

Точно сквозь пелену тумана, видит он цепь последующих событий, которые за пять лет так изменили судьбу его родины, его соотечественников и его собственную жизнь.

Ах, если бы человеку было дано все повторить сначала, вернуться к исходу, заново перетасовать колоду карт — событий и, уже помудревшим, вновь начать игру, ставкой в которой благополучие его народа! Тогда результат был бы иной, тогда не было бы пролито напрасно так много крови, не было упущено столько возможностей, Монтеверде потерпел бы поражение, и флаг независимости теперь гордо реял бы над бывшим дворцом генерал-капитана в Каракасе.

***

Что же произошло после возвращения нашего героя на родину? Каракас все еще находился под впечатлением неудавшейся экспедиции Франсиско де Миранды в район Коро в 1806 году. Хотя попытка революционного генерала освободить Венесуэлу не увенчалась успехом и он был вынужден покинуть Берег Твердой Земли, она сильно напугала испанские власти и вселила новые надежды в сторонников независимости. Высадка Миранды показала и тем и другим, что освобождение колонии от испанского господства вовсе не мечта фантазера, а весьма реальная возможность.

В Каракасе ходили слухи, что Миранда продолжает оставаться в районе Карибского моря, набирая волонтеров и подготавливая новую освободительную экспедицию. Симон Боливар узнал о планах соотечественника, находясь в США. Мантуанец сообщил об этом своим единомышленникам в Каракасе, и те стали энергично готовиться к захвату власти, полные решимости на этот раз оказать Миранде максимальную поддержку.

Международная обстановка складывалась в пользу сторонников независимости. Положение в Европе становилось все более запутанным и неясным. Наполеон, возложив на свою голову

корону императора, стремился подчинить Франции все европейские страны. Ему удалось завлечь в Байонну испанскую королевскую семью[8] и добиться ее согласия на провозглашение королем Испании своего брата Жозефа Бонапарта. Французские войска пересекли Пиренеи, но неожиданно для себя встретили со стороны испанцев ожесточенное сопротивление. В стране возникали партизанские отряды и патриотические хунты для борьбы с завоевателями. В Севилье образовалась Центральная хунта, принявшая на себя функции испанского правительства.

Бедами Испании пыталась воспользоваться ее извечная соперница Англия. С одной стороны, она обнадеживала Миранду, обещая оказать ему, правда, в весьма туманной форме помощь в освобождении колоний, а с другой стороны, тайно готовилась сама завладеть ими. Такая попытка, предпринятая в 1806–1807 годах английским флотом и войсками в Буэнос-Айресе, с треском провалилась. Разгромленные местными ополченцами, захватчики позорно капитулировали. Победа жителей Буэнос-Айреса оказала заметное влияние на ход последующих событий в Испанской Америке. Если они сумели одержать верх над опытной и хорошо оснащенной английской армией, то с не меньшим успехом они могут сражаться и с испанскими войсками. Таков был урок событий в Буэнос-Айресе, из которого извлекли соответствующие выводы креолы в Каракасе и в других колониальных центрах.

Стоит ли удивляться, что в Венесуэле испанские власти проявляли нервозность и нерешительность, терзаясь сомнениями, к кому им присоединиться — к Наполеону, севильской хунте или к местным жителям, если последние, следуя примеру колонистов Северной Америки и жителей Сан-Доминго, поднимут знамя восстания и провозгласят независимость?

Молодые патриоты, сторонники независимости, собирались в поместье Боливаров Эль-Палито близ Каракаса, которое они в шутку называли креольским конвентом. Боливар и его друзья стремились убедить влиятельных мантуанцев старшего поколения воспользоваться обстоятельствами и заставить генерал-капитана под предлогом соблюдения верности испанскому королю Фердинанду VII, плененному, как и его отец Карл IV, Наполеоном, образовать в Каракасе правительственную хунту, то есть независимое от севильской хунты правительство.

Мантуанцы, возглавляемые маркизом дель Торо, поддерживавшим тайную связь с Мирандой, действительно предприняли попытку склонить генерал-капитана к тому, чтобы образовать независимую хунту. Но действовали столь нерешительно, что при первом же окрике со стороны испанского наместника покаялись перед ним, выдав всех участников

патриотического заговора. Генерал-капитан, однако, был напуган не меньше самих заговорщиков, и поэтому они отделались всего лишь его отеческим репримандом.

Французы между тем продолжали военные действия в Испании, угрожая оккупировать всю территорию страны. В Европе мало кто сомневался в том, что, если французам удастся покорить Испанию, колонии в Америке изберут путь независимости. Такое мнение разделял даже император Александр I.

В письме графу Ф. П. Палену в связи с его назначением посланником в США русский царь писал: «Я полагаю, что если война в Испании еще продлится, то обширные и богатые земли, которыми она владеет в Америке, не желая находиться под управлением призрачного лица и отдавать все свои сокровища в распоряжение хунты, находящейся под опекой Англии, образуют одно или несколько независимых государств. Трудно правильно учесть все изменения, могущие произойти в результате такого события в политических и торговых связях Европы, но легко предвидеть, что эти изменения будут весьма важными».

Граф Пален учел интерес, проявленный Александром I к положению в Испанской Америке, и из Соединенных Штатов постоянно и весьма обстоятельно информировал Петербург о развитии событий в этой части света.

В одном из первых своих донесений из США, помеченном 14(26) ноября 1809 года, русский дипломат писал: «Громадные владения Испании в Новом Свете, которые в спокойные времена не так быстро пришли бы к мысли об отделении от метрополии, чувствуют сейчас такую потребность и сознают, какие преимущества они получат, если станут независимыми государствами и займут среди других держав земного шара место, предназначенное им природой. Как только у Испании не будет больше никаких шансов на спасение и мы увидим, что эта древняя владычица Нового Света попала под иго Франции, семена свободы сразу же дадут ростки в разных провинциях Испанской Америки… Эти новые государства не смогут более оставаться под управлением священников и фаворитов, и они, естественно, последуют по пути, который подскажут им их собственные интересы».

Впрочем, то, что видел граф Пален, видели и другие внимательные наблюдатели событий в Испанской Америке. Грозовые тучи уже давно собирались над нею, и гром, который грянул в 1810 году, не явился ни для кого неожиданностью.

Как и следовало ожидать, французы после ожесточенных сражений с партизанами смогли оккупировать значительную

часть испанской территории. 19 апреля 1810 года, когда сведения об этом достигли Каракаса, население венесуэльской столицы, руководимое все теми же молодыми патриотами во главе с Симоном Боливаром и его братом Хуаном Висенте, восстало и свергнуло генерал-капитана. Власть перешла к Патриотической верховной хунте, которая, хотя и присягнула на верность Фердинанду VII, в действительности стремилась к полной независимости от Испании.

Ф. П. Пален в своем донесении министру иностранных дел Н. П. Румянцеву так сообщал о событиях в Венесуэле в начале сентября 1810 года: «В Каракасе… население создало независимое правительство, но в то же время оно признало принца Фердинанда своим законным королем на случай, если ему когда-нибудь удастся воцариться в Испании. Это признание было сделано лишь для того, чтобы не оттолкнуть тех людей, которые еще держатся за древнюю монархию, но главные действующие лица глубоко убеждены, что Фердинанд больше не появится на сцене, а если бы он и появился у них, они первые не захотели бы его признать».

Между тем события развивались, если можно так сказать, зигзагообразно. Победы патриотов чередовались с поражениями. Мантуанцы старшего поколения, имевшие большое влияние на деятельность хунты, не проявляли ни решительности, ни энергии, ни сообразительности в борьбе за укрепление новой власти в Венесуэле. Одни из них опасались, что слишком решительные действия могут привести к «французской революции» и лишить их поместий, рабов и даже жизни, другие надеялись на компромисс с Испанией, третьи бездействовали по неопытности или просто по беспечности.

И все же хунта сумела осуществить ряд мероприятий. Она отменила многие обременительные для населения налоги, в том числе на некоторые предметы первой необходимости, сократила подати, взимаемые с индейцев, провозгласила свободу внешней торговли и запретила работорговлю.

Руководители хунты постановили направить за границу специальные миссии, чтобы заручиться поддержкой других государств и закупить необходимое для защиты новой власти оружие.

Доверенные люди были посланы на остров Кюрасао к голландцам, на Ямайку к англичанам и, что важнее всего, в Вашингтон и Лондон. Миссию в Вашингтон было поручено возглавить Хуану Висенте Боливару, а в Лондон — его брату Симону. Эти назначения были сделаны с учетом того, что оба брата уже бывали за границей, знали иностранные языки и

согласились сами оплатить все расходы, связанные с поездкой и работой миссий.

Хуан Висенте сравнительно успешно выполнил свое поручение в Вашингтоне. Правда, ему не удалось добиться поддержки правительства США, но он сумел закупить большую партию оружия. К несчастью, на обратном пути в Венесуэлу Хуан Висенте погиб в кораблекрушении. Умерла и младшая сестра Хуана. Теперь из семьи Боливаров в живых остались только Симон и старшая сестра Мария Антония.

Смерть Хуана Висенте лишь укрепила решимость Симона продолжать начатую борьбу, но одной решимости было еще недостаточно для победы…

В Лондоне миссию Боливара английские власти встретили сдержанно. Вместо признания каракасской хунты английское правительство предложило ей договориться с Регентским советом, представлявшим после самороспуска Центральной хунты интересы испанской короны. Прохладный прием англичан отнюдь не расстроил Боливара. Ведь он встретил в Лондоне своего кумира — генерала Франсиско де Миранду, который вслед за ним последовал в Каракас.

Возвращение предтечи венесуэльской независимости генерала французской революции Миранды на родину консолидировало радикальное крыло патриотов, требовавших окончательного разрыва с Испанией. Радикалы, действовавшие через Патриотическое общество, основанное Симоном Боливаром и его друзьями, требовали немедленного провозглашения независимости. Страстные речи о необходимости такого шага произносили в Патриотическом обществе Миранда и его единомышленник молодой Боливар. 4 июля 1811 года Боливар в Патриотическом обществе подверг резкой критике колебания большинства членов конгресса:

— В национальном конгрессе спорят о том, какое решение следует принять. И что же говорят нам? Что, прежде чем объявить независимость, следует объединиться в конфедерацию, как будто мы все не объединены против иностранной тирании! Какая разница, продаст ли нас Испания Бонапарту или будет впредь владеть нами как рабами, если мы готовы завоевать свободу. Эти сомнения показывают, что над нами все еще довлеет старый порядок. Нам говорят, что большие решения следует принимать, хорошо поразмыслив. Разве трехсотлетнего господства испанцев было недостаточно для размышлений? Патриотическое общество уважает национальный конгресс, но конгресс, в свою очередь, должен прислушаться к голосу Патриотического общества, являющегося светочем прогресса и выразителем всех

революционных чаяний нашего народа. Заложим же бесстрашно краеугольный камень южноамериканской свободы! Проявить нерешительность в этом вопросе равносильно поражению.

По предложению Боливара собравшиеся избрали делегацию, которая на следующий день совместно с членами Патриотического общества и их сторонниками окружила здание конгресса и потребовала от депутатов объявления независимости.

Конгресс сдался. 5 июля депутаты почти единодушно провозгласили независимость Венесуэлы. Вскоре после этого конгресс принял республиканскую конституцию. Так благодаря усилиям Миранды, Боливара и их соратников Венесуэла стала независимой республикой.

Но настоящие трудности только начались. Молодую республику ожидали тяжелые испытания. Ее противники устраивали восстания, плели заговоры. На Каракас упорно наступали жаждущие реванша сторонники старого порядка во главе с ревностным служителем испанского короля капитаном Доминго Монтеверде.

Казалось, что против патриотов восстали не только все земные силы, но и небесные. В стране произошло огромной силы землетрясение, вызвавшее гибель многих тысяч жителей. Больше всего пострадали районы, находившиеся во власти патриотов. Этим воспользовались испанцы и их сообщники — священники, утверждавшие, что землетрясение — кара господня за стремление венесуэльцев установить «безбожную» республику.

Ссылаясь на свидетельства очевидцев, Александр Гумбольдт так описывает в одном из своих сочинений происшедшее землетрясение. 26 марта 1812 года был исключительно жаркий, тихий и безоблачный день. Это был четверг страстной недели, и значительная часть населения находилась в церквах. В 4 часа 7 минут дня жители ощутили первый толчок. Он был настолько сильный, что закачались церковные колокола. Немедленно за ним последовал второй толчок, во время которого земля в непрерывном волнообразном движении словно кипела, как жидкость. Думали, что опасность уже миновала — вдруг послышался оглушительный подземный гул. Он напоминал раскаты грома, но был более сильным и более длительным, чем гром тропических гроз. Гул предшествовал вертикальному поднятию, за которым последовало более длительное волнообразное колебание. Ничто не могло устоять против толчка снизу вверх и перекрещивающихся колебаний.

Каракас был разрушен до основания. Тысячи жителей оказались погребенными под развалинами храмов и домов. Ночь с четверга на пятницу являла взорам раздирающее душу зрелище

отчаяния и горя. Густой слой пыли, поднявшейся над развалинами и висевшей в воздухе, подобно туману, постепенно осел. Никаких толчков больше не ощущалось; никогда ночь не была так прекрасна и тиха.

Почти полная луна освещала круглые вершины Сильи, и безмятежное небо представляло резкий контраст по сравнению с усеянной руинами и трупами землей. Матери несли на руках детей в надежде вернуть их к жизни. Безутешные семьи бегали по городу, разыскивая брата, мужа, друга, чья судьба была неизвестной, и все еще думая, что он затерялся где-то в толпе. Люди теснились на улицах, которые можно было узнать лишь по рядам нагроможденных развалин.

По отношению к мертвецам оставалось выполнить долг, диктуемый одновременно и жалостью, и страхом перед заразой. Так как нельзя было предать погребению тысячи трупов, наполовину засыпанных обломками, специальным уполномоченным поручили сжечь тела. Среди груд развалин разложили костры. Похороны продолжались несколько суток.

Священники и монахи денно и нощно проповедовали на улицах и площадях, призывая оставшихся в живых каракасцев «образумиться», отречься от республики и вернуться под покровительство испанского монарха и католической церкви. Иначе новые страшные и жестокие бедствия обрушатся на Венесуэлу. На одной из каракасских площадей Симон Боливар стащил со стола такого проповедника и, заняв его место, призвал соотечественников не верить антипатриотической пропаганде церковников.

— Если природа против нас, мы заставим ее подчиниться, — так говорил Боливар.

Между тем правительство республики растерялось. Оно оказалось не в состоянии принять решительные меры против врагов независимости. В этих условиях власть перешла к радикальному крылу патриотов, возглавляемому Франсиско де Мирандой и Симоном Боливаром.

Миранда был провозглашен диктатором и генералиссимусом войск республики, а Боливар после участия в подавлении антиреспубликанского мятежа в Валенсии, за что был произведен в полковники, стал комендантом военно-морской крепости в Пуэрто-Кабельо, где содержались пленные испанцы.

Однако ни Миранда, ни Боливар, ни их друзья не смогли предотвратить падения Первой Венесуэльской республики и победы сторонников Монтеверде. Отсутствие дисциплины в рядах патриотов, беспечность, доверчивость и недостаток политического опыта многих руководителей, страх,

испытываемый некоторыми из них перед рабами, жаждавшими свободы, иллюзии, которые питали патриоты, в их числе и сам Миранда, относительно возможности демократических преобразований в самой Испании после принятия кортесами в 1812 году конституции, — все это привело к поражению лагеря независимости. И, как часто бывает в такие минуты, людьми овладели неверие в свои силы, отчаяние, подозрительность; друг ополчился против друга, брат против брата, сын против отца, ученик против учителя.

Каждому из участников казалось, что в гибели республики виновны все, за исключением его самого. Боливар не проявил должной бдительности в роли коменданта крепости Пуэрто-Кабельо, которую захватили заключенные в ней испанцы, нанеся тем самым смертельный удар по интересам республики. Миранда, усталый и разочарованный, потерял веру в победу и капитулировал, поверив обещаниям врага не применять репрессий против патриотов.

Капитуляция Миранды, позволившая капитану Монтеверде во главе отряда в 300 человек захватить Каракас, вызвала гнев и возмущение Боливара и его друзей, которые арестовали своего недавнего кумира, надеясь продолжать борьбу. Но было уже поздно. Арестованный ими Миранда попал в руки испанцев, а Боливар был вынужден бежать из Венесуэлы, причем не без согласия самого Монтеверде.

Так родилась и погибла Первая республика Каракаса[9], так появился из водоворота событий новый завоеватель Венесуэлы Монтеверде, так пал жертвой своих собственных ошибок Миранда и случайно спасся Боливар. Спасся, потеряв своего кумира, состояние, а для многих и репутацию патриота.

***

За событиями в испанских колониях внимательно следил Александр Гумбольдт. В 1812 году он заканчивал редактировать свой труд о путешествии в равноденственные области Нового Света. В предисловии к нему немецкий ученый не скрыл своих симпатий к сторонникам независимости, выразил уверенность, что, несмотря на трудности и поражения, их дело в конечном итоге восторжествует. Гумбольдт писал:

«После того как я покинул Америку, в испанских колониях разразилась одна из великих революций, время от времени потрясающих человечество[10], по-видимому, она готовит новые судьбы населению в четырнадцать миллионов человек,

распространяясь из южного полушария в северное, от берегов Ла-Платы и Чили до северной Мексики. Глубокая ненависть, порожденная колониальным законодательством и поддерживаемая политикой недоверия, повела к кровопролитию… В Кито уже пали жертвой своей преданности родине самые добродетельные и самые просвещенные граждане. Описывая края, память о которых стала для меня столь дорогой, я то я дело переношусь мысленно в места, воскрешающие в моем уме воспоминания о погибших друзьях.

Когда начинаешь размышлять относительно политических волнений в Новом Свете, приходишь к выводу, что американские испанцы находятся в менее благоприятном положении, чем жители Соединенных Штатов, которые были подготовлены к независимости длительным периодом почти неограниченной конституционной свободы. Внутренних раздоров следует особенно страшиться в тех странах, где цивилизация не пустила еще достаточно глубоких корней и где под влиянием климата леса быстро снова завоевывают расчищенные, но затем предоставленные самим себе земли… Обращаясь к более приятным мыслям, я даже льщу себя надеждой… что под влиянием нового общественного строя эти страны достигнут быстрых успехов на пути ко всеобщему благополучию. И если тогда некоторые страницы моей книги избегнут забвения, житель Ориноко и Арабало[11], с восхищением убедится, что многолюдные торговые города и поля, обработанные руками свободных людей, раскинулась именно там, где во время моего путешествия были лишь непроходимые леса и пространства, затопленные водой».

Пройдет немало десятилетий, прежде чем эти надежды немецкого ученого воплотятся в жизнь. Но для того чтобы это стало возможно, нужна была победа над испанцами, а в те суровые дни 1812 года, в дни гибели Первой республики Каракаса, многим венесуэльцам победа дела независимости казалась не только далекой, но и недостижимой мечтой…

РОЖДЕНИЕ ЛИБЕРТАДОРА

Дарованный ему титул Либертадора (Освободителя) во всех языках есть новое слово.

«Сын отечества», Санкт-Петербург, 1826

Любой другой на его месте, возможно, предался бы отчаянию, отошел от борьбы, занялся устройством своих личных дел или искал бы легкого утешения в вине и женщинах. Так поступали многие из людей его класса в подобных обстоятельствах.

Он мог уехать в Соединенные Штаты, во Францию или в Англию и переждать там, пока минует гроза и можно будет вернуться в Каракас, чтобы продолжать беспечно жить в одном из поместий, которые достались ему по наследству от отца и брата.

Но этот самый богатый мантуанец Венесуэлы меньше всего думал о личном благополучии, когда вспоминал постигшую его родину катастрофу. Поражение только озлило его, укрепило в нем решимость продолжить, и не только продолжить, но возглавить борьбу до победного конца за независимость Венесуэлы.

После того как Миранда попал в руки испанцев, пожалуй, никто лучше Боливара не был подготовлен для этой ответственной роли. Он был молод, энергичен, широко образован, знал иностранные языки, у него были влиятельные связи не только в Венесуэле, но и за рубежом — в Англии, США, Франции в даже в самой Испании, он состоял в родстве со многими богатыми семьями страны. Правда, его авторитет был подорван потерей крепости Пуэрто-Кабельо, но кто из патриотов мог похвастаться только успехами? Разве самый достойный из них — Франсиско де Миранда — не совершил серию трагических ошибок, жертвой которых стал он сам?

Нет, если Боливар и виновен перед своими соотечественниками в чем-либо, то он смоет свою вину кровью ее врагов. Испанцы и вся Венесуэла еще узнают, на что способен этот молодой креол. Враги еще не раз убедятся в том, что поражения только укрепляют его решительность и настойчивость.

Теперь не время заниматься самобичеванием. Необходимо немедленно собрать вокруг себя всех тех, кто желает продолжать борьбу. Пусть это будет всего горстка, но горстка подлинных бойцов. Он вернется с ними в Венесуэлу, вернется с оружием в

руках, чтобы изгнать из Каракаса Монтеверде, истязающего патриотов, поверивших в его честное слово не мстить побежденным.

С этими мыслями Боливар высаживается на острове Кюрасао. Местные власти встречают его как заклятого врага английского короля. Они отнимают у него не только деньги, но и вещи. По-видимому, англичане сочли, что дело независимости испанских колоний с пленением испанцами Миранды окончательно погребено и поэтому нечего церемониться с его участниками. Но на этот раз Альбион просчитался.

Вскоре к Боливару на Кюрасао присоединились другие беглецы с Берега Твердой Земли.

— Не падайте духом, не унывайте, — воодушевлял он их. — Борьба только начинается. Монтеверде смог одержать победу над нами благодаря нашей нерешительности, неповоротливости, благодушию, отсутствию единства между провинциями, каждая из которых думала главным образом о себе и рассчитывала лишь на свои собственные силы. Я уверяю вас, что с тем же успехом, как и Монтеверде, который, начав кампанию с двумя сотнями солдат, за сорок пять дней одолел нас, мы, располагая примерно такими же силами, сможем справиться с ним, если проявим настойчивость и отвагу. Венесуэла снова в цепях, но над Новой Гранадой продолжает реять знамя свободы. Обратимся к гранадцам за содействием, они наши братья и протянут нам руку помощи.

Надежды Боливара на поддержку соседей были обоснованны. В Новой Гранаде большая часть населения состояла из белых — испанцев, креолов, среди которых преобладали ремесленники, свободные крестьяне. Здесь не существовало таких резко разграниченных социальных каст, как в Венесуэле. В 1810 году в этом вице-королевстве, как и в других американских колониях Испании, власть перешла к патриотам, которые вскоре образовали два лагеря. Сторонники унитарной системы правления получили большинство в провинции Кундинамарке. Они образовали свое правительство в Боготе во главе со знаменитым Антонио Нариньо, который к тому времени бежал из испанской тюрьмы и вернулся в Новую Гранаду.

Другие провинции отказались признать правительство Боготы, они высказались за федерацию и созвали свой Верховный конгресс Соединенных провинций Новой Гранады. Президентом конгресса, заседавшего в городе Тунха, был избран всеми уважаемый патриот Камило Торрес. Кроме того, в Картахене имелось свое провинциальное правительство.

Некоторые районы не приняли республику. На юге это был

Пасто, граничащий с Эквадором, на севере — старая твердыня конкистадоров Панама с крепостью Порто-бельо и местности вокруг Картахены, другой мощной крепости, особенно провинция Санта-Марта. Здесь продолжали удерживать власть сторонники испанцев.

Патриоты Новой Гранады пытались подчинить себе эти области, но, подобно венесуэльцам, действовали нерешительно. Политическая раздробленность в Новой Гранаде мало способствовала укреплению сил патриотического лагеря. Местные власти часто отказывались выполнять распоряжения центрального правительства или принимать участие в мероприятиях, которые их непосредственно не касались, и только тогда проявляли активность, когда враг вплотную подходил к их границам.

Новогранадцы действовали изолированно не только друг от друга, но и от прочих областей Америки, свергнувших испанский гнет. В то время как испанцы были подчинены единому центру — Регентскому совету, координировавшему их деятельность, патриоты были разобщены. Лишь в результате тяжелых поражений противники колониального режима осознали необходимость объединить все свои силы для борьбы за независимость. Такова была та высокая цена, которую приходилось платить им за науку побеждать.

Наиболее тревожным участком для новогранадцев был пограничный с Эквадором район Пасто, откуда угрожал республике испанский генерал Аймерич. Против него выступили вооруженные отряды патриотов под командованием Нариньо, которому удалось потеснить Аймерича и заставить его отступить к городу Пасто. Нариньо был уверен, что овладеет им без боя. Он не знал, что жители Пасто, приведенные контрреволюционными священниками в состояние дикого фанатизма, решили насмерть сражаться за свой город. Когда ничего не подозревавший Нариньо во главе небольшого отряда приблизился к позициям противника, его встретили ураганным огнем. Солдаты Нариньо бежали, а сам он попал в плен и снова был выслан в Испанию, где на этот раз просидел в тюрьме вплоть до революции 1820 года.

Безуспешно развивались действия против испанцев и на севере, в провинции Картахена, которая находилась во вражеском окружении. Именно в Картахену направился из Кюрасао в ноябре 1812 года Боливар с несколькими друзьями. С ним были его дядя Хосе Феликс Рибас, испанские республиканцы Андрес Кортес Кампоманес и Николас Брисеньо, братья Монтилья…

В Картахене во главе местного правительства стоял патриот Мануэль Родригес Торрисес, облеченный диктаторскими

полномочиями. Вооруженными силами командовал французский офицер Лябатют, приехавший в Америку вместе с Мирандой. Узнав, что Боливар участвовал в аресте Миранды, Лябатют отказался принять его в свою армию.

Только по настоянию Родригеса Торрисеса француз согласился использовать Боливара, назначив его командиром небольшого отряда в глухой деревушке Барранке на реке Магдалене, неподалеку от границы Венесуэлы. Здесь не предвиделось активных военных действий. Лябатют считал необходимым в первую очередь обезопасить Картахену от испанцев со стороны Санта-Марты, против которой он сосредоточил свои главные силы. Но у Боливара были иные планы. Он с готовностью принял предложенное ему назначение, надеясь превратить Барранку в базу для вторжения в Венесуэлу.

Перед отъездом в Барранку Боливар обратился с манифестом к правительству и народу Новой Гранады. Этот первый политический документ Боливара, как и последующие его прокламации, приказы, обращения, был написан с патриотическим пафосом, ясным и доступным для простых людей языком. В картахенском манифесте Боливар перечислял причины падения Венесуэльской республики и просил помочь освободить ее от тирана Монтеверде. Боливар раскритиковал деятельность Патриотической хунты в Каракасе, осуждал ее за медлительность, неповоротливость, нерешительность. Вместо того чтобы повести наступление на испанцев, укрепившихся на побережье Венесуэлы, хунта тратила энергию на выработку планов организации идеальной республики. Вместо того чтобы беспощадно карать заговорщиков, патриотические власти их щадили, отпуская на свободу под честное слово. Все это привело к тому, что испанцам удалось в конце концов свергнуть молодое и неокрепшее правительство республики. Крупной ошибкой было и то, что венесуэльцы предпочли сильной централизованной власти федеративную систему правления — это парализовало деятельность хунты.

«Гранадцы! — заканчивал Боливар свой манифест. — Знайте, что Венесуэла в руках испанцев означает гибель и вашей свободы. Если мы останемся в цепях, не избежать цепей и вам. Рабство — это гангрена: если вовремя не вырезать ее, она поразит все тело. Через порты Венесуэлы наши враги получат из Испании подкрепления и с их помощью разобьют вас. Помните, что оборона ведет к поражению. Поэтому наступайте и громите врага там, где он сейчас находится, — в Венесуэле. Только так вы добьетесь свободы! Поспешим же разорвать цепи жертв, стонущих в застенках и ожидающих от вас избавления. Будьте достойными

их доверия! Отзовитесь на зов ваших братьев! Спешите отомстить за убитых, спасти умирающих, освободить угнетенных!»

Манифест Боливара был пронизан твердой уверенностью в правоте дела патриотов и в неизбежности победы над общим врагом. Призывая к братскому единению новогранадцев с венесуэльцами в борьбе за независимость, Боливар порывал с провинциальной изолированностью и замкнутостью, столетиями насаждавшимися испанцами в их колониях. Не став еще вождем освободительного движения у себя на родине, Боливар уже сделал заявку на руководство всей Колумбией — государством, рожденным необузданной фантазией его бывшего кумира Миранды, наследником которого, сам того не сознавая, он провозглашал себя.

И столь смелые претензии, столь грандиозные замыслы высказывал двадцатидевятилетний человек, только что потерявший все — родину, власть, друзей. Для скептиков он оставался «сумасбродным молодчиком». Так окрестил его Миранда и так продолжал называть его Лябатют.

Но для многих жителей Картахены, для тех новогранадцев, которые со страхом ожидали вторжения беспощадного врага, для беглецов из Каракаса, для венесуэльцев, изнывавших под гнетом режима Монтеверде, манифест Боливара не был похвальбой зазнавшегося мантуанца. Нет, он являлся для них светлым лучом надежды, указывал им путь к спасению, обещал победу.

Призыв произвел впечатление. Диктатор Картахены Родригес Торрисес, президент Новогранадской республики Камило Торрес отнеслись к нему с одобрением, хотя и медлили с решением. Раньше чем оказать помощь этому венесуэльцу, не мешало присмотреться к нему повнимательнее. И Боливар покидает Картахену в сопровождении нескольких своих соотечественников с приказом Лябатюта не выступать из Барранки без особого на то разрешения.

Но, спрашивается, выступать куда и с кем? Деревушка Барранка с двумя десятками жалких хижин, покрытых пальмовыми листьями, отделена непроходимыми дебрями от Венесуэлы. Наступать можно, только двигаясь вверх по течению реки Магдалены. Для этого нужно преодолеть сопротивление испанских гарнизонов, расположенных по берегам Магдалены. Главное же, какими силами? Ведь в Барранке всего двести человек солдат, недисциплинированных, плохо вооруженных, плохо обученных.

— Вы говорите, двести человек, — отвечал Боливар тем, кто пытался доказать ему, что с такими силами нельзя и думать опрокинуть испанцев. — А сколько солдат было у Монтеверде,

когда он выступил против нас? Столько же, что и у нас теперь, а у нас тогда было в тридцать раз больше, и все же Монтеверде одержал победу, так как действовал смело и решительно, в то время как мы топтались на месте, выжидали, сомневались и предавались глубокомысленным рассужденням на высокие темы. Теперь нам нужно доказать, что и мы в подобных же условиях сможем справиться не хуже ненавистного канарца.

— Но Лябатют? Ведь он приказал нам никуда не двигаться из Барранки без разрешения.

— И Миярес — начальник Монтеверде — не позволял ему двигаться дальше Кororы. Монтеверде послал Мияреса к черту! Ну и мы пошлем туда же Лябатюта и будем идти вперед, пока не достигнем Каракаса.

Прежде всего необходимо превратить гарнизон Барранки в боеспособную силу. Сколько для этого понадобится времени? Несколько недель, говорят опытные командиры.

— Не больше двух-трех дней, — утверждает Боливар. — Нам необходимо действовать с быстротой молнии, чтобы захватить Монтеверде врасплох.

День и ночь муштрует и учит своих солдат в Барранке Боливар. День и ночь местные жители строят плоты, готовят продовольствие бойцам.

22 декабря Боливар принимает одно из самых важных решений в своей жизни: вопреки военной дисциплине, не испросив разрешения у своего непосредственного начальника Лябатюта, он погружает на плоты и лодки свою карликовую армию и решительно направляется вверх по течению реки Магдалены к селению Тенерифе, занятому испанцами.

День спустя отряд достиг Тенерифе. Боливар высадил своих солдат на берег и повел их в атаку. Топот бегущих, крики, выстрелы, клубы дыма — и над Тенерифе взвился флаг патриотов. Испанцы отступили. В руках победителей оказалось несколько пушек и шлюпок с оружием. Первый успех Боливара! Гранадские солдаты начинают испытывать уважение к этому венесуэльскому полковнику, о котором ходят такие противоречивые слухи.

Вслед за Тенерифе Боливар взял и остальные укрепленные пункты испанцев в районе реки Магдалены. Пятнадцать дней спустя после выхода из Барранки Боливар мог сообщить диктатору Родригесу Торрисесу, что Магдалена освобождена от испанских войск вплоть до местности Оканья.

Победы каракасца вызвали в Картахене волну энтузиазма. Напрасно Лябатют требовал предать его за самоуправство суду военного трибунала. Диктатор Родригес Торрисес выразил

Боливару благодарность, обещал послать ему на помощь подкрепление.

Между тем испанцы решили предпринять наступление на новогранадский город Памплону, охраняемый патриотами во главе с полковником Кастильо. Боливар получил приказ оказать помощь Кастильо.

План Кастильо сводился к тому, чтобы дождаться врага у стен города. Вместо этого Боливар предложил смелым броском перейти Анды и напасть на испанцев у пограничного с Венесуэлой селения Кукуты, где они под руководством опытного офицера Корреа готовились к наступлению на Памплону. Кастильо счел план Боливара сумасбродным и наотрез отказался двигаться с места.

Тогда Боливар вновь решает действовать на свой страх и риск: во главе небольшого отряда он совершает свой первый переход через Анды.

Дорог в этом месте не было. Солдаты брели но болотистым руслам горных потоков, проходили через ущелья, в которых даже днем царил полумрак, карабкались по отвесным скалам. На всем пути шел дождь, дул сильный ветер. Солдаты, в большинстве жители тропических областей Новой Гранады, легко становились жертвами горной болезни — сороче, от голода и усталости теряли сознание, срывались в пропасти.

Боливар неустанно призывал бойцов быть мужественными и продолжать поход. Он им рассказывал о переходе через Альпы армии Наполеона, о том, как она одержала победу, спустившись с горных вершин в долину Ломбардии.

— Вы совершаете еще больший подвиг, — говорил Боливар солдатам. — Французы шли покорять Италию, вы же идете освобождать Венесуэлу от ваших смертельных врагов — годов[12].

Но вот наконец горные вершины позади. То, что казалось невозможным, свершилось. Перед глазами бойцов раскинулась утопающая в зелени долина Кукуты, где их поджидает уверенный в своих силах враг.

— В бой! — отдает приказ Боливар.

С ожесточением кидаются новогранадцы на ненавистных годов. Кровопролитное сражение заканчивается победой патриотов. В нем особо отличился дядя Боливара Хосе Феликс Рибас по прозвищу Генерал-народ. Он штыковой атакой выбил испанцев с неприступных позиций, решив тем самым судьбу боя в пользу патриотов.

Кукута свободна, ее жители встречают патриотов со слезами радости на глазах. В освобожденном городе захвачено большое количество разных боеприпасов. Потерпевший поражение

полковник Корреа бежал за пределы Новой Гранады, в Венесуэлу.

Вскоре Боливар и его бойцы очистили от испанцев и другие пограничные с Венесуэлой области, предотвратив таким образом попытки испанцев предпринять наступление на Новую Гранаду.

Когда о победах Боливара стало известно в Боготе, конгресс присвоил ему звание бригадного генерала и объявил гражданином Новой Гранады. Пользуясь этими обстоятельствами, Боливар обращается к президенту Торресу и в конгресс с просьбой разрешить ему предпринять освобождение Венесуэлы, используя силы новогранадской армии.

В Боготе между тем осторожничают. 7 мая 1813 года Боливар получает разрешение вступить в Венесуэлу, но с ограниченной задачей: очистить от испанцев только провинции Мериду и Трухильо.

Боливар понимал, что если он сможет освободить эти провинции, то Новогранадский конгресс не помешает ему наступать вплоть до самого Каракаса.

По решению конгресса отряд во главе с полковником Кастильо, строптивым и заносчивым, был передан в распоряжение Боливара. Вместе с ним силы Боливара насчитывали семьсот солдат. Этого было слишком мало для освобождения всей Венесуэлы, но одержанные победы и надежда на поддержку местного населения вселяли в Боливара и его бойцов твердую уверенность в счастливом исходе новой кампании.

К тому времени войска под командовавшем Монтеверде по численности в несколько раз превосходили силы Боливара, но они были раздроблены на мелкие отряды, рассеянные по городам и селениям Венесуэлы. Попытайся Монтеверде стянуть их в более крупные соединения, он оголил бы свой тыл и дал бы возможность патриотам поднять голову и захватить в свои руки власть на местах.

Получив разрешение Торреса начать наступление, Боливар, не теряя времени, двинулся из Кукуты в глубь Венесуэлы. В пограничном селении Сан-Антонио каракасец огласил перед своей небольшой армией новый манифест.

— Солдаты армии Картахены и Новогранадского союза! Вы пронесли свое освободительное оружие до границ Венесуэлы, одно из ее селений уже находится под вашей великодушной защитой. Не прошло и двух месяцев, как вы совершили два похода и начинаете здесь третий. Он должен закончиться в стране, где я впервые увидел свет. Вы, верные республиканцы, идете освобождать колыбель колумбийской независимости, как крестоносцы освобождали Иерусалим — колыбель христианства.

Я имел честь сражаться вместе с вами и знаю, что вы воодушевлены благородными чувствами по отношению к вашим порабощенным братьям… Бесстрашные солдаты Картахены и Новогранадского союза! Вся Америка ждет от вас свободы и спасения. Нет, ее надежды не напрасны. Венесуэла вскоре увидит, как вы водрузите свои знамена над крепостями Пуэрто-Кабельо и Ла-Гуайра. Спешите же покрыться славой, заслужив великое звание освободителей Венесуэлы!

Боливар приказал Кастильо взять селение Ла-Грита, с тем чтобы воспрепятствовать намечавшемуся объединению испанских отрядов. Кастильо выполнил приказ, но отказался продолжать наступление, считая его обреченным на провал. Когда правительство Новой Гранады поддержало Боливара, Кастильо и некоторые другие новогранадские офицеры подали в отставку.

Во главе отряда Кастильо оказался двадцатилетний новогранадский майор Франсиско де Паула Сантандер, отличившийся при взятии Ла-Гриты. Сантандеру суждено было занять одно из первых мест в освободительном движении. Восемнадцатилетним студентом, изучавшим право, он вступил добровольцем в патриотическую армию, в рядах которой своими знаниями и смелостью быстро завоевал влияние и авторитет.

Сантандер, как и Кастильо, поначалу отказался выполнить приказ Боливара о наступлении. Боливар приехал в Ла-Гриту, где застал Сантандера ораторствующим перед своим отрядом.

— Немедленно выступайте! — приказал Боливар.

— Мы не двинемся с места, — ответил Сантандер.

— В таком случае или я вас расстреляю, или вы меня. Выбирайте!

Сантандер подчинился.

Солдаты Боливара начали поход и вскоре освободили венесуэльские города Мериду и Трухильо. Несмотря на эти успехи, положение каракасца было далеко не прочным. Войсковая казна пуста, бойцам не платили жалованья. Бои шли в бедных районах, где трудно было раздобыть провиант. Безденежье, голодуха отрицательно сказывались на дисциплине. Многие новогранадцы покидали армию и возвращались к себе на родину.

Местное население относилось к патриотам настороженно. Видя оборванных, голодных, плохо вооруженных солдат Боливара, креолы гадали, удастся ли им освободить Венесуэлу от испанцев и не подведет ли себя тот, кто окажет им помощь. Люди были напуганы зверствами прислужников Монтеверде. Очевидцы рассказывали Боливару. как испанцы сдирали у пленных со ступней ног кожу и заставляли их танцевать на битом стекле, как они сшивали спинами свои жертвы, обрезали им уши, носы,

выкалывали глаза, отсекали ноги и руки. Сведения о жестокостях испанцев поступали и из других областей Америки. В манифесте, помеченном 8 июня, Боливар указывал на факты расправ с патриотами не только в Венесуэле и Новой Гранаде, но и в Кито, Ла-Пасе, Мексике.

В Мериде Боливару сообщили о кровавой расправе, учиненной испанским подполковником Тискаром над патриотами в льяносах. Тискар казнил молодого адвоката Антонио Брисеньо, поклонника Дантона, пытавшегося взбунтовать рабов, обещая им от имени республики свободу. Это новое преступление вызвало волну возмущения среди патриотов, бойцы требовали мести и ответных репрессий. 15 июня 1813 года Боливар издал в Трухильо свой знаменитый декрет о «Войне насмерть», в котором писал:

«Венесуэльцы! Братская армия, посланная суверенным конгрессом Новой Гранады, пришла освободить вас, она уже изгнала угнетателей из провинций Мериды и Трухильо. Мы явились, чтобы уничтожить испанцев, защитить американцев, восстановить республиканские власти Венесуэльской конфедерации. Тронутые вашими бедами, мы не могли безучастно наблюдать, как варвары испанцы грабили и истребляли вас, как они попирали священные права человека, нарушали торжественно взятые на себя обязательства и договоры и, наконец, как совершали всяческие преступления, вызывая в республике Венесуэла всеобщую разруху. Итак, справедливость требует возмездия, и обстоятельства вынуждают нас настаивать на нем. Пусть навсегда исчезнут с лица колумбийской земли чудовища, осквернившие ее и покрывшие кровью; да постигнет их наказание, равное их вероломству. Таким образом будет смыто пятно нашего позора и доказано народам всего мира, что нельзя безнаказанно глумиться над детьми Америки.

Несмотря на наше справедливое негодование против коварных испанцев, наше великодушное сердце готово открыть им в последний раз путь к примирению и дружбе. Мы приглашаем их жить мирно среди нас, если они, проявив отвращение к своим преступлениям и по-честному изменив свои взгляды, будут сотрудничать с нами в борьбе с испанским правительством и в возрождении Венесуэльской республики. Всякий испанец, который не борется самым энергичным и действенным образом за правое дело, станет считатьея врагом и будет наказан как предатель родины, а следовательно, неминуемо расстрелян. Тех же, кто перейдет в наши ряды с оружием или без оного, кто будет помогать добрым гражданам в их усилиях сбросить гнет тирании, тех ждет полное помилование.

Останутся на своих местах и в своих должностях строевые офицеры и чиновники, высказавшиеся за правительство Венесуэлы и присоединившиеся к нам. Одним словом, те из испанцев, которые окажут существенную помощь государству, будут считаться американцами, и к ним будут относиться как к таковым.

Я обращаюсь к тем американцам, которые по ошибке или сознательно сошли с пути справедливости, — знайте: ваши братья вас прощают и чистосердечно сожалеют о ваших заблуждениях, будучи глубоко убежденными, что не вы ответственны за них, а только слепота и невежество, в которых вас держали до сих пор, подлинные вдохновители ваших преступлений. Не страшитесь меча, пришедшего отомстить за вас и рассечь позорные узы, связывающие вас с вашими палачами. Для нас ваша честь, жизнь и собственность неприкосновенны. Гарантией безопасности служит вам звание американцев. Наше оружие будет защищать вас, оно никогда не обернется против братьев. Эта амнистия распространяется даже на предателей, которые в самое последнее время могли совершить вероломные акты, и будет свято соблюдаться. Ничто не сможет заставить нас отказаться от этого решения, даже если ваше враждебное поведение будет толкать нас на это.

Испанцы и канарцы! Вас ждет смерть, даже если вы будете нейтральными. Вы можете спастись, только активно способствуя свободе Америки. Американцы! Рассчитывайте на жизнь, даже если будете виновны».

Этот вызов бросал человек, который командовал всего лишь горсткой солдат, в то время как его враги господствовали почти во всей Южной Америке.

Своим декретом Боливар стремился превратить борьбу за независимость во всенародную войну американцев против испанцев и помешать испанцам использовать низшие касты против высших. Отвечая террором на террор противника, Боливар не только мстил им за всевозможные преступления и надругательства над населением Венесуэлы, но и создавал непроходимую пропасть между местными уроженцами и испанцами. После этого декрета судьбу Венесуэлы могла решить только вооруженная борьба.

Провозглашение войны насмерть было встречено с одобрением населением, декрет Боливара привлек на его сторону многих венесуэльцев, мобилизованных испанцами.

В течение июля 1813 года освободительная армия, двигаясь форсированным маршем, разбила испанские отряды, преграждавшие ей путь на Каракас. Чем дальше продвигались

патриоты, писал К. Маркс в своей статье о Симоне Боливаре, тем больше росли их ресурсы; свирепые эксцессы испанцев повсюду играли роль вербовщика рекрутов для армии борцов за независимость. «Сила сопротивления испанцев, — по словам К. Маркса, — была сломлена, отчасти вследствие того обстоятельства, что их армия на три четверти состояла из местных жителей, которые в каждой стычке перебегали на сторону противника, отчасти вследствие трусости таких генералов, как Тискар, Кахигаль и Фьерро…»[13].

2 августа патриоты освободили Валенсию. Повторилась военная ситуация 1812 года с той только разницей, что теперь на подступах к столице находились победоносные отряды патриотов, а Каракас держали в своих руках испанцы. Монтеверде не отважился оказать сопротивление Боливару. Оставив в столице своего помощника Фьерро, победитель Миранды во главе двухтысячного отряда бежал под защиту крепостных стен Пуэрто-Кабельо.

Фьерро, недолго думая, решил сдаться патриотам. Он послал к Боливару своих представителей для переговоров о капитуляции, которая была подписана в городе Виктория. Фьерро обещал сдать не только Каракас, но и Ла-Гуайру. Боливар принял капитуляцию на тех же условиях, на которые в свое время согласился Миранда. Каракасец обещал испанцам амнистию, свободный выезд из Венесуэлы, а офицерам разрешил сохранить личное оружие. Патриоты согласились провести референдум по поводу признания испанской конституции 1812 года.

Боливар приказал передать Фьерро: «Благородные американцы с презрением относятся к нанесенным им оскорблениям и дают редкие в истории примеры сдержанности по отношению к своим врагам, которые нарушают права народов и сами попирают священные договоры. Условия капитуляции будут нами свято соблюдаться к позору вероломного Монтеверде и к чести американского имени».

Фьерро, однако, охваченный внезапной паникой и не дожидаясь возвращения своих уполномоченных, ночью бежал из Каракаса к Монтеверде в Пуэрто-Кабельо, откуда испанцы рассчитывали продолжать борьбу с патриотами.

4 августа победоносная армия во главе с Боливаром вошла в Каракас. Солдаты республики шествовали по улицам, усеянным цветами. Город приветствовал своих освободителей несмолкаемым колокольным звоном. На главной площади двенадцать молодых девушек из лучших семейств Каракаса возложили на голову Боливара лавровый венок. Конгресс Новой Гранады присвоил ему звание маршала.

Это был подлинный триумф, сторицей вознаграждавший молодого каракасца и его соратников за те унижения и неудачи, что им пришлось испытать в результате крушения Первой республики. Герой, которого чествовали жители венесуэльской столицы, прошел с горсткой бойцов 1200 километров по занятой врагом территории, пересек два высочайших горных хребта, выиграл шесть крупных сражений и десятки мелких боев, ни разу не потерпев поражения, пленил сотни вражеских солдат, захватил 50 орудий и освободил от испанцев весь запад Венесуэлы. Все это было совершено всего лишь за три месяца. Как тут было не удивляться, не ликовать, не бить в литавры, не превозносить до небес имя того, без чьего упорства, решительности и отваги Каракас еще долго не смог бы избавиться от своего тирана Монтеверде!

Архиепископ Каракаса испанец Нарсисо-и-Прат в пастырском послании призывал жителей оставаться верными испанскому королю. Боливар заставил архиепископа обратиться к народу с новым посланием. «Не время, — писал он этому служителю церкви, — выставлять на посмешище законы правительства. Вся сила закона обрушится на того, кто будет ему сопротивляться». Боливар приказал священникам не реже одного раза в неделю выступать перед прихожанами с проповедями в защиту республики.

Армия патриотов нуждалась в средствах, солдат нужно было одеть и обуть, выплатить им задолженное жалованье. Новые власти объявили, что все те, кто откажется платить налоги, будут казнены. Боливар призвал мантуанцев добровольно вносить пожертвования в казну республики. Жалованье служащих было приравнено к солдатскому. Каждый домовладелец должен был содержать хотя бы одного солдата. Это правило распространялось и на священников.

Боливар, в руках которого сосредоточивалась вся власть, управлял страной с помощью декретов. Для решения особо важных вопросов созывались в Каракасе народные ассамблеи, с согласия которых принимались те или другие постановления.

Это был подлинно революционный порядок.

А Монтеверде между тем, укрывшись за толстыми стенами крепости Пуэрто-Кабельо, вовсе не считал себя побежденным. Генерал-капитан и усмиритель Венесуэлы (так звучал титул, присвоенный Монтеверде Регентским советом) знал, что Испания готовит крупную карательную экспедицию в Америку. «Главное — удержаться до ее прибытия, тогда мы быстро расправимся с Боливаром и его оборванцами», — рассуждал этот новоявленный конкистадор. Боливар несколько раз предлагал ему обменяться

пленными, выражая готовность за каждого патриота дать двух испанцев. Но канарец высокомерно отвергал эти предложения. Монтеверде отличался таким же упорством, как и его противник. Он тоже решил продолжать борьбу до конца.

Боливар не был единственным, кто считал возможным, действуя смело и решительно, свергнуть власть испанского наместника Монтеверде. Так думали и другие молодые венесуэльцы, для которых гибель Первой республики была только началом борьбы за освобождение их родины.

К их числу принадлежал Сантьяго Мариньо, двадцатичетырехлетний уроженец острова Маргарита, сын богатого помещика-креола. После гибели Первой республики Мариньо бежал с несколькими друзьями на остров Тринидад, где надеялся заручиться поддержкой англичан. Но Англия в момент смертельной схватки с Наполеоном была больше заинтересована в добрых отношениях с Испанией. Английский губернатор Тринидада не скрывал своей враждебности к патриотам. Убедившись, что рассчитывать на англичан не приходится, Мариньо уговорил своих друзей перебраться на восточное побережье Венесуэлы и начать там партизанскую войну против испанцев.

Однажды ночью с острова Тринидад отплыли несколько утлых каноэ, на которых находились сорок пять венесуэльских изгнанников во главе с Мариньо. Их первой остановкой был необитаемый островок Чакачаре в заливе Грусти, где Мариньо спрятал при бегстве из Венесуэлы ружья и снаряжение. Прихватив их, отряд высадился на пустынном берегу материка в заливе Пария. Мариньо назначил своим заместителем мулата Мануэля Пиара, уроженца Кюрасао, и приступил к военным действиям.

В первый же день отряду Мариньо посчастливилось: он разоружил испанский патруль, пополнив свое вооружение еще двадцатью тремя ружьями. Окрыленные этим успехом, бойцы Мариньо атаковали укрепленное селение Гориною, гарнизон которого вскоре перешел на их сторону. Патриотам досталось несколько пушек, много ружей и амуниции. Это было неплохим началом.

Вскоре у Мариньо было уже несколько сот бойцов, готовых сражаться с испанцами. Мариньо разослал их в разные стороны с заданием нападать на испанские гарнизоны. Одному из отрядов под командой бесстрашного Бернардо Бермудеса удалось освободить довольно важный населенный пункт Матурин, который вскоре был превращен в главную базу партизан.

Отбить Матурин попытался помощник Монтеверде баск Антонио Суасола по прозвищу Кровавый Шакал. Он окружил и

перебил на подступах к Матурину небольшую группу бойцов Бермудеса, взять же город не смог. Пленным и убитым Саусола отрезал уши и носы и в ящиках отправлял в занятый испанцами город Куману, где годы прикалывали эти кровавые трофеи к своим сомбреро или прибивали их к воротам домов в качестве доказательства преданности испанской короне. Но эти зверства только ожесточали патриотов.

На помощь Суасоле поспешил Монтеверде с отрядом в две тысячи солдат, но по дороге потерпел позорное поражение от мулата Пиара, неожиданно напавшего на него. Незадачливый генерал-капитан, потеряв четыреста человек убитыми, всю свою артиллерию, оружие и даже казну, бежал с поля боя и вновь укрылся в крепости Пуэрто-Кабельо.

Приблизительно в это же время произошло антииспанское восстание на острове Маргарита, где вершил суд и расправу назначенный Монтеверде губернатор — сержант испанской артиллерии Мартинес. Он делал так: выпускал кз пушки десять-двенадцать снарядов, а потом привязывал к ее раскаленному стволу маргаританцев и бил их батогами. Его «забавы» кончились, когда население острова, возглавляемое влиятельным местным помещиком-креолом Хуаном Баутистой Арисмени, восстало и изгнало испанцев. Арисманди связался с Мариньо и стал оказывать ему помощь людьми и провиантом. На острове Маргарита контрабандист-итальянец Бианки создал военную флотилию, блокировавшую с моря город Куману, окруженный с суши бойцами Мариньо. Благодаря согласованным действиям патриотов город был взят. Вскоре Пиар освободил также Барселону, центр одноименной провинции.

Таким образам, когда Боливар победоносно входил в столицу Венесуэлы, весь восток страны был уже освобожден бойцами — сторонниками Мариньо, Пиара и Арисменди. Боливар пригласил Мариньо прибыть в Каракас для согласования дальнейших действий. Мариньо ответил отказом. Удачливый партизан, которому успехи вскружили голову, не обладал широким политическим кругозором. Мариньо опасался, что, объединившись с Боливаром, станет играть роль второй скрипки. Между тем он отнюдь не считал свои заслуги меньшими, чем заслуги каракасца. Мариньо объявил о создании на востоке самостоятельной республики. Он провозгласил себя ее диктатором, назначил Пиара своим заместителем и, обосновавшись в Кумане, наблюдал за дальнейшим ходом событий.

Напрасно убеждал его Боливар не раскалывать Венесуэлу на две части и не губить тем самым дела патриотов. «Если мы

организуем два независимых правительства, — писал Боливар в одном из своих посланий Мариньо, — одно на западе, другое на востоке, мы создадим два государства, которые будут бессильны и не способны защитить себя, это будет просто глупостью. Только объединение Венесуэлы с Новой Гранадой может породить достаточно сильную нацию, которая заставит других уважать ее».

Мариньо был глух к этим доводам. Он не желал ни разделять власти с Боливаром, ни оказывать ему вооруженную поддержку. Таким образом, Боливар был вынужден, опираясь только на свои собственные силы, попытаться успешно закончить «славную кампанию»[14] — взять Пуэрто-Кабельо.

Но это оказалось выше его сил. Попытки овладеть штурмом Пуэрто-Кабельо кончались неудачно. Крепость оставалась неприступной. Испанцы снабжали ее с моря солдатами, продовольствием, боеприпасами. Упрямый, как кастильский мул, Монтеверде и не думал складывать оружия. Он все еще надеялся расправиться с Боливаром как некогда с Мирандой. Он поклялся взять в плен каракасца, которому так легкомысленно год назад даровал свободу. Но такую ошибку он дважды не совершит. В следующий раз этот мантуанец получит по заслугам.

События в Европе тоже развивались не в пользу патриотов. Потерпевший поражение в России Наполеон торопился бежать из Парижа. Ему было не до Испании. В Мадрид возвратился король Фердинанд VII, один из самых отвратительных представителей Бурбонской династии, лживый и вероломный мракобес, отменивший конституцию 1812 года и поклявшийся любой ценой подавить освободительное движение в американских колониях.

Фердинанд VII приказал послать подкрепление Монтеверде с острова Пуэрто-Рико: 1200 отборных солдат в полном вооружении. Боливар был вынужден снять осаду с Пуэрто-Кабельо и отступить к Валенсии. Монтеверде начал его преследовать, но был ранен в сражении у горы Барбула. На этом карьера усмирителя Венесуэлы закончилась. Вскоре его сменил генерал Кахигаль, а сам он уехал в Испанию.

Патриоты тоже несли большие потери. В сражении при Барбуле пал смертью храбрых сподвижник Боливара новогранадец генерал Хирардот. Он был сражен пулей, когда, подхватив упавшее знамя, призывал солдат продолжать наступление. Хирардот был торжественно погребен в столичном соборе. Власти Каракаса постановили посмертно присвоить погибшему герою почетное звание Первого благодетеля родины и выплачивать его жалованье наследникам «на вечные времена». Этими почестями Боливар хотел укрепить узы дружбы с Новой Гранадой и поднять дух армии. В тот самый день, когда хоронили

Хирардота, муниципалитет Каракаса произвел Боливара в генерал-капитаны и провозгласил его Освободителем (Либертадором) Венесуэлы. На зданиях муниципалитетов по всей стране было приказано сделать надпись: «Боливар — Освободитель Венесуэлы».

— Вы, — сказал Боливар делегатам муниципалитета, пришедшим сообщить ему о принятых решениях, — меня назначили генерал-капитаном и провозгласили Освободителем Венесуэлы. Звание Освободителя для меня ценнее, чем скипетры всех империй мира. Но вы должны иметь в виду, что и все другие офицеры и солдаты — участники славной кампании — тоже достойны звания Освободителей. Они, сеньоры, а не я заслужили отличия, которыми от имени народа вы хотите отметить в моем лице дела, свершенные ими. Я не смею без смущения взирать на оказанную мне честь, столь превышающую мои заслуги.

Боливар решил разделить эту честь с другими военачальниками. Он учредил орден «Освободителей Венесуэлы» и наградил им всех командиров отрядов, участвовавших в борьбе с испанцами. Орден представлял собой семиконечную (по числу венесуэльских провинций) звезду, на которой было выгравировано имя награжденного и слова «Освободитель Венесуэлы».

И все же положение в стране продолжало оставаться напряженным. В провинциях вспыхивали контрреволюционные мятежи. Среди республиканских командиров не было единства. Некоторые из них не подчинялись приказам Боливара или выполняли их неохотно и с опозданием. Мариньо все еще отсиживался в Кумане.

Черные тучи сгущались над Берегом Твердой Земли, предвещая новые тяжелые испытания.

ГИБЕЛЬ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ

Моя возлюбленная — Венесуэла,
которую я ставлю превыше всего…

Симон Боливар

Окруженные могучей стеной девственного леса, от вечнозеленых холмов Каракаса до границ Гвианы, точно фантастический ковер, простираются необозримые венесуэльские саванны — льяносы. Они занимают огромную территорию почти в 300 тысяч квадратных километров.

Бесчисленные стада скота и табуны лошадей пасутся здесь круглый год под наблюдением пастухов — льянеро. Их вожак Хосе Томас Бовес, прозванный за свою свирепость и кровожадность Аттилой степей, стал самым беспощадным врагом патриотов.

Льяносы дважды в год меняют свой облик: то предстают обнаженными, словно песчаное море, то покрываются сочными травами, подобно альпийским лугам.

В льяносах дожди начинаются в апреле, чередуясь с сухой погодой. С июня по октябрь дождь льет беспрерывно. Реки выходят из берегов и затопляют обширные территории, прилегающие к Ориноко. В этот период скот сгоняют на невысокие плато. Когда животные съедают всю траву, их перегоняют на другой остров; причем часто им приходится проходить многие километры вброд по мелководью, прежде чем удастся добраться до сухого места.

В январе начинается засуха. Она продолжается до конца марта. Воды паводка постепенно спадают. Небольшие реки превращаются в цепочки болот и луж. Низкорослые деревца, образующие клочки кустарникового леса, теряют листву и стоят осиротелые, как и их собратья в зимнюю пору в умеренных широтах.

Солнце обугливает своими отвесными лучами зеленый покров, и на высохшей земле появляются расщелины, как будто после сильного землетрясения. Пресмыкающиеся, скрываясь от жары, зарываются глубоко в сухую глину и погружаются в спячку.

Наконец после долгой засухи наступает пора дождей, и лицо льяносов быстро меняется. Темная лазурь неба светлеет. Густые пары, подобно туману, распространяются мало-помалу до самого зенита. Дальние раскаты грома извещают о приближении дождя. Но вот и первый ливень. Животные вновь расходятся по льяносам,

радуясь жизни.

Тяжела и беспросветна жизнь льянеро. Их убогие хижины — атос, сплетенные из тростника и покрытые звериными шкурами, отстоят друг от друга на десятки километров. Между ними блуждают в степи бесчисленные стада одичалых быков, лошадей и мулов. Рассеянные небольшими группами по огромной территории, льянеро круглый год трудятся на помещика, который прожигает жизнь в городе. Среди льянеро много негров, мулатов, метисов, но есть и белые — канарцы, испанцы и креолы. Рабы и свободные живут в одинаково тяжелых условиях. Постелью им служат шкуры быков, сиденьем — черепа лошадей или кайманов, часами — петух, часовым — собака, посудой — высушенная тыква — тотума.

Рабочий день пастухов начинается с восходом солнца — в три часа утра и кончается в семь вечера, когда льянеро принимает единственный раз за день пищу — кусок жареного мяса без соли и хлеба. Вокруг шалашей валяются остатки туш, кости лошадей и коров, распространяя неописуемое зловоние.

Льянеро ходит босиком, ноги его всегда гноятся и кровоточат от многочисленных ссадин, царапин и укусов насекомых. Одеждой ему служат короткие штаны и рубаха, вернее, клочья того и другого, еле прикрывающие его мускулистое, покрытое как бы дубленой кожей тело.

Круглый год льянеро следит за быками, мулами, лошадьми. Он клеймит скот, делает хунту — случку, объезжает диких скакунов. Эта работа требует особой выносливости, мужества и физической силы — человеческих качеств, которые только и уважает льянеро. Житель саванны дик и необуздан, недоверчив и полон предрассудков. Он верит только в свою ловкость. Его излюбленное оружие — нож, им он кастрирует быков, режет мясо и наносит смертельный удар обидчику. Нож, надетый на древко, превращается в копье. От того, кого оно разит и во имя чего проливает кровь, зависит судьба независимой Венесуэлы.

В первые годы войны за независимость льянеро выступили против патриотов, поддерживали испанцев. Почему? Потому что Первая республика, во главе которой стояли консервативно настроенные мантуанцы, озлобила их, приняв так называемый Регламент льянеро, согласно которому за покушение на частную собственность виновный подвергался штрафу или ста ударам плетью. Особенно сурово карались льянеро, охотившиеся без разрешения владельца земель на скот, бродивший без присмотра по степным просторам. Кража скота каралась смертной казнью. Льянеро был обязан регистрироваться, иметь при себе удостоверение личности, работать в каком-либо скотоводческом

хозяйстве, что делало его полностью зависимым от воли хозяина. Льянеро, не имевший определенного занятия, при повторном аресте получал год тюрьмы.

По словам американского историка Дж. Линча, цель Регламента заключалась в том, чтобы объединить собственность на скот с землевладением, ликвидировать общее пользование землей и стимулировать распространение в льяносах частной собственности, предоставляя крупный рогатый скот исключительно скотоводам и землевладельцам. Льянеро истолковали Регламент как посягательство на свои исконные права. Испанцам было нетрудно убедить их в том, что виновники их бед — креолы-помещики, сторонники независимости.

***

Гроза льяносов Бовес (его настоящая фамилия была Родригес) родился в испанской провинции Астурии. Одних лет с Боливаром, он юношей плавал на кораблях, перевозивших разную кладь из Венесуэлы на остров Кюрасао и обратно. Осужденный на восемь лет каторжных работ за контрабанду, Бовес вскоре вышел на свободу благодаря стараниям одного покровителя, тоже контрабандиста, но более крупного, в честь которого изменил свою фамилию.

Очутившись на свободе, будущий вожак льянеро отказался от профессии моряка и осел в степном городке Калабосо. Там он открыл торговлю лошадьми и мулами, стал лихим наездником, другом и собутыльником местных скотоводов. В начале войны за независимость Бовес примкнул к патриотам, но вскоре снова оказался в тюрьме. На этот раз его выручил один из атаманов Монтеверде — Антоньясас. С тех пор Бовес сражался на стороне испанцев.

Бовесу удалось повести за собой жителей льяносов. Разжигая расовую вражду, вековечную ненависть угнетенных к угнетателям, он провозгласил священную войну негров и метисов против белых помещиков. Рабам обещал свободу, крестьянам — землю. Испанцам это было на руку, ибо Бовес действовал в районах, где колониальных властей почти не было и где его жертвами оказывались в основном креолы, сочувствовавшие республике.

Бовес был среднего роста мускулистый красавец, с бычьей шеей, голубыми глазами, плотоядным ртом и огненного цвета бородкой, охватывавшей подковой его лицо. Великолепный наездник, он владел мастерски лассо и копьем, обладал чутким

слухом и отличным зрением. Бесстрашный в бою, Бовес с безразличием относился к деньгам и другим земным благам. У него была одна только страсть: истязать, мучить, насиловать, убивать.

Для Бовеса было обычным делом обесчестить девушку в присутствии ее родителей, а потом убить их на глазах у дочери или пригласить к себе за стол пленника, пить за его здоровье, а на десерт отсечь ему голову. Женщины предпочитали кончить жизнь самоубийством, чем попасть в руки Бовеса и его головорезов. Так поступила четырнадцатилетняя сестра будущего маршала республики Сукре. Бовесу ничего не стоило дать торжественную клятву в церкви перед алтарем, что сдавшимся жителям осажденного им города будет сохранена жизнь, а на следующий день перебить их всех. Совершать такие же злодеяния он подстрекал и своих подчиненных. Тех, кто проявлял жалость или нерасторопность при расправах, Бовес казнил. Такой головорез был сущим кладом для испанцев, которые своими собственными силами не могли одолеть патриотов.

Льянеро, работавшие на помещиков-креолов, охотно шли к Бовесу, тем более что он щедро раздавал своим соратникам не только награбленное добро, но и офицерские чины, не считаясь с цветом их кожи. В несколько месяцев Аттиле степей удалось привлечь на свою сторону около семи тысяч всадников, что намного превышало силы патриотов. Бовес окрестил свое войско Легионом дьяволов — название, вполне оправдавшее себя в ходе войны за независимость.

Подобно саранче, двигалась конница Бовеса из глубин степей к Каракасу, сея на своем пути смерть и разрушения. Голый по пояс, не сходя с дикого черного скакуна, Бовес чинил расправу над мирными жителями. Пленников привязывали к столбам, били огромными бичами из сыромятной кожи, рассекавшими тело до кости, и оставляли умирать под палящими лучами солнца, патриотам выжигали на лбу букву «п». Они гибли от ран, укусов ядовитых насекомых, голода и жажды.

В Каракасе на борьбу с Бовесом были мобилизованы все мужчины, способные носить оружие, собрана большая сумма денег на вооружение. Против наступавших на столицу льянеро Боливар направил отряд под командованием одного из наиболее талантливых офицеров — Висенте Кампо Элиаса, который мог быть достойным противником Бовеса.

Кампо Элиас был испанцем, но в армии патриотов не было другого человека, кто с такой силой ненавидел бы годов. «Проклятая испанская раса должна исчезнуть, — говорил Кампо Элиас. — Я бы всю ее уничтожил, а потом сам зарезал себя, чтобы

не осталось от нее и следа в Венесуэле». Кампо Элиас расстрелял даже своего собственного дядю за симпатии к годам.

Встретив орду Бовеса в местности Москитерос, Кампо Элиас разгромил ее наголову. Патриоты буквально искрошили отряд Бовеса. Сам Бовес был ранен в бою, но ухитрился ускользнуть обратно в льяносы.

Казалось, что с Бовесом покончено. Не не прошло и нескольких недель, как он вновь, подобно смерчу, появился из степей во главе новой армии льянеро, столь же свирепый и беспощадный, как и прежде.

Однажды Бовес захватил селение, жители которого бежали в страхе перед его приходом. На месте остался только дряхлый старик. Бовес приказал его обезглавить. Присутствовавший при этом один из его солдат, юноша лет пятнадцати, стал молить Аттилу пощадить старика, который оказался его отцом.

Бовес сказал юноше:

— Хорошо, я дарую твоему старику жизнь при условии, что самому тебе отрежут нос и уши и ты не пикнешь.

— Согласен, — просто ответил юноша.

Во время этой изуверской операции он не проронил ни звука. Бовес пришел в бешенство.

— Ты слишком храбр, чтобы я оставил тебя в живых, — рявкнул астуриец и приказал вместе со стариком убить и его сына.

Таков был Бовес, этот достойный слуга его католического величества короля Испании.

***

В начале 1814 года Боливар созвал в Каракасе ассамблею нотаблей. Им он сказал:

— Ваши цепи разорваны. Я истреблял ваших врагов и управлял вами по справедливости. Со мной воцарился закон. Но военный деспотизм не может принести счастья народу. Удачливый солдат не приобретает права господствовать на своей родине. Его слава должна слиться со славой страны. Я прошу вас освободить меня от ноши, которая выше моих сил. Выберите своих представителей, своих судей, справедливое правительство и рассчитывайте на поддержку оружия, которое спасло республику.

Ассамблея не приняла отставки Боливара. Она единодушно провозгласила Освободителя диктатором и постановила, отмечая его гражданские добродетели, соорудить в его честь монумент.

Благородные решения, но не только в них нуждалась Вторая республика, чтобы восторжествовать над Бовесом. Нужно было лишить его поддержки степных кентавров — льянеро, а для этого следовало дать им землю и освободить от помещичьей кабалы. Тогда Боливар и его последователи еще не понимали этого, они все еще рассчитывали победить противника военными средствами.

В начале февраля 1814 года Бовес захватил город Окумаре, расположенный на подступах к Каракасу. Одновременно его конница нанесла поражение войскам Кампо Элиаса у селения Ла-Пуэрта. Эти победы открыли льянеро дорогу к столице. Только успех отважного Риваса, разгромившего отряд помощника Бовеса — Моралеса, несколько выровнял положение. Льянеро вновь отхлынули за Окумаре, где патриоты обнаружили на улицах около трехсот замученных детей, женщин и мужчин. Не прошло и нескольких недель, как новая — лавина льянеро захлестнула Окумаре. С тяжелыми боями солдаты Боливара начали отходить к Каракасу.

Война принимала все более жестокий и беспощадный характер. Бовес убивал всех креолов, попадавших в его руки. Многие семьи были им полностью истреблены. Льямосас, капеллан испанской армии в Венесуэле, докладывал впоследствии королю Фердинанду VII: «В Гуябале некоторое время спустя после сражения при Москитерос Бовес приказал убивать всех белых, что и выполнялось на всем пути до Сан-Матео (родовое поместье Боливара. — *И. Л.*). Белые женщины были высланы на остров Аргуна. Бовес роздал дома и имущество убитых и высланных неграм и выдал им свидетельства на собственность. В селении Санта-Роса были убиты все пленные белые… То же произошло в Кумане, Сан-Хоакине, Санта-Ане… Подчиненных, которые отказывались выполнять эти варварские приказы, Бовес казнил».

Хроники рассказывают о судьбе жителя Сан-Матео Педро Армаса. Льянеро убили его восьмидесятилетнюю мать, грудного ребенка, двух сыновей, изнасиловали дочь, увезли жену. У генерала Риваса погиб двадцать один родственник.

В июне 1814 года Боливар, стремясь приостановить нашествие Бовеса, предпринял наступление в районе Ла-Пуэрты, но не смог устоять перед натиском конницы полудиких льянеро и потерпел поражение. Более тысячи патриотов сложили свои головы на поле брани, а те, кто сдался в плен, были перебиты. И все же Боливар не падал духом. Он вновь и вновь повторял своим сподвижникам: «Искусству побеждать учатся на поражениях».

Теперь против Бовеса, у которого было пять тысяч всадников

и две тысячи пехотинцев, патриоты могли выставить только 1500 пехотинцев и 600 всадников. Бовес подошел к Сан-Матео и завязал бой у сахарного завода, где находился большой склад боевого снаряжения. Двадцатилетний капитан Антонио Рикаурте взорвал склад, похоронив себя и солдат Бовеса под его обломками. Но никакие геройские подвиги уже не могли спасти патриотов, силы которых были вконец измотаны в последних кровопролитных боях.

Победы Бовеса вызвали брожение среди пленных испанцев, которые содержались под стражей в столице и в Ла-Гуайре. Монтеверде отказался обменять их на республиканцев. Боливар хорошо усвоил урок Пуэрто-Кабельо. Опасаясь мятежа заключенных, он приказал коменданту крепости генералу Лрпсменди расстрелять пленных…

Боливар напрасно взывал к Мариньо за помощью. Он писал диктатору Восточной республики: «Неоднократно я умолял вас оказать мне поддержку, защитить своими войсками Калабосо и воспрепятствовать захвату его противником, вместе с войсками Каракаса попытаться нанести поражение Бовесу. Именем республики, которая находится под угрозой, я прошу вас не медлить с поддержкой».

Мариньо бездействовал. Ожидал ли он исхода поединка Бовеса и Боливара, лелея мысль самому стать вершителем судеб Венесуэлы, или просто не сознавал, какая угроза вновь нависла над его родиной? Каковы бы ни были причины его бездействия, оно было на руку врагам венесуэльской независимости.

На столицу наступали с одной стороны льянеро Бовеса, с другой — испанские каратели из Пуэрто-Кабельо. С ужасом ожидали жители Каракаса падения своего города. Они знали, что от Бовеса им не будет пощады. Боливар решил эвакуировать жителей столицы в район Куманы — главной базы Мариньо. Это был правильный шаг. После захвата Каракаса испанцами Бовес направил следующий лаконичный приказ новому губернатору столицы: «Через двадцать дней буду в столице. Если найду в живых хоть одного патриота, снесу вам голову. Ваш покорный слуга Бовес».

Каракас покинуло более двадцати тысяч человек. После многодневных скитаний, во время которых беженцы гибли от болезней и истощения, уцелевшие каракасцы достигли города Куманы. Наконец Мариньо понял, насколько близорукой была его политика провинциального князька. Но теперь от озверевших льянеро Бовеса можно было спастись только бегством.

В Кумане Боливар узнал, что Бианки — командующий республиканской флотилией — забрал себе все вывезенные из

Каракаса ценности, в том числе золотую и серебряную церковную утварь, как он объявил, в счет причитающегося ему от республики вознаграждения за оказанные услуги. Боливар и Мариньо поднялись на корабль Бианки, который уже снимался с якоря, чтобы уйти в сторону острова Маргарита. Только по дороге удалось договориться с Бианки, и он, возвратив Боливару и Мариньо три четверти взятых им ценностей, согласился продолжать воевать на стороне республиканцев.

Между тем патриоты, оставшиеся в Кумане, решили, что Боливар и Мариньо бежали вместе с Бианки, захватив казну республики. Когда Боливар и Мариньо на одном из кораблей Бианки возвратились в Куману, генерал Рибас приказал арестовать их. Каракасец с трудом убедил своего дядю отпустить его и Мариньо на свободу.

Нелегко было Освободителю, для которого теперь этот титул звучал горькой насмешкой, покинуть Куману, но другого выхода не было: Бовес приблизился к городу.

И вновь, прежде чем оставить родную землю, Боливар обратился к своим соотечественникам с манифестом, в котором указывал на причины, вызвавшие гибель Второй республики. Она погибла потому, что часть населения Венесуэлы примкнула к испанцам и выступила против патриотов.

— Я клянусь вам, любимые соотечественники, — говорил Боливар, — оправдать звание Освободителя, которым вы меня почтили. Нет такой силы на земле, которая заставила бы меня свернуть с намеченного пути. Я вновь вернусь и освобожу вас.

Боливар и Мариньо направились в Картахену. Пиар, Бермудес и Рибас решили не покидать Венесуэлы и продолжать борьбу. У них еще были остатки армии Мариньо, но и они таяли.

Вскоре Пиар бежал на остров Маргарита, Бермудес последовал вслед за Боливаром в Картахену. Бесстрашный Хосе Феликс Рибас — венесуэльцы звали его Генерал-народ, а Боливар возвел в звание маршала, — остался в льяносах, но был схвачен и после всевозможных издевательств убит. Льянеро отсекли ему голову, сварили ее в масле и отвезли в Каракас. Там испанцы украсили этот жуткий трофей фригийским колпаком — символом французской революции — и выставили его в железной клетке напоказ для устрашения местных жителей.

В покинутую патриотами Куману вошли льянеро. По улицам города ручьями лилась кровь беглецов из Каракаса. Победители рисовали кровью своих жертв на стенах домов непристойные сцены. Такую же резню устроили льянеро в Матурине, где погибли многие семьи креолов, «от хозяина до раба включительно», как отмечал один очевидец. Но с гибелью Второй

республики погиб и ее палач. В последнем сражении при Урике патриот Амбросио Брабанте заколол копьем Бовеса.

Кровавая оргия тем не менее продолжалась и после смерти Бовеса. Во главе льянеро стал Моралес, достойный преемник покойного Аттилы степей. Моралес поджаривал свои жертвы на медленном огне, потрошил беременных женщин. После смерти Бовеса он собрал командиров льянеро и спросил, кого они предлагают избрать начальником. Семь человек высказались за испанского маршала Кахигаля. Это не понравилось бывшему торговцу рыбой, претендовавшему на этот пост. Он приказал схватить сторонников Кахигаля и расстрелять их.

Так закончился 1814 год. Испанцы торжествовали победу. «В последних боях погибло двенадцать тысяч человек, за немногими исключениями все американцы, — с ликованием сообщил одному своему другу испанский генерал Фьерро. — Было бы идеально, если бы нам удалось перебить всех американцев. Будь у нас Бовесы и в других местах Америки, мы бы легко этого добились. Что касается Венесуэлы, тот тут мы поработали на славу, отправляя на тот свет каждого американца, который попадался нам в руки…»

ПОБЕДЫ МАРШАЛА МОРИЛЬО

Мы порвали цепи, мы обрели свободу, а теперь наши враги пытаются превратить нас снова в рабов…

Симон Боливар

Боливар вновь в Картахене. И он вновь просит новогранадцев оказать ему помощь войсками и снаряжением для освобождения его родины.

Но поражения — плохая рекомендация для получения помощи. Победы испанцев действовали удручающе на местных жителей. Многие из них, отчаявшись, винили во всех неудачах Боливара, требовали его смещения и наказания. И вновь на первый план выплывали подозрительность, местничество, страх и прочие мелкие страсти, свойственные колониальному мирку, возникшему в Новом Свете в результате 300-летнего владычества испанцев. Боливару предстоит испить не один глоток из этой горькой чаши…

В Картахене всем управляет Кастильо, тот самый Кастильо, который год тому назад покинул Боливара на границе с Венесуэлой, предсказывая, что его поход на Каракас закончится бесславным поражением.

— В гибели Второй республики виновен исключительно Боливар, — утверждал Кастильо. — Каракасец — безрассудный молодчик; не объяви он испанцам войну насмерть, население не ожесточилось бы против патриотов и республика восторжествовала бы. Боливар погубил Венесуэлу, а теперь стремится захватить власть в Новой Гранаде, чтобы погубить и нас.

Кастильо ошибался. Венесуэльские патриоты потерпели поражение вовсе не из-за взбалмошности Боливара, а потому, что не сумели привлечь на свою сторону крестьянские массы. В то время как Бовес освобождал рабов и обещал льянеро землю и прочие блага, Боливар и другие руководители патриотов, в их числе и сам Кастильо, считали возможным справиться с врагом одними военными средствами.

Кастильо и его друзья обратились к конгрессу, заседавшему в Тунхе, с требованием лишить Боливара права командовать войсками. Республиканскую армию, утверждали они, должен возглавить человек, не скомпрометировавший себя участием в

«славной кампании», которая так плачевно закончилась.

Возможно, что Кастильо удалось бы отстранить Боливара от руководства военными действиями, если бы не пришло сообщение, что в Новую Гранаду из Венесуэлы прибыла спасшаяся от разгрома дивизия генерала Урданеты, сподвижника каракасца. В Венесуэле остался отряд этой дивизии под командой Сантандера для ведения партизанской воины.

Урданета уступил командование дивизией Боливару. Каракасец уже не был беглецом-одиночкой. Теперь он возглавлял хотя и небольшое, но в условиях Новой Гранады весьма важное воинское соединение.

Принимая командование, Боливар сказал:

— Солдаты! Пока оружие у вас в руках, есть надежда на победу. Вы не остались без родины, ибо для нас родиной является вся Америка, а врагом — испанцы, где бы они ни находились. Наша цель — независимость и свобода!

Теперь Боливар мог прибыть в Тунху, предстать перед конгрессом и вновь потребовать оказать ему доверие.

Несмотря на его ошибки и недостатки, несмотря на поражение Второй республики, многие жители Новой Гранады относились с уважением и даже восхищением к Боливару — этому прирожденному борцу, готовому вновь и вновь сражаться с испанцами, питавшему фанатическую уверенность в окончательную победу над, казалось бы, неодолимым врагом.

Разве только в Венесуэле терпели поражение патриоты? — спрашивали сторонники Боливара. Разве Идальго и Морелос не были разгромлены в Мексике и разве испанцам не удалось подавить освободительное движение в Эквадоре, Перу, Чили? Нет, видимо, причину этих неудач следует искать не столько в личных качествах тех или иных руководителей, сколько в том, что патриотическое движение в целом еще не обладало нужной зрелостью и политической мудростью.

Так рассуждал, между прочим, и Камило Торрес, президент конгресса в Тунхе. Торрес радушно встретил Боливара и разрешил ему выступить перед депутатами.

— Мы являемся участниками великой драмы, сценой которой служит весь континент, — так начал Боливар свою речь. — Наши первые шаги были неуверенными, мы походили на ребенка, начинающего ходить, но школа, которую мы прошли, закалила нас. Падения помогли нам различить пропасти, а крушения — подводные камни. До сих пор мы действовали как бы в потемках, мы вели себя как слепые, поражения открыли нам глаза. Теперь у нас имеются опыт и знания. Именно теперь мы можем победить наших врагов и увенчать себя славой, оправдав все наши жертвы.

Да, весь континент обагрен кровью американцев, эта кровь смоет позорное пятно рабства на нашем теле, эта кровь течет во имя свободы, которую, каких бы это жертв нам ни стоило, мы обязательно завоюем!

Боливар подробно доложил депутатам конгресса о событиях в Венесуэле. Он убеждал своих слушателей: несмотря на недавние успехи испанцев, у патриотов имеются все возможности одержать над ними победу.

— Генерал, — ответил Боливару Торрес от имени членов конгресса, — родина не погибла, пока ваша рука держит шпагу, с нею вы освободите Венесуэлу от угнетателей. Конгресс окажет вам поддержку, он одобряет ваши действия. Как генералу вам не повезло, но вы остаетесь выдающимся человеком. Однако прежде чем организовать новый поход на Каракас, мы поручаем вам подчинить конгрессу Боготу и всю провинцию Кундинамарку, очистить от годов карибское побережье Новой Гранады. Враг все еще в Санта-Марте, и, пока он там, республика в опасности.

Боливар согласился. Необходимо было объединить все патриотические силы на борьбу с врагом. Боливар надеялся, что ему удастся убедить жителей Боготы подчиниться конгрессу. Подойдя к городу, Боливар, следуя уже установившейся традиции, обнародовал обращение к населению, в котором говорил:

«Небо мне предназначило быть освободителем угнетенных народов, и так будет, я никогда не стану завоевателем даже одного селения. Герои Венесуэлы, победившие во имя свободы в сотнях сражений, преодолели пустыни, горы и реки не для того, чтобы надеть оковы на своих соотечественников — сынов Америки. Наша задача — объединить народ под единым руководством и направить все наши силы к достижению единой цели — обеспечить Новому Свету его права на свободу и независимость».

Власти Боготы, подстрекаемые происпански настроенными священниками, отказались внять призыву Боливара. Епископ Боготы отлучил его от церкви и призвал население оказать каракасцу вооруженное сопротивление. Боготанцы не послушались епископа. Они встретили Боливара как избавителя.

Богота присоединилась к федерации. Благодарный конгресс назначил Боливара главнокомандующим вооруженных сил Новой Гранады с базой в Картахене.

Но Кастильо и на этот раз отказался подчиниться Боливару. Его даже не соблазнило звание генерала, присвоенное ему конгрессом. С частью своих войск, охранявших подступы к реке Магдалене, Кастильо отошел к Картахене.

— Боливар — это диктатор, жестокий и беспощадный кровопийца, он вас погубит, — внушали жителям Картахены мятежный генерал и его друзья.

Пока Кастильо пререкался с Боливаром, испанцы из Санта-Марты перешли в наступление и захватили ряд постов на реке Магдалене. Боливар предлагал Кастильо предпринять совместное контрнаступление, но упрямец в ответ начал военные действия против главнокомандующего гранадской армии.

В разгар этих событий на горизонте появился новый грозный противник: к берегам Венесуэлы приближалась невиданная со времен конкистадоров по своей мощи испанская армада в составе 60 транспортов, сопровождаемых 25 военными кораблями. Они везли 11-тысячную армию из отборных испанских полков, прошедших суровую школу войны с Наполеоном. Ею командовал маршал Пабло Морильо, которому Фердинанд VII поручил усмирить восставших американцев. Даже перед лицом этой новой смертельной опасности Кастильо не пожелал примириться с Боливаром и продолжал настаивать на его удалении из армии. Интересы патриотов требовали, чтобы в этих условиях один из противников уступил, с тем чтобы антииспанские силы могли объединиться для борьбы с врагом. Понимая это, Боливар созвал офицерский совет и заявил, что подает в отставку и немедленно покидает Новую Гранаду.

— Я не могу поступить иначе. Мое пребывание здесь грозит вызвать гражданскую войну. Мое отсутствие позволит сплотить всех гранадцев для сопротивления Морильо. Это единственный выход из создавшегося положения.

Офицеры согласились с Боливаром. Конгресс принял его отставку, и 9 мая 1815 года он оставил Новую Гранаду, отплыв по направлению к острову Ямайка. В пути Боливар мог наблюдать с борта своего корабля лес мачт испанской армады, подходившей к берегам его многострадальной родины.

Морильо, главнокомандующий испанской экспедиции и новый генерал-капитан Венесуэлы и Новой Гранады, слыл не только за самого талантливого полководца испанской армии, но и был самым молодым испанским маршалом: ему только что исполнилось тридцать восемь лет.

Родом из бедной крестьянской семьи, Морильо начал свою военную карьеру рядовым солдатом. Он участвовал в Трафальгарской битве, был ранен и стал офицером, отличился в сражении при Байлене, где испанцам сдались два французских корпуса. За победу над французскими войсками при Витории Морильо получил звание маршала. Мужественный и упрямый, он был в то же время жестоким, недоверчивым и вспыльчивым.

Типичный профессиональный солдат, преданный испанской короне и готовый выполнять любые приказы Фердинанда VII, Морильо мечтал о лаврах герцога Альбы, пролившего море крови во время подавления антииспанского восстания в Нидерландах в XVI веке.

Испанский командующий имел довольно смутное представление о народе, усмирять который его посылали, у него не было даже конкретного плана действий на месте, если не считать инструкций, предписывавших ему «навести порядок» в Венесуэле, на острове Маргарита и в Новой Гранаде. Тем не менее он не сомневался, что поручение короля выполнит.

Морильо надеялся не только на вооруженные силы, но и на свой талант дипломата. Испанское правительство, считая, что восстание в колониях — дело рук богатых креолов, поручило ему в первую очередь попытаться договориться с представителями креольской верхушки, пообещав им амнистию, возвращение конфискованной собственности и всяческие гарантии против действий банд льянеро.

Первым венесуэльцем, с которым встретился Морильо, был Моралес. Подчинив себе весь восток Венесуэлы, наследник Бовеса готовился на побережье Куманы к захвату Маргариты. Здесь он и увидел подходившую к берегам Венесуэлы армаду Морильо. Солдаты Моралеса с воплями ликования устремились на своих каноэ навстречу испанским кораблям. «Увидев подплывающие к нам маленькие баркасы-лодки, в которых находились солдаты Моралеса, черного цвета, только с сомбреро на голове и с набедренной повязкой, мы буквально онемели от удивления, — писал один из участников экспедиции Морильо. — И это были победители! Что же представляли собой побежденные?»

Пристав к венесуэльскому берегу в районе Карупано, Морильо обнародовал манифест об амнистии, составленный в подлинно иезуитском духе. Офицер-патриот подлежал амнистии при условии, если выдаст испанцам своего начальника, подчинит им провинцию или сдастся вместе со своими солдатами; причем капитан должен был привести к испанцам не менее роты численностью в сто человек, лейтенант — полроты, а младший лейтенант — четверть роты. В том же манифесте была обещана свобода рабам при условии, если они передадут в руки испанцев своего хозяина-патриота или любого другого сторонника независимости.

Взяв в Карупано на борт Моралеса и его ближайших помощников, Морильо направился к Маргарите, где хозяином положения все еще оставался Аризменди, тот самый, который, будучи комендантом Ла-Гуайры, по приказу Боливара расстрелял

несколько сот испанских пленных.

Когда армада Морильо вошла в Асунсьон, главный порт Маргариты, Арисменди решил действовать хитростью, так как в открытом бою победить такого мощного врага не представлялось возможным. Представ перед Морильо, Арисменди «раскаялся» и обещал впредь сотрудничать с испанцами. Хотя Моралес требовал расправы над креолом, Морильо великодушно простил Арисменди, оставил за ним его поместья и обещал ему свое покровительство.

Морильо рассчитывал этим жестом привлечь на свою сторону тех креолов, которые, как думал испанский маршал, теперь мечтали только об одном: как бы сохранить свою жизнь и то немногое из былого богатства, что у них осталось. Но вскоре усмирителю пришлось отказаться от столь радужных надежд. Не успел Арисменди покаяться, как самый большой военный корабль экспедиции «Сан-Педро» был кем-то подожжен и сгорел. В огне погибли около девятисот испанских солдат, армейская казна и большое количество военного снаряжения.

Потеря «Сан-Педро» вывела из себя Морильо. Явившись в Каракас, он наложил большую контрибуцию на население. Маршала Кахигаля, выступавшего с более умеренных позиций, Морильо отстранил от поста. Новым губернатором Венесуэлы стал генерал Сальвадор Моксо, известный своими жестокостями и грабежами колониальный служака.

Гражданские суды были ликвидированы и заменены военными советами, в их руках сосредоточилась вся административная и судебная власть. Была создана хунта секвесторов, которая занялась конфискацией имущества богатых креолов — участников освободительного движения. Специальная хунта по чистке лишала креолов, заподозренных в симпатиях к патриотам, должностей в колониальной администрации.

Вслед за Венесуэлой было необходимо «усмирить» Новую Гранаду, в чем Морильо не предвидел особых трудностей. Однако именно там он встретил первое серьезное сопротивление.

Картахена отказалась подчиниться испанскому маршалу. Эта мощная крепость возвышалась на выступе, уходящем далеко в море. От материка его отделяла болотистая местность. Вокруг города поднимались высокие крепостные стены.

В армии Морильо к тому времени насчитывалось шестнадцать тысяч человек, включая части Моралеса. Отправив несколько тысяч солдат в Пуэрто-Рико, Перу и Панаму и оставив небольшие гарнизоны в городах Венесуэлы, испанский каратель во главе почти девятитысячной армии 12 июля 1815 года начал осаду Картахены.

Морильо окружил крепость и с моря и с суши. Население было полно решимости отстоять свой город; все жители, способные носить оружие, вступили в ополчение. Почти пять месяцев картахенцы мужественно сопротивлялись испанцам. Защитники гибли от голода: ели крыс, старую кожу, но никто не думал о капитуляции. Трудно приходилось и осаждающим: дизентерия и лихорадка косили их. Более 3600 испанских солдат оказались в госпиталях. Постоянные дожди размывали дороги, превращая местность вокруг Картахены в непроходимое месиво.

Вначале защитой Картахены руководил Кастильо, затем его сменил сподвижник Боливара венесуэлец Бермудес. В боях отличился и другой венесуэльский командир — Карлос Сублетте, а также новогранадец мулат Падилья. Защитники крепости умирали на своих постах от истощения. Наконец было решено раненых, детей и женщин выпустить из осажденного города.

Это был поистине поход теней. Лишь треть из них дошла до передовых позиций испанцев. Морильо их принял, но направил защитникам Картахены ультиматум: в течение трех дней сдать крепость, или он отошлет обратно их семьи. 4 декабря, когда был послан этот ультиматум, триста человек умерли от голода на улицах Картахены.

Патриоты отказались сдаться врагу, они решили пойти на прорыв. В ночь на 5 декабря они привели в негодность пушки и погрузились на корабли в надежде вырваться из кольца. Артиллерия испанцев открыла по ним огонь. Разразившаяся буря рассеяла корабли. Только немногим удалось благополучно достигнуть Антильских островов.

Так закончилась героическая оборона Картахены — одна из ярких страниц истории борьбы за независимость в Южной Америке.

Моралес первым вошел в крепость, походившую теперь на кладбище. Сотни трупов валялись на улицах. Воздух был пропитан зловонием. Свыше шести тысяч человек — треть населения города — погибли от голода и болезней, не считая тех, которые пали в боях. Осаждавшие потеряли около 3,5 тысячи человек. Моралесу сдались только шестьдесят три защитника города, не успевшие эвакуироваться. Он приказал расстрелять их, но дал слово помиловать скрывавшихся стариков, женщин и детей, Четыреста человек сдались ему. Моралес приказал всех их перерезать.

Морильо действовал столь же вероломно. Шесть руководителей обороны города, в их числе генерал Кастильо, поверившие в его обещание даровать им жизнь и сложившие оружие, были повешены. Всех этих жестокостей показалось мало

для Морильо. Он восстановил в Картахене трибунал инквизиции, который продолжал расправы над беззащитным населением.

Новая победа испанцев произвела удручающее впечатление на новогранадские власти. Они обратились к Морильо с повинной, обещая пребывать впредь вернейшими вассалами короля Фердинанда VII. Правительство Новой Гранады фактически распалось.

Морильо, не встречая сопротивления, вошел в Боготу. Вскоре остатки новогранадской армии были им настигнуты и окружены к западу от города. Испанцы предложили патриотам сдаться, обещая сохранить им жизнь и военные звания. В ответ новогранадцы бросались в атаку с возгласами: «Да здравствует война насмерть!» Так погибли последние защитники Новой Гранады.

***

Через четыре месяца после прибытия в Южную Америку Морильо не без удовлетворения докладывал Фердинанду VII, что восставшие области усмирены и находятся под полным его контролем. Хунта секвестров конфисковала свыше 300 поместий стоимостью в 15 миллионов песо. Так поплатились креольские аристократы за свое вольнодумство. Испанский король был в восторге от действий Морильо и поспешил наградить его титулом графа Картахены.

Но не успели сведения о королевской милости дойти до Боготы, как стало очевидно, в том числе и для самого новоиспеченного графа Картахены, что торжествовать победу было еще рано. Поверженный враг то тут, то там вновь стал поднимать голову. В провинциях Новой Гранады стихийно возникали партизанские отряды, руководимые людьми из народа. Они были неуловимы, неожиданно наносили удары и исчезали, точно привидения.

Пока Морильо добрался до Боготы, ряды его войска в значительной мере поредели. По пути, идя навстречу просьбам местных церковников и других сторонников испанского господства, он был вынужден оставлять отряды для их охраны и в результате распылил свои силы на огромном расстоянии между Каракасом и Боготой. Это побудило венесуэльцев и новогранадцев вновь взяться за оружие, они надеялись сначала изолировать, а потом и ликвидировать испанские гарнизоны в отдельных населенных пунктах.

Восстали и жители острова Маргарита во главе с Арисменди.

Большая часть острова вновь оказалась в их руках. Изменились настроения и в льяносах, где начали возникать антииспанские отряды. Льянеро, видя, что Морильо заигрывает с богатыми креолами, теперь нападали на своих бывших союзников.

В Венесуэле действовали партизанские отряды под руководством полковников Педро Сарасы, Хосе Тадео Монагаса, Мануэля Седеньо, негра Рохаса, индейца Хосе Мигеля Гуанагуаная. Партизаны были вооружены самодельными копьями, наконечниками которым служили иглы ядовитого кактуса пириту. Пользуясь поддержкой местного населения, они были неуловимы. Истребляя небольшие испанские гарнизоны, патрули и дозоры, партизаны незаметно подтачивали силы карателей. Испанцы не располагали резервами, в то время как ряды народных мстителей непрерывно пополнялись новыми волонтерами, многие из которых сложили свою голову в борьбе за независимость.

В числе погибших был и индеец Гуанагуанай. Испанцам удалось близ Барселоны захватить нескольких его бойцов. Им обещали сохранить жизнь, если Гуанагуанай сдастся. Индейский дождь, надеясь спасти своих товарищей, сложил оружие, но испанцы убили его вместе с другими пленными.

Сведения о дерзких партизанских действиях в Венесуэле обеспокоили Морильо. Он прекрасно знал по опыту борьбы с Наполеоном, как трудно воевать с восставшим народом, с партизанскими отрядами. Граф Картахены понял, что его ждет длительная и беспощадная война. Он писал испанскому правительству:

«Когда экспедиция под моим командованием появилась у берегов Венесуэлы, все преклонили перед нею колени, за исключением льянеро. Несомненно, что судьба вице-королевства Новой Гранады решит судьбу Венесуэлы, но только если экспедиция получит новое подкрепление. Венесуэла находится в состоянии всеобщего восстания. У меня мало сил, и я смогу только в течение недолгого времени сдерживать повстанцев». Необходимо, предлагал Морильо, установить военную диктатуру — «деспотическую, тираническую, разрушительную». «Других средств нет. Пусть королевский двор откажется от иллюзий: или мы будем рубить головы нашим врагам, или они нас уничтожат. Мы не должны оказывать снисхождения негодяям».

Это были рассуждения обреченного, хотя на счету у Морильо числились пока одни лишь победы. Тюрьмы Боготы не вмещали всех арестованных патриотов. Испанцы заточали своих противников в монастыри. Военный трибунал чинил суд и расправу над патриотами. По его приговору Кампло Торрес —

президент Новогранадской республики, Мануэль Родригес Торрисес — диктатор Картахены, эквадорский генерал Монтуфар были расстреляны в спину, их трупы повешены, потом четвертованы и в таком виде выставлены на поругание. С особой жестокостью расправлялись колонизаторы с представителями креольской интеллигенции, с «грамотеями» — студентами, учеными, которых считали главными виновниками провозглашения независимости. Всякий, кто умел читать и писать, рассматривался испанцами как потенциальный повстанец, ему угрожали арест и смертная казнь.

Испанцы казнили известного астронома и ботаника Франсиско Хосо де Кальдаса, сотрудника Гумбольдта и Бонплана. Когда у Морильо попросили даровать ученому жизнь или хотя бы разрешить Кальдасу привести в порядок его ценнейшую ботаническую коллекцию, граф Картахены изрек: «Испания не нуждается в мудрецах». Спокойно взошел Кальдас на эшафот и перед казнью воскликнул: «Да здравствует родина!»

Все напечатанные патриотами книги, журналы, газеты предавались огню. Политическим деятелям, ученым, старикам и подросткам, женщинам, цветным и белым, креолам и испанцам — участникам патриотического движения, их родственникам, друзьям и случайным знакомым — всем им угрожали виселица, расстрел, топор палача или смерть от палочных ударов.

Цвет гранадского общества погиб на плахе. С гордостью докладывал Морильо Фердинанду: «Я очистил вице-королевство Новой Гранады от докторов, которые всегда являются зачинщиками смуты». Взамен он просил прислать испанских священников и теологов, ибо «дело покорения и усмирения должно проводиться теми же самыми методами, что и в начале конкисты». Инквизиция и военный трибунал — такова была программа усмирения, предложенная наместником испанского короля, о котором говорили, что у него сердце тигра, а голова мула.

Имущество арестованных подвергалось конфискации. «Патриоты должны быть лишены не только жизни, но и собственности», — поучал своих приближенных Морильо.

Пролив потоки крови в Новой Гранаде, Морильо во главе четырехтысячного отряда испанцев решил возвратиться в Венесуэлу для подавления быстро развивавшегося там партизанского движения. Переход через Кордильеры и льяносы убедил его в том, что судьба Испанской империи зависела от настроений льянеро: без их содействия было невозможно ни утолить голод в пути, ни найти дорогу сквозь тропические дебри, ни обнаружить брода в реках. Морильо понимал: чтобы удержать

льянеро на стороне Испании, следовало дать им нечто более конкретное, чем обещания, которыми кормил их в свое время Монтеверде. Однако граф Картахены не имел ни полномочий, ни желания делить свою власть с полудикими жителями венесуэльских степей.

В Боготе в качестве наместника Морильо остался генерал Самано, считавший, что самое полезное для бога и короля дело — убивать патриотов. Его первым распоряжением было — соорудить постоянную виселицу на главной площади и устроить четыре лобных места в центральном парке города.

Одной из жертв Самано стала патриотка Поликарпа Салаварпета, двадцатипятилетняя голубоглазая светловолосая красавица с нежным сердцем и мужественной душой. Ее первой страстью была родина и независимость, а второй — Алехо Сабараин, молодой офицер республиканских войск. Мобилизованный простым солдатом в армию испанцев, Сабараин по совету своей невесты готовил восстание, но, будучи предан, бежал вместе с нею. По дороге их схватили и приговорили к смерти. Поликарпа громким голосом подбадривала патриотов, ожидавших казни. Ее убили выстрелом в спину вместе с ее любимым 11 ноября 1817 года. Новогранадцы сложили в честь Поликарпы песню, ставшую военным гимном патриотов Южной Америки.

Убедившись, что Самано достойный его последователь, Морильо назначал его вице-королем Новой Гранады.

Чем больше неистовствовали испанцы, тем сильнее убеждалось местное население в необходимости борьбы с ними. Но кто же возглавит теперь эту борьбу — какой-нибудь лихой льянеро или один из удалых партизанских командиров? Или случится так, что спасение придет из далекого Буэнос-Айреса, где патриоты не только удерживали в своих руках власть, но и готовились вторгнуться в Чили, чтобы изгнать оттуда испанцев? А может быть, сам Боливар, точно птица Феникс, восставшая из пепла, вновь появится на континенте с горсткой готовых на бессмертные подвиги героев и совершит еще одно чудо — изгонит с родной земли свирепого Морильо и его карателей? Ответы на эти вопросы не заставили себя долго ждать.

ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОВ

Я провозгласил абсолютную свободу рабов.

Симон Боливар

Что же тем временем делал Боливар и где он находился? В течение долгих месяцев он томился на Ямайке от вынужденного безделья, если не считать делом сочинение различных статей и мемориалов. Напрасно Освободитель обращался к местному губернатору, напрасно писал английским министрам в Лондон и просил оказать патриотам вооруженное содействие, соблазняя англичан коммерческими выгодами, на которые они могли рассчитывать в освобожденных от испанского господства колониях. Его обращения имели столь же мало успеха, как в свое время попытки Миранды заручиться английской поддержкой.

Написанные Боливаром в Кингстоне[15] документы показывают, что он был прекрасно осведомлен о событиях, происходивших тогда не только в Венесуэле, но и в других областях Испанской империи. Они говорят также о его глубоких познаниях в вопросах истории и экономики Америки, о его даре предвидения, неоднократно поражавшем его друзей и врагов, о глубокой вере в окончательную победу сторонников независимости, которая не покидала его даже в моменты самых тяжелых поражений.

«Да, испанцы смогли оправиться после многочисленных и жестоких потерь и вновь восстановить свою власть в Венесуэле, — писал Боливар в одном из писем, опубликованных кингстонской «Королевской газетой». — Армия генерала Морильо помогла им покорить страну. Тогда казалось, что дело независимости проиграно. Теперь же положение изменилось. Как это ни покажется странным, мы видим, что те самые солдаты — бывшие рабы, которые, хотя и насильно, ранее оказывали помощь испанским властям, сейчас поддерживают партию независимости. Таким образом, нынешними защитниками независимости являются бывшие сторонники Бовеса, а также белые креолы, которые всегда боролись за это благородное дело. Объединение этих сил может породить социальную революцию».

«По моему мнению, опаснее всего то безразличие, с каким до сих пор взирала Европа на нашу справедливую борьбу с испанским гнетом, боясь содействовать анархии, — предупреждал Боливар англичан в другом письме. — Между тем

именно это безразличие подрывает порядок, благополучие и блестящие перспективы Америки. Тот факт, что Европа оставила нас на произвол судьбы, может заставить в недалеком будущем партию независимости провозгласить социальные лозунги, чтобы привлечь на свою сторону народ».

Эти слова показывают, что Боливар ясно отдавал себе отчет в том, что одержать победу над испанцами можно, лишь совершив социальную революцию. Но пока он только пугал этим Европу.

Самым замечательным документом, вышедшим из-под пера Боливара в этот период, был памфлет под названием «Ответ южноамериканца одному джентльмену этого острова», более известный под названием «Письмо с Ямайки». В нем Боливар дает анализ колониальной политики Испании и подробный обзор патриотического движения за независимость в Америке начиная с 1810 года.

Испанцы, писал Боливар, надеются покорить восставшую Америку, хотя они не располагают для этого ни достаточным флотом, ни деньгами, ни армией. У испанского правительства не хватает солдат, чтобы держать в повиновении свой собственный народ, а оно претендует держать в кандалах полмира.

Боливар призвал всех патриотов объединиться и оказывать взаимную поддержку в борьбе с испанцами. Он предсказал не только изгнание завоевателей из колоний, но и те изменения, которые произошли на карте Испанской Америки после победы движения за независимость: образование будущих латиноамериканских государств, объединение Новой Гранады с Венесуэлой в республику Колумбию.

Тогда эти мысли Боливара многим казались фантазией, а сам он представлялся пустым мечтателем. Только испанцы принимали его всерьез.

В декабре 1815 года как-то ночью Боливар оставил гамак, в котором обычно спал, и пошел прогуляться по побережью. В гамак лег отдохнуть его друг Аместой. Когда Боливар вернулся, Аместой был мертв. Подосланный испанцами убийца принял Аместоя за Боливара и заколол его кинжалом.

Лишенный поддержки, без гроша в кармане, Боливар не имел возможности заняться каким-либо делом, чтобы заработать себе на пропитание. Но свет не без добрых людей, и таких людей Боливар в конце концов нашел на Ямайке. Местный плантатор Максуэл Гислоп, сочувствовавший патриотам, Хулиа Кобье — креолка о Гаити о многочисленными связями на острове — и Луис Брион — человек неопределенной национальности, богатый негоциант и судовладелец, уверовавший в дело независимости испанских колоний, протянули руку помощи Освободителю.

К. Маркс высоко оценивал полководческие способности Бриона, его стремление оказать поддержку противникам испанского владычества[16]. Брион отплыл из Лондона в Картахену на 24-пушечном корвете, снаряженном большей частью на его же собственные средства, он вез 14 тысяч комплектов оружия и большое количество военных запасов. К сожалению, Брион прибыл слишком поздно, когда испанцы уже взяли Картахену. Это вынудило Бриона тоже укрыться на Ямайке.

Гислоп открыл Боливару кошелек и спас его от голодной смерти, очаровательная Хулиа отдала ему свое сердце, что возвратило нашему герою присущий ему от природы оптимизм и веру в себя, а Брион был не прочь принять участие в экспедиции на континент, если бы Боливару удалось найти достаточно безрассудных смельчаков, готовых бросить вызов могущественному Морильо. Пока же Брион согласился переправить Боливара на одном из своих кораблей в Картахену, где был низложен Кастильо и откуда патриоты звали каракасца возглавить защиту осажденного города.

Боливар охотно покинул Ямайку. В пути он узнал, что сопротивление осажденных сломлено и крепость захвачена испанцами. Как быть? Возвращаться на Ямайку, где он будет жить, как в мышеловке, лишенный возможности предпринять какие-либо действия в защиту своей родины? Нет!

— Держите курс на Гаити! — приказывает Боливар капитану корабля.

Капитан повинуется.

— Мы поднимем против испанцев рабов, индейцев, льянеро. Президент Гаити Петион не откажет мне в помощи. Он сам бывший раб и непримиримый враг колонизаторов. С ним мы договоримся. Смелей расправляй паруса, капитан, ветер нам сопутствует, а впереди нас ждет победа!

С опаской смотрит капитан на своего пассажира. О чем он говорит, о какой победе? Дай бог благополучно добраться до Гаити, а то встретится на пути испанский галеон, и тогда висеть всем на реях…

В конце декабря 1815 года Боливар высадился в небольшом гаитянском порту Ле-Кайе-де-Сен-Луи (Рифы Святого Людовика). Он был немедленно принят президентом Александром Петионом. Петион был одним из вождей освободительной борьбы на острове Эспаньола и основателем первой в Латинской Америке республики — Гаити, население которой почти сплошь состояло из негров — бывших рабов.

Петион сознавал, что победа испанцев над патриотами на континенте явилась бы прямой угрозой независимости его

родины, по соседству с которой на одном и том же острове находилась испанская колония Санто-Доминго. Петион выразил готовность оказать Боливару поддержку оружием и снаряжением, но при условии, если каракасец сможет сплотить вокруг себя большинство патриотов, находившихся в изгнании, и если он, Боливар, согласится отменить рабство на тех территориях, которые ему удастся освободить.

— Возьмите пример с нас, генерал, — говорил Петион Боливару. — У нас независимость завоевали рабы, они нанесли поражение опытнейшим французским генералам и их войскам, посланным к нам Наполеоном. Рабы сражались как львы, и не было такой силы, которая могла бы победить их, ведь они дрались за свою собственную свободу. Я думаю, что пример с Бовесом должен научить вас многому. Освободите рабов, и вы совершите не только благородное дело, но и завоюете независимость для своей родины.

— Обещаю вам сделать это, — ответил Боливар. — Своих рабов я давно уже освободил. Я всегда был на стороне народа, но теперь пойду вместе с народом против испанских поработителей.

В последующие недели бригантины Бриона свозили в Ле-Кайе патриотов, бежавших с континента на бесчисленные острова и островки Антильского архипелага. Вскоре в Ле-Кайе прибыли незадачливый диктатор Сантьяго Мариньо, братья Монтилья, бесстрашный Пиар, сподвижник Миранды шотландец Макгрегор, французский корсар Обри и многие другие патриоты и добровольцы, горевшие желанием сразиться с войсками Морильо и победить их.

Вслед за ними прибыл в Ле-Кайе и сам Боливар. Он созвал совет офицеров, которому сообщил о переговорах с президентом Петионом и предложил избрать командующего предстоящей экспедицией. Мнения разделились. Часть офицеров — Мариньо, Пиар, Бермудес — высказались против кандидатуры Боливара, которого они все еще считали главным виновником гибели Второй республики. Они предлагали назначить совет из трех или пяти генералов для руководства военными операциями. Брион заявил, что примет участие в экспедиции, только если ее возглавит Боливар. Мнение Бриона, без поддержки которого было немыслимо осуществить задуманный план, оказалось решающим. Боливар был избран главнокомандующим. Он назначил Мариньо своим заместителем, а Бриона — адмиралом и командующим республиканским флотом.

Три месяца спустя после появления Боливара на Гаити экспедиция была готова к отплытию. Она состояла из 250 человек, располагала 3500 ружьями, амуницией, типографским

станком и семью небольшими кораблями, принадлежащими Бриону.

2 мая 1816 года, через 32 дня после выхода из Ле-Кайе, флотилия патриотов вошла в венесуэльские воды. Первой остановкой был остров Маргарита, где к Боливару присоединился генерал Арисменди, который только ждал оказии, чтобы вновь выступить против испанцев.

Пополнив на острове свой отряд новыми добровольцами и кораблями, Боливар направился в венесуэльский порт Карупано и захватил его после двухчасового боя с испанцами. Здесь Боливар торжественно провозгласил освобождение рабов и призвал их вступать в армию патриотов. Каракасец заверил, что «в Венесуэле не будет больше рабов, за исключением тех, кто желает остаться ими». Но на первых порах только две-три сотни невольников откликнулись на его призыв.

В Карупано Боливар сообщил, что патриоты намерены прекратить войну насмерть, если испанцы, в свою очередь, воздержатся от применения пыток и истребления мирного населения и пленных. Гуманные предложения Боливара не нашли отклика у испанцев. Они продолжали расправляться с креолами, убивать стариков, женщин и детей, а это вызывало ответные репрессии со стороны патриотов.

Война насмерть продолжалась.

Мариньо и Пиар направились из Карупано в глубь страны. Они надеялись поднять против испанцев льянеро. Выйдя на степной простор, Мариньо и Пиар вновь почувствовали себя вольными птицами и перестали считаться с Боливаром.

Между тем испанцы окружили Карупано. Боливар был вынужден перебраться в другое береговое селение, Окумаре. Отсюда он надеялся начать наступление на Каракас, освобождение которого позволило бы ему мобилизовать народные массы на борьбу с Морильо.

Испанцы разгадали его замысел. Моралесу удалось прорваться в Окумаре и захватить патриотов врасплох. В возникшей суматохе Боливар и другие бойцы поспешили на корабли, оставив в порту почти все военное снаряжение. Главными виновниками поражения в Окумаре были капитаны и матросы Бриона. Они сгрузили снаряжение на берег, а трюмы кораблей забили тропическими фруктами, надеясь прибыльно сбыть их в Кюрасао. Когда возникла паника, матросы отказались взять обратно на борт снаряжение и думали лишь о том, как бы поскорее сняться с якоря со своей кладью.

Из Окумаре Боливар попал на остров Бонайре близ Кюрасао. Собравшись с силами, он возвращается в восточную Венесуэлу, в

селение Гуирия, что на побережье залива Грусти, в район расположения основной базы Мариньо и присоединившегося к нему Бермудеса.

В Гуирии бойцы встретили Боливара враждебно. Мариньо и Бермудес объявили его дезертиром и предателем. По их подстрекательству местные жители Гуирии потребовали, чтобы Боливар убрался из селения. Дело дошло до того, что Бермудес с обнаженной шпагой бросился на Освободителя. Боливар, с трудом отбив нападение, прыгнул в шлюпку, доставившую его обратно на корабль.

Отвергнутый своими сподвижниками, оставленный добровольцами, лишенный снаряжения, Боливар решил возвратиться на Гаити.

«Неужели все потеряно и мне не суждено возглавить моих соотечественников в войне за независимость? — спрашивал он себя. — Неужели я хуже Мариньо, Бермудеса и Пиара? Разве я не пожертвовал всем во имя интересов родины? Да, у меня были ошибки и промахи, но у кого из наших генералов их не было? Если бы Мариньо вовремя пришел на помощь Каракасу, разве погибла бы Вторая республика? Теперь меня считают ответственным не только за мои собственные ошибки, но и за грехи других. Я принадлежу, по-видимому, к тому же типу глупцов, какими были Христос и Дон-Кихот. Но я не сложу оружия! Нет! Если Петион вновь протянет мне руку дружбы, я возвращусь на континент и еще покажу себя!»

Боливар, прибыв в Ле-Кайе, обратился с посланием к Петиону: «Когда человек терпит поражение, он всегда не прав; неудивительно, что я являюсь жертвой этого всеобщего закона».

Но Петион верил в звезду Боливара и вновь обещал оказать ему помощь. Вскоре на Гаити прибыли посланцы Аризменди, они призвали Боливара возвратиться в Венесуэлу и взять на себя командование отрядами патриотов. Брион тоже остался верен своему другу. И вот Боливар готовит (в который раз!) новую освободительную экспедицию.

В декабре 1816 года каракасец высаживается неподалеку от Барселоны, где его встречают Макгрегор и Пиар.

Шотландец Макгрегор оставался в Окумаре. Ему удалось на время оторваться от преследовавшего его Моралеса. В течение месяца Макгрегор прошел со своим небольшим отрядом 750 километров, нападая на испанские патрули и мелкие гарнизоны. За это время его отряд не только не уменьшился, но удвоил свои силы. 13 сентября Макгрегор захватил Барселону, но Моралес шел по его пятам. На помощь Макгрегору из Куманы поспешил Пиар. Три дня спустя Пиар нанес поражение Моралесу и заставил

его отступить.

Из Барселоны Боливар уведомил всех командующих патриотическими отрядами, что «его превосходительство генерал-аншеф» прибыл в Венесуэлу и принимает над ними верховное командование.

Не теряя времени, Боливар направился к Каракасу, но по дороге наткнулся на превосходящие силы врага и был вынужден отступить. Если бы не помощь со стороны Бермудеса, он даже потерял бы Барселону. После этих событий произошло примирение Боливара с Бермудесом и Мариньо. Надолго ли?

Пиар углубился в Гвиану в надежде укрепиться у устья Ориноко. Он звал к себе Боливара. Гвиана могла превратиться в надежную базу для действия против испанцев. Отделявшие ее от Каракаса степи были почти непреодолимы для обычной армии: их пересекали сотни быстроходных рек, болота, кишевшие аллигаторами и мириадами москитов.

По всей стране ширилось партизанское движение. Все в большом количестве стекались к партизанам рабы, которым Боливар от имени республики даровал свободу.

И хотя патриотам предстояло еще преодолеть огромные трудности, теперь они уже твердо верили в победу над испанцами.

ВОЙНА В ЛЬЯНОСАХ

Нынешними защитниками независимости являются бывшие сторонники Бовеса, а также белые креолы, которые всегда боролись за это благородное дело.

Симон Боливар

Территория Гвианы покрыта девственным лесом. Тут обитают кедры и каштаны, красное и железное дерево, лавр, гибкая с бледными листьями гевея, многие разновидности которой дают похожий на молоко каучуковый сок, миндальное дерево, украшенное великолепными венчиками, камфарное и коричневое деревья, легкое, точно мыльный пузырь, бальсовое дерево, сейба с цветами, похожими на хлопок, игуэрона, чьи корни извиваются высоко над землей, чиримоя со сладкими и нежными плодами величиной с арбуз. Их макушки на высоте тридцати метров сливаются, образуя потолок, сквозь который пробираются к небу королевские пальмы с огромными лиловыми цветами.

Внизу царит душный полумрак. У подножия деревьев гигантские цветы бегонии, никлантасея и других растений. Есть среди них и свои хищники, свирепые и безжалостные, точно дикие звери. Хитеротропа, бледная и лишенная хлорофилла, высасывает его из растений до тех пор, пока не убивает их. Некоторые из этих чудовищ могут погубить даже самое крупное дерево. Метаполо вначале больше походит на еле заметный надрез в коре какого-нибудь гигантского красного дерева или сейбы, и, хотя корень у метаполо очень хрупкий и слабый, его ветки, подобно щупальцам осьминогов, постепенно охватывают ствол и питаются его живительными соками.

Нижние ветви — местожительство насекомых: муравьев, способных уничтожить целый город, скорпионов, мохнатых пауков, занзудов, москитов — и у всех них есть свой собственный час, когда они выползают и вылетают целыми армиями на поиски крови. Здесь же место охоты тапиров с их гибкими носами и муравьедов. Прячутся в засаде змеи; крупнейшие из них могут проглотить целого ягненка.

Выше обиталище болтливых обезьян и попугаев в пестрых одеяниях. Они должны быть все время начеку, ибо пума и ягуар умеют лазать по деревьям и частенько покидают землю, чтобы часами выслеживать свою жертву.

В этом мире междоусобной войны человек может передвигаться только по бесчисленным, полным опасностей рекам, населенным созданиями не менее примечательными, чем жители девственного леса. Манати, «рыба с руками» — полтонны вялой, питающейся травой плоти, — совершенно безопасна. Столь же безобидны тонина, речной дельфин и пираиба длиною в добрых три метра. Но небольшая пиранья, она же карибе, названная так в честь самого воинственного индейского племени, вдруг поднимется с илистого дна реки и сорвет мясо с костей зазевавшегося рыболова. Впрочем, если он успеет первым поймать пиранью, то будет вознагражден вкусным завтраком.

Аллигаторы лежат неподвижно, как бревна, выжидая жертву, на которую бросаются с быстротой молнии. Малярийные комары тучами носятся над водой. Глубоко в иле скрывается угорь — настоящая электрическая батарея, способная одним разрядом вызвать судороги у человека или зверя.

В тихих заводях, куда не проникает солнечный луч и где редко бывают ветры, плавает огромный цветок, часто растущий большими семьями — колониями. Индейцы называют его атунсисаком. Английские же путешественники прозвали его викторией-регией — королевской викторией[17]. Это гигантская орхидея с подводными листьями длиною в три метра каждый. Ее лепестки лежат белыми пятнами на коричневой воде, края у них изумрудные, а венчик — фиолетовый или розоватый. Орхидеи плавают, прикрепленные ко дну толстыми канатами-корнями, гибкими вверху и покрытыми шипами внизу для защиты от рыб и других хищников. На цветах королевской виктории отдыхают цапли, рискуя при этом жизнью, ибо здесь же любят проводить свою послеобеденную сиесту ядовитые водяные змеи и боа.

Девственный лес полон резких, пронзительных звуков. То тут, то там слышно рычание пумы или ягуара, болтают и стонут обезьяны. В голосах пекари и ленивцев звучит слепой ужас, доносится мягкое завывание снажу и пронзительные крики попугаев и курасао.

На окраине девственного леса живут индейцы, не покорившиеся испанским завоевателям.

Индейцы прекрасно знают, какие драгоценные клады таит лесная чащоба. Им известны целебные снадобья — останавливающие кровь, снотворные и бодрящие, те, с помощью которых можно побороть дизентерию и ядовитый укус змеи. Им знакома целая гамма лечебных средств: «дерево-лихорадка», которое вылечивает малярию, плесень, освежающая кровь, янамуко, укрепляющая десны. Своими бамбуковыми стрелами с наконечниками из твердой, крепче кремня, чонты индеец может

подстрелить рыбу, выглянувшую на мгновение из воды; без компаса, не видя солнца, он безошибочно путешествует по джунглям, пробираясь от одной реки к другой.

Индейцы ткут себе ткани из волокон питы, хлопка и чамбиры; у них есть и особые волокна для противомоскитных сеток, и солома для крыш, и дерево для постройки жилищ, и краски для раскрашивания своих тел. Они возделывают на лесных вырубках кассаву и юкку. Они любят цветы и знают, как можно найти в колючих кустарниках самые красивые растения — пышную альфару и многокрасочную барнайдейру.

Для индейцев роса — «плевки звезд», а метеоры — «моча звезд». Им ведомы сухие места, где водятся сочные игуаны, и места, где можно найти те виды муравьев, из которых получается сама вкусная паста — их основное кушанье. В качестве деликатеса они предпочитают тарантула, зажаренного живьем на медленном огне, как жарят раков в фешенебельных ресторанах. Индеец легко находит ямку, в которой живет обезьяний паук, прячась за толстым слоем гнилых листьев. Он отрезает кусок лианы, просовывает его в ямку и начинает медленно шевелить, время от времени вытягивая наружу. Цель — разозлить паука и заставить броситься за нарушителем его жилья. И как только появится красный мохнатый паук величиной с широкую ладонь, индеец прижимает его пальцами к земле, быстро заворачивает лапы и отрывает мешочек с ядом. Паук еще живой, но он уже безвреден.

***

Оставив Мариньо в Барселоне, Боливар направился в район Ориноко, где встретился с Пиаром. Смелый мулат располагал большими силами. Его поддерживали индейские племена, которые он освободил от произвола миссионеров довольно радикальным способом: перестрелял «святых отцов». Но ему не удалось захватить Ангостуру — самое крупное военное укрепление испанцев на Ориноко, служившее также укрепленным военным лагерем. У него не было для этого необходимых кораблей. Боливар назначил Пиара командующим вооруженными силами патриотов, а Пиар признал Боливара верховным вождем патриотического движения.

Союз с Пиаром и Бермудесом укрепил положение Боливара, но остальные командиры партизанских отрядов продолжали относиться к нему неприязненно. Мариньо по-прежнему претендовал на роль верховного руководителя движения за

независимость. Он собрал своих сторонников в портовой деревушке Кариако, объявил их венесуэльским конгрессом и самоизбрался в главнокомандующие. Убедившись, что большинство военных предводителей-патриотов отказались его признать, Мариньо распустил свой конгресс и подчинился Боливару. Никто из партизанских вождей не обладал столь широким политическим кругозором, как Боливар, никто лучше его не разбирался в вопросах международной политики, никто не имел такого авторитета за пределами Венесуэлы. Даже Мариньо стало ясно, что без Боливара нельзя вести успешную борьбу с испанцами.

Была сделана попытка организовать правительство также в районе реки Апуре, где действовал мощный отряд патриотов-льянеро под командованием метиса Паэса и куда отступили остатки новогранадской армии во главе с Сантандером. Офицерский совет этой группировки избрал президентом республики доктора Серрано, а командующим армией — Сантандера. Но льянеро отказались признать эти назначения и провозгласили верховным вождем Паэса. Ближайшими сподвижниками Паэса были мулат Инфанте и негр Рохас.

Перед Боливаром стояли нелегкие задачи. Следовало добиться единства патриотических сил, организовать единое правительство, изгнать испанцев из Венесуэлы. Боливар думал не только об этом, он мечтал об освобождении Новой Гранады, Кито, Перу.

Но мечты мечтами, а дела делами. Раз решено укрепиться в Гвиане, то необходимо взять Ангостуру.

— Испанцы! — обращается Боливар к осажденным в Ангостуре врагам. — Ваши соотечественники борются сегодня против неблагодарного глупца Фердинанда. Оставьте его знамена и присоединитесь наконец к делу справедливости, свободы и независимости. Только во имя этих священных идеалов можно оправдать жертвы войны. Единство будет нашим девизом, и вас будут считать американцами.

Боливар знал, что среди испанцев есть люди, которые сочувствуют патриотам. Он помнил о Франсиско Мине и других испанских демократах, помогавших патриотам в Мексике.

Вскоре на помощь Боливару пришла флотилия Бриона, блокировавшая Ангостуру со стороны Ориноко. Вслед за этим Пиар нанес поражение отряду генерала Мигеля де ла Торре, посланному Морильо на выручку осажденным в Ангостуре. Вместе с Пиаром против Мигеля де ла Торре сражались два отряда индейцев: один в 500 человек, вооруженный луками, другой в 800 человек, вооруженный копьями. Патриоты и

испанцы дрались одним холодным оружием. Из испанского отряда в 1800 человек спаслись только сам Мигель де ла Торре и 17 солдат. Креолов пощадили, и то при условии, что они вступят в армию патриотов.

Узнав о поражении Мигеля де ла Торре, осажденные в Ангостуре испанцы попытались прорвать блокаду, но были наголову разбиты. Ангостура сдалась, а вслед за нею и другие укрепленные пункты испанцев на Ориноко. Теперь у Боливара был в руках город, который он мог превратить во временную столицу независимой Венесуэлы.

Между тем Боливару вновь пришлось столкнуться с нежеланием партизанских вождей подчиниться его командованию.

Патриотический лагерь состоял из различных социальных прослоек. Среди патриотов были богатые и бедные креолы, негоцианты, льянеро, крестьяне, негры-рабы и свободные, мулаты разных оттенков кожи и разного социального положения; городская беднота, жители крупных населенных центров и сельских районов, разных провинций испанской империи и даже некоторые испанцы, придерживавшиеся республиканских взглядов. Все они отличались мужеством, храбростью, ненавистью к колониальному режиму, но многие из них смутно представляли себе будущее новых республик, хотя считали себя достойными управлять ими. Личные моменты, симпатии и антипатии, связи с друзьями и соотечественниками, местные интересы оказывали на иных деятелей войны за независимость решающее влияние. Этим объясняются частые конфликты, столкновения и разлады в стане патриотов. Боливар пытался сгладить эти противоречия, объединить всех под одним знаменем, дать им приемлемую программу, но это не всегда ему удавалось. Иногда он сам становился жертвой настроения, терял присущую ему объективность, шел напролом, что не содействовало сплочению патриотического лагеря.

Среди тех, кто рассчитывал занять первое место — место главнокомандующего, был и Пиар, считавший, что одержанная над испанцами победа у Ангостуры давала ему на это право.

Пиар направился в льяносы, где стал призывать население к свержению Боливара. Он надеялся на поддержку Мариньо, но бывший диктатор Востока, сам претендовавший на место Боливара, отказался принять участие в заговоре Пиара.

Пытаясь оправдать свои действия и привлечь на свою сторону негров и мулатов, Пиар утверждал, что мантуанцы во главе с Боливаром захватили власть и притесняют цветных.

— Я мулат, значит, я недостоин занимать пост президента,

хотя и одержал десятки побед над врагом. Боливар — белый, поэтому ему все прощается, хотя из-за него мы потеряли Вторую республику и проиграли многие сражения. Мы не должны больше терпеть диктатуру мантуанцев!

Проповедь Пиара угрожала разжечь расовую ненависть между патриотами, что было бы на руку испанцам. Если бы это случилось, дело независимости вновь потерпело бы поражение, и на этот раз надолго. Обвинения Пиара в адрес Боливара не соответствовали действительности. Большинство руководителей повстанческого движения и ближайших соратников Боливара были метисы, негры, мулаты. По свидетельству современников, сам Боливар был мулатом.

Пиар пользовался влиянием среди солдат. Он, несомненно, был талантливым и храбрым генералом. И все же в интересах единства патриотических сил следовало наказать Пиара, но любые меры против него нужно было объяснить народу.

Боливар вызвал своего секретаря и стал диктовать ему:

— Венесуэльцы! Генерал Пиар организовал заговор против республиканской системы свободы, равенства и независимости. Пиар утверждает, что республиканские власти притесняют цветных. Он выдает себя за защитника прав негров и мулатов. И это делает человек, который стыдится цвета своей кожи, утверждая, что он является незаконнорожденным сыном бразильского принца. Политика нынешнего правительства Венесуэлы всегда была беспристрастной, и никто не может пожаловаться на несправедливое отношение к нему из-за цвета его кожи. Конгресс, суд, законы республики провозгласили равенство рас вплоть до освобождения негров от рабства.

Сравните положение цветного населения в колониальный период и во время республики. Раньше только белые могли претендовать на государственные должности, цветным запрещалась даже духовная карьера. Можно сказать, что испанцы закрыли перед цветными двери в рай. Революция дала цветному населению все привилегии, все права, все преимущества.

Кто начал эту революцию? Белые креолы, дворяне и офицеры, находившиеся на службе короля. Они провозгласили принципы справедливости и свободы. Разве они требовали себе каких-то особых прав? Нет! Они жертвовали всем во имя торжества прав человека…

Теперь генерал Пиар своим безумным заговором надеется вызвать братоубийственную войну, в которой дети, женщины и старики станут жертвами только из-за своего более или менее светлого цвета кожи. Цвет кожи, утверждает Пиар, является преступлением, и от этого зависит жизнь или смерть человека. И

так как у каждого человека кожа определенного цвета, который нельзя изменить, то никому не будет в этой войне пощады.

Генерал Пиар нарушил законы, он ослушался правительства, восстал против республики, оказал противодействие ее вооруженным силам. Устранение Пиара является обязанностью каждого республиканца, тот, кто покончит с ним, будет благодетелем республики…

Пиар был арестован и предан военно-полевому суду под председательством адмирала Бриона. Суд приговорил черного генерала за нарушение воинской дисциплины, дезертирство и организацию заговора против республики к смертной казни. Решение суда было одобрено Боливаром. Это вызвало удивление даже у судей. Сам Пиар надеялся, что смертный приговор не будет приведен в исполнение, что в последний момент он будет прощен. 16 октября, в пять часов вечера Пиар был публично казнен на главной площади Ангостуры.

Мариньо и его единомышленники, выступавшие против единого командования, возглавляемого Боливаром, после расстрела Пиара присмирели. Некоторые историки обвиняют Боливара в том, что он отделался от Пиара, ибо якобы видел в нем представителя угнетенных масс. Но таким же представителем парода был и Паэс, и другие партизанские вожаки, вышедшие из народной гущи, и с ними Боливар сотрудничал самым тесным образом. «Смерть генерала Пиара, — говорил одиннадцать лет спустя Боливар, — явилась политической необходимостью, которая спасла меня. Заговорщики был напуганы».

Возвратившись из Новой Гранады в Венесуэлу, Морильо вновь решил завоевать непокорный остров Маргарита и примерно наказать обманувшего его доверие генерала Арисменди. Против 1300 патриотов Морильо послал 3 тысячи хорошо вооруженных испанцев. Граф Картахены поклялся захватить Арисменди живым или мертвым и не оставить на острове камня на камне. «Угрозы Морильо точно лай собаки на луну. Моя голова крепко сидит на плечах, и если Морильо попытается заполучить ее лично, то его голова скатится к моим ногам». — таков был ответ Арисменди.

Покорить Маргариту Морильо не удалось. После месяца кровопролитных боев, во время которых испанцы потеряли около 1000 человек убитыми и 700 ранеными, Морильо вынужден был навсегда покинуть остров. Зато значительного успеха добились испанцы на востоке страны, где высадился прибывший из Испании отряд в 3 тысячи солдат во главе с генералом Каптераком. С его помощью Морильо удалось вытеснить из восточной Венесуэлы силы Мариньо.

В ответ Боливар объявил мобилизацию в республиканскую

армию всех юношей в возрасте от 14 до 16 лет. Дезертиры как предатели родины подлежали расстрелу. В результате таких драконовских мер Боливар увеличил свою армию до 5 тысяч человек. Но этого было мало для победы над Морильо. Интересы дела требовали объединения республиканской армии с льянеро, действовавшими в районе реки Апуре, притока Ориноко.

Боливар не упускал случая показать льянеро свою ловкость и отвагу — необходимые качества для того, кто претендовал на звание их командующего. Однажды Боливар на глазах у солдат переплыл Ориноко со связанными руками. В другой раз, увидев, как один из его офицеров перепрыгивает через лошадь, взялся сделать то же самое. Две его попытки закончились неудачно, и только в третий раз ему удалось преодолеть препятствие. Льянеро стали уважать этого мантуанца, ежедневно менявшего белье, душившегося одеколоном и тем не менее способного обуздать дикого скакуна, переплыть Ориноко со связанными руками и совершать утомительные походы, любившего шутку и не чуравшегося общества простых людей.

Боливару предстояло завоевать поддержку человека, от коего во многом зависело будущее патриотов. Этим человеком был новый вождь льянеро Хосе Антонио Паэс. Появление патриотически настроенной армии льянеро во главе с этим вожаком свидетельствовало о переломе в настроении крестьянской массы, которая в конце концов убедилась, что в ее интересах бороться за независимость.

Паэс обещал льянеро наделить их землей после изгнания испанцев, и это привлекло на его сторону многих бывших сторонников Бовеса. Боливар подтвердил это обещание Паэса, издав 10 октября 1817 года закон о распределении собственности среди солдат, которые, не получая регулярного жалованья, теперь могли надеяться, что после войны они станут владельцами небольших клочков земли. Те же солдаты, кто пробивался на офицерские должности, могли рассчитывать на большее. Согласно закону генерал получал право на собственность стоимостью 25 тысяч песо, полковник — 10 тысяч, капитан — 6 тысяч, сержант — 1 тысячу, солдат — 500 песо. Закон предусматривал передачу крупных поместий группам бойцов в коллективное пользование. Хотя конгресс заменил предоставление солдатам земли выдачей им бонов на право владения землей, которую они могли продать или заложить, тем не менее этот закон оказал большое влияние на настроение крестьянской массы в Венесуэле, которая в целом встала на сторону патриотов. Теперь льянеро с такой же отвагой и ненавистью боролись с испанцами, как некогда сражались с

патриотами.

Боливар задался целью включить армию степных кентавров в состав республиканских вооруженных сил, превратить ее в ударный отряд республики, использовать ее не только для борьбы с испанцами в льяносах, но и для окончательного разгрома войск Морильо.

Паэс был на семь лет моложе Боливара, он родился в провинции Баринас в семье мелкого колониального служащего. В юности Паэс убил человека и вынужден был бежать в льяносы, где стал служить пеоном в скотоводческом поместье. Пеонами управлял раб — негр Мануэлете, в подчинение которого попал молодой Паэс. Мануэлете сделал из него настоящего льянеро. Паэс научился укрощать диких коней, переплывать с табунами бурные реки, мастерски работать с лассо, клеймить скот. А после изнурительного рабочего дня Мануэлете еще заставлял своего ученика мыть ему ноги.

— Катире[18] Паэс, принеси воды, помой мне ноги!

И Паэс покорно выполнял волю своего мучителя.

В 1810 году Паэс вступил в один из отрядов патриотов. Победа Монтеверде застала его в звании первого сержанта. Схваченный испанцами, он был вынужден примкнуть к ним. Испанцы назначили его капитаном. При первой же возможности Паэс перешел к патриотам. Человек геркулесовой силы, прекрасный наездник и неутомимый пловец, владевший с ловкостью фокусника копьем, саблей и кинжалом, недоверчивый и осторожный, властный и беспощадный, новый вождь льянеро наводил ужас на испанцев, как некогда Бовес на патриотов. Паэс страдал эпилепсией, часто в бою с ним случались припадки, и он падал с коня на землю. Болезнь Паэса вызывала у льянеро суеверный страх. Его адъютантом был Педро Камехо — огромной величины негр по прозвищу Первый негр республики.

Новый вожак «степных кентавров» передвигался, ориентируясь по звездам, ночью, с тем чтобы тучи пыли не выдавали местонахождения его всадников. Он носил синюю блузу, кожаные краги, через плечо у него висело неизменное пончо, застегнутое серебряной пряжкой, на голове широкополая шляпа с венесуэльской кокардой, приколотой золотой шпилькой, сбоку толедская шпага и в руках копье, которое одновременно служило боевым знаменем. На копье черный флажок с эмблемой из черепа и костей и надписью: «Свобода или смерть!»

Вот что рассказывает генерал Сантандер о деятельности армии Паэса: «Во время военной кампании в степях в 1816–1817 годах основной силой патриотов была кавалерия. Льянеро имели в своем распоряжении лошадей, превосходно знали местность,

где им приходилось действовать, под рукой у них находились большие стада скота, который использовался на провиант. У патриотов не было госпиталей, обозов с амуницией, что позволяло им быстро передвигаться в степи. Лошадей и скот брали там. где их находили, без какой-либо платы, ведь это делалось во имя интересов народа. Тот, у кого была одежда, считал себя счастливцем, другие же дожидались лишь первого боя, чтобы снять с убитого врага штаны или рубашку. Бойцы не боялись ни тропического зноя, ни зимних холодов. Никакие водные преграды не останавливали этих прирожденных пловцов, никакие опасности не задерживали их. При освобождении населенных пунктов все мужчины, способные носить оружие, подлежали призыву в армию. Таким образом, в отряды льянеро часто попадали адвокаты, священники и люди других профессий. Они вели такой же образ жизни, как и льянеро. Солдаты и цивильные, мужчины и женщины, старики и дети — все ходили босиком и питались одной и той же пищей — мясом без соли».

Считалось, что в то время в районе Апуре было около миллиона голов скота и пятьсот тысяч лошадей. В армии Паэса имелось сорок тысяч лошадей. В его войсках сражался отряд индейцев племени кунабичи. Паэс присвоил его вождю звание генерала. Индейцы перед боем прокалывали себе язык стрелой и, вымазав лицо кровью, бросались на врага.

Таковы были армия льянеро и ее вождь Паэс, с которым 30 января 1818 года в степях Апуре встретился Боливар. Катире Паэсу льстило, что к нему прибыл за помощью этот знаменитый мантуанец, бросивший вызов испанцам. Оба понимали, что на данном этапе борьбы против испанцев им друг без друга не обойтись. Поэтому им не стоило большого труда договориться о совместных действиях. Боливар подтвердил, что солдаты свободы получат за свои подвиги землю. Паэс же принес торжественную присягу на верность республике и ее руководителю Боливару; такую же присягу приняли и его бойцы.

В течение февраля и марта объединенные силы Боливара и Паэса одержали ряд побед над испанцами в районе реки Апуре, но 25 марта войскам Морильо удалось нанести поражение Боливару у селения Ла-Пуэрта, где попала в руки врага вся канцелярия Освободителя, а также большая часть оружия и боеприпасов. В этом сражении испанцы тоже понесли значительные потери. Морильо был тяжело ранен в бою и отказался от дальнейшего преследования патриотов. Только благодаря этому Боливару удалось спастись. Король повысил Морильо в чине и присвоил ему звание маркиза Ла-Пуэрты. Испанцы думали, что военная карьера Боливара кончена. Однако,

как и в прошлом, они ошибались.

В армию патриотов продолжали вливаться все новые тысячи льянеро. Прошло некоторое время, и Боливар вновь предпринял наступление на испанцев, укрепившихся в Калабосо. Ему удалось окружить в этом городе испанские войска, которыми командовал лично Морильо. Боливар был настолько уверен в победе, что отослал взятых в бою пленных обратно к Морильо со следующим посланием: «Мы столь человечны, что — вопреки справедливости — неоднократно отказывались от методов кровопролитной войны насмерть, применяемых против нас испанцами. В последний раз предлагаю прекратить это ужасное побоище и делаю первый шаг, возвращая всех пленных, взятых нами во вчерашнем бою. Пусть этот пример великодушия будет пощечиной нашим врагам. Вы и весь жалкий гарнизон Калабосо вскоре попадете в руки ваших победителей. Итак, несчастным защитникам города нет надежды на спасение. Я милую их именем Венесуэльской республики. Я простил бы самого Фердинанда VII, если бы он, как и вы, находился в осажденном Калабосо. Или вы воспользуетесь нашим милосердием, или вас ждет гибель».

Расчеты патриотов не оправдались. Опытный солдат Морильо, улучив момент, незаметно выскользнул из Калабосо. Напрасно Боливар предлагал Паэсу броситься в погоню за Морильо, а затем предпринять совместное наступление на Каракас. Паэс отказался покинуть льяносы, где он чувствозал себя неуязвимым.

Морильо получил передышку, вскоре он предпринял новое наступление на льяносы…

Кампания 1818 года закончилась для патриотов неудачно. Армия, которая ее начала, перестала существовать. В руках патриотов продолжали оставаться только районы Апуре и Гуаяны. Но Боливар, как добрая толедская шпага, которая гнется, но не ломается, с поразительной настойчивостью продолжал борьбу.

Тем временем на юге континента, в Чили, аргентинский генерал Сан-Мартин одержал крупную победу над испанцами в сражении при Майпу и готовился освободить Перу.

Война за независимость испанских колоний продолжалась, и трудно было сказать, сколько крови придется еще пролить для того, чтобы одержать победу над коварным и жестоким врагом.

КРЕПОСТЬ НА БЕРЕГУ ОРИНОКО

Организуя наши политические институты, мы должны учитывать наши традиции, наши обычаи, наши условия. Вот чем мы должны руководствоваться, а не копировать Вашингтон.

Симон Боливар

В сообщениях Морильо королевскому правительству в Мадрид все настойчивее звучала мысль, что победить патриотов военными средствами не представляется возможным. В одном из своих донесений Морильо писал: «Самые блестящие военные таланты, самый богатый опыт часто пасуют перед хитростью врага. Противник черпает ресурсы в своем собственном варварстве, от поражения спасают его местность, по которой только он один в состоянии передвигаться, и здешние обычаи, достойные диких зверей. Казалось, что наши многочисленные победы давно должны были решить судьбу войны в нашу пользу, но после каждой из них снова начиналось кровопролитие».

Льянеро, которых участники экспедиции Морильо вначале осыпали презрительными насмешками, теперь вызывали у испанцев уважение и страх. «Переходы через реки, потоки и болота, — сообщал Морильо в Мадрид, — столь утомительные для наших солдат, для льянеро — забава. Они бросаются на лошадях с берега в воду, держа на голове седло, а в зубах копье, и в течение 15 минут две или три тысячи всадников переходят реку как бы по мосту, без риска утонуть и потерять оружие или обмундирование. Наши войска не способны поспевать за ними». Льянеро зажигали степную траву перед испанскими войсками, заманивали их в болота.

В лагере Морильо ширилось дезертирство, против которого принимались строгие меры. Город, где совершал побег солдат, был обязан поставить другого на его место, а также обеспечить оружием и обмундированием. Солдата, задержавшего дезертира, освобождали от военной службы.

Патриоты были непобедимы при обороне, но их наступления часто кончались поражениями. Мариньо и его друзья во всем винили Боливара. Освободитель, утверждали они, приносит несчастье: там, где участвует он, победу одерживает противник. Разве Вторая республика, которой он руководил, не погибла под

ударами Монтеверде и Бовеса, а его высадки в Карупано и Окумаре не закончились плачевно, разве не провалились все его походы на Каракас?

Боливар не был богом, он не обладал сверхъестественной силой. Совершенные им в этих кампаниях ошибки играли второстепенную роль. Основными причинами неудач были: отсутствие в лагере сторонников независимости единства; неумение поднять на борьбу широкие массы народа, которые лишь из-за жестокостей испанцев и после освобождения рабов Боливаром и других его реформ стали присоединяться к патриотам; более высокая военная организация испанской армии с ее опытным офицерским составом и большими материальными ресурсами; неспособность партизан планировать крупные операции и проводить их.

Мариньо, претендовавший на руководство освободительным движением, в политике не разбирался. Типичный провинциальный каудильо, он был готов воевать с испанцами только в восточных районах Венесуэлы. Сам Мариньо тоже неоднократно терпел поражения от испанцев. Паэс был, несомненно, талантливым партизанским вожаком, но за пределы льяносов ни он, ни его армия выходить не собирались. Неграмотный, как и его бойцы, этот сын венесуэльских степей мог выиграть отдельное сражение, но не войну. Другие генералы были с такими же, если не большими, недостатками, чем Мариньо и Паэс.

Результаты кампании 1818 года вновь показали, что без достижения единства всех вооруженных сил патриотов нечего и думать нанести решительное поражение Морильо. Но как достичь этого единства?

Надо укрепить авторитет президента и верховного командующего, превратить Ангостуру в большую мастерскую оружия и военных припасов. Необходимо созвать конгресс, который своими решениями узаконил бы деятельность главнокомандующего, создал бы правовые основы нового государства. И наконец, следует призвать на помощь иностранных волонтеров, генералов и офицеров, опытных солдат — всех тех, кто пожелает сражаться за свободу. Они помогут патриотам, они их научат, как одержать победу над Морильо, над всеми морильо, под сапогом которых стонут колонии в Америке. Такова была грандиозная программа, с которой возвратился в Ангостуру Боливар в конце 1818 года и за выполнение которой он принялся с присущими ему энергией и оптимизмом.

Поблизости от Ангостуры расположен остров Тринидад — главный торговый центр англичан в Южной Америке. Его часто

навещали английские торговые корабли. Спрос на колониальные продукты в Европе возрос после падения Наполеона, цены на них значительно повысились, в то время как приток этих товаров в европейские страны почти прекратился ввиду военных действий в Южной Америке. Английские купцы готовы были хорошо платить за венесуэльские табак, какао, кофе, кожи и мулов. Боливар без труда наладил их доставку из провинций в Ангостуру, где обменивал у англичан на пушки, ружья и порох. Теперь Мариньо и Паэс знали, что оружие они могут получить у Боливара, но взамен должны подчиниться воле главнокомандующего.

Ангостура — большое селение, каких много в Южной Америке, раскинувшееся на левом берегу Ориноко. Река в этом месте «всего лишь» две мили ширины. В Ангостуре около шести тысяч жителей. Дома почти все деревянные, одноэтажные, похожие друг на друга. На главной площади кафедральный собор, здания муниципалитета и суда, армейские бараки.

Здесь 15 февраля 1819 года в десять часов утра в помещении муниципалитета открылся второй конгресс независимой Венесуэлы.

Выборы депутатов проходили в довольно сложной обстановке. За годы вооруженной борьбы были уничтожены почти все метрические записи. Депутаты выбирались по церковным приходам и в армии, от каждой провинции по пять человек.

Боливар надеялся, что на конгресс прибудут тридцать пять депутатов, однако приехали только двадцать шесть. Среди них были видные руководители освободительного движения: Мариньо, Урданета, Томас Монтилья, Россио…

Боливар, открывая конгресс, произнес перед депутатами большую речь:

— Я принадлежу к тем, к кому благоволит провидение, ибо объединил представителей народа в этом парламенте и возвращаю ему верховную власть, которой был наделен. Только крайняя необходимость заставила меня возложить на себя тяжелые и опасные обязанности диктатора. Теперь вновь я могу дышать свободно. Период, во время которого я руководил судьбами Венесуэлы, был полон не только политическими штормами и кровавыми сражениями. Он ознаменовался господством хаоса, дьявольским потоком захлестнувшего Венесуэлу. Что мог сделать человек, в частности такой, как я, для того чтобы остановить этот шквал? Я не мог творить ни добро, ни зло. Более могущественные силы направляли ход событий. Приписать эту заслугу мне — значит придавать мне значение, которого я не заслуживаю.

Боливар предупредил депутатов об опасностях

неограниченной власти, сконцентрированной в руках одного человека.

— Диктатор, — говорил он, — привыкает к власти, а народ привыкает к повиновению. Узурпация и тирания — вот результат диктатуры.

Тем не менее республике необходима сильная централизованная власть, чтобы не только организовать окончательный разгром Морильо, но и после освобождения страны от испанских колонизаторов повести ее по пути благоденствия и прогресса. Задача гигантская, учитывая трудности, стоящие на ее пути.

— Да будет мне позволено обратить внимание конгресса, — продолжал Боливар, — на одно обстоятельство, которое может иметь решающее значение. Мы должны помнить, что наш народ нельзя сравнивать с европейцами или североамериканцами. Наше население скорее смесь африканцев и американцев, чем выходцев из Европы, ибо даже сами испанцы по своему характеру, инстинктам и африканской крови, текущей в их жилах, вряд ли могут считаться европейцами. Невозможно с точностью определить, к какой человеческой семье мы принадлежим. Большинство индейского населения было перебито, европеец смешался с американцем и африканцем, а последний с индейцем и европейцем… Всем мы должны обеспечить политическое равенство, которое было только мечтой в Афинах, в революционной Франции и в Североамериканской республике.

Новый строй, утверждал Боливар, будет республиканским — он должен опираться на народный суверенитет; следует отделить законодательную власть от исполнительной, обеспечить гражданские свободы, запретить рабство, отменить сословные привилегии. Организуя наши политические институты, необходимо учитывать наши традиции, наши обычаи, наши условия. Вот чем мы должны руководствоваться, а не копировать порядки, господствующие в Соединенных Штатах.

Боливар предложил наделить президента неограниченными полномочиями, установить пожизненный сенат и создать наряду с властью исполнительной и законодательной так называемую «моральную власть» (нечто вроде контрольной палаты), которая наблюдала бы за воспитанием молодого поколения, боролась с разложением нравов, эгоизмом и безответственностью несознательных граждан.

Освободитель просил конгресс утвердить его декреты об отмене рабства и о наделе льянеро землей. Он говорил:

— Цепи рабства разбиты, и Венесуэла увидела себя окруженной новыми счастливыми сыновьями… Да, бывшие рабы

уже свободны; те, кто раньше был врагом своей матери-родины, стали ее защитниками. Излишне говорить о справедливости, необходимости и благотворности этой меры, если вы знаете историю илотов[19], Спартака и Гаити, если вы знаете, что нельзя быть свободным и рабом в одно и то же время, не нарушая естественных, политических и гражданских законов. Ваше суверенное право изменить или отменить любое из моих постановлений и декретов, но я молю вас подтвердить объявленную мной абсолютную свободу рабам, как если бы молил о своей собственной жизни или о жизни республики.

Высказываясь в пользу расового и национального равенства и требуя отмены рабства, Боливар выступал с более передовых позиций, чем самые прогрессивные тогдашние деятели США, в том числе Вашингтон и Джефферсон — защитники работорговли и рабовладения.

Призвав к объединению Новой Гранады и Венесуэлы в единое государство — Колумбию, Боливар так закончил свою речь:

— Нам не следует требовать невозможного. Если мы слишком высоко поднимемся в царство свободы, мы вновь попадем во власть тирании. Единство, единство, единство! — вот каким всегда должен быть наш девиз. Депутаты, я слагаю с себя обязанности президента, я закончил мою деятельность, теперь вы приступайте к своей.

На следующий день конгресс единогласно избрал Боливара президентом республики Венесуэлы и одобрил его предыдущую деятельность, в том числе декрет об освобождении рабов. Была принята унитарная система правления. Президентский срок устанавливался в четыре года. Вице-президентом был избран новогранадец Франсиско Антонио Сеа. Конгресс принял закон о суде и присяжных. Однако депутаты высказались против учреждения наследственного сената и «моральной власти». Наследственный сенат означал в их глазах создание новой аристократии, а «моральная власть» якобы слишком походила на инквизицию. Тем не менее решения конгресса удовлетворили Боливара. Теперь он не самозваный диктатор, а законный президент государства, глава правительства Венесуэлы. После февраля 1819 года Боливар мог уже не считаться с капризами своих соперников. «Конгресс в Ангостуре похоронил всех моих противников», — говорил Боливар.

Успешно было проведено и другое важное мероприятие, задуманное Боливаром, — мобилизация европейских добровольцев для борьбы с испанцами. Основной базой для набора добровольцев стала Англия, где действовал энергичный и предприимчивый агент Венесуэлы Лопес Мендес, которого

Боливар оставил в Лондоне в 1811 году.

В Англии остро чувствовался экономический кризис — результат многолетней войны с Францией. Толпы безработных бродили по городам и селам. Правительство сократило армию на 30 тысяч человек. Боливар предложил волонтерам следующие условия: 20 долларов при подписании контракта, рацион и жалованье английской армии, а после окончания войны премия в 500 долларов. По прибытии в Южную Америку волонтерам обещали оплатить стоимость дорожных расходов. Эти условия соблазнили многих оказавшихся не у дел английских военных. Лопес Мендес без труда завербовал нескольких бывших полковников, которые начали набирать волонтеров, заботясь, правда, в первую очередь о том, чтобы снабдить себя и своих подчиненных пышными мундирами, могущими соперничать по своему великолепию с мундирами королевской гвардии.

Намеревался приехать в Венесуэлу великий поэт Байрон, впоследствии отдавший свою жизнь в борьбе за независимость Греции.

На зов Боливара откликнулись не только англичане. Среди добровольцев находились представители почти всех национальностей Европы: ирландцы, немцы, шведы, итальянцы, поляки (в их числе племянник генерала Костюшко — борца за независимость Польши, участника войны Соединенных Штатов против англичан), французы (среди них сын соратника Наполеона Иоахима Мюрата и сын Жозефа Бонапарта, незадачливого короля Испании).

Были и русские: Иван Миллер, полковник Иван Минута, участники многих сражений.

В 70-е годы нашего века в Советском Союзе были обнаружены документы, проливающие свет на деятельность еще одного уроженца России — волонтера, служившего в войсках Симона Боливара инженера Михаила Роля-Скибицкого. Этот славный солдат свободы родился в 1793 году в селении Корчевка Староконстантиновского уезда Волынской губернии в небогатой помещичьей семье. Скибицкий в течение восьми месяцев пробирался через Швецию и Англию в Венесуэлу, куда прибыл в 1824 году. За участие в битве при Аякучо наш волонтер был удостоен награды «Бусто де Либертадор». Скибицкий дослужился в освободительных войсках до чина подполковника. В 1835 году он вернулся в Россию, где подвергался за свое участие в освободительной борьбе народов Латинской Америки гонениям. Сохранилось письмо от 21 января 1836 года А. Х. Бенкендорфа военному губернатору Киева А. Д. Гурьеву, в котором шеф жандармов сообщал, что «Его Величество высочайше повелевать

изволили возвратившегося из-за границы в Киевскую губернию помещика Михаила Скибицкого допросить, точно ли он служил в колумбийских республиканских войсках и в таком случае выслать его в Вятку».

Генерал Инглиш, один из сподвижников Веллингтона, организовал отряд в 1200 англичан; полковник Элсон собрал 500 человек; полковник Услар привез из Брюсселя 300 немцев; генерал д'Эверо организовал ирландский легион, в котором участвовал сын известного борца за свободу Ирландии О'Коннеля.

Первое знакомство с венесуэльской действительностью на многих волонтеров произвело гнетущее впечатление. Они мечтали о молочных реках с кисельными берегами, о золоте и жемчуге, которые надеялись найти в изобилии на улицах Ангостуры. Вместо этого нашли городишко о захудалыми постройками, окруженный непроходимыми тропическими лесами. Здесь малярия, оспа и желтая лихорадка щадили только индейцев и негров. Еды не хватало, и она была неудобоварима для европейских желудков: кукуруза, бананы и мясо без хлеба и соли.

Вскоре великолепные мундиры волонтеров превратились в лохмотья, обувь порвалась в клочья. Офицеры ходили босиком или в индейских сандалиях — альпаргатас. Капитан Томпсон, которому удалось каким-то чудом сохранить пару сапог, в конце концов почувствовал угрызения совести и бросил их в Ориноко. Полковник Рук пришел на обед к Боливару в сюртуке без рубашки и воротничка. Боливар приказал своему слуге дать ему одну из своих рубашек, но у него самого оказалось всего лишь две: одна на нем, а другая в стирке.

Голодные англичане, которым не платили жалованья, продавали льянеро свои мундиры и даже оружие. Пасо охотно скупал все это. Его охрана быстро нарядилась в яркие английские униформы, а генерал Манрике накупил столько мундиров, что каждый вечер надевал новый. Многие из волонтеров беспробудно пьянствовали. Некоторые требовали для себя особых привилегий, другие просто перебегали к врагу.

В районе Рио-Ача, расположенном на севере Венесуэлы, высадился Монтилья с группой ирландцев. Он надеялся освободить Санта-Марту и Маракайбо. Но не успели ирландцы ступить на американскую землю, как потребовали увеличить им жалованье или отправить их на Ямайку. Не имея возможности справиться с бунтовщиками, Монтилья принял решение покинуть Рио-Ача. Тем временем ирландцы перепились, подожгли город, захватили корабль и ушли на Ямайку.

Боливар писал Монтилье: «Все то, что вы мне говорили об

ирландском легионе, меня отнюдь не удивляет. От наемников, которым не платят, можно всего ожидать. Они как куртизанки: не отдают себя до тех пор, пока не получат денег».

Полковник Хиппсли, которого прикрепили в качестве военного советника к Паэсу, потребовал присвоить ему звание генерала. Когда ему отказали, он возвратился в Англию, где стал поносить Боливара. А прикомандированный к тому же Паэсу полковник Вильсон поступил еще хуже. Он стал подбивать Паэса взбунтоваться против Освободителя. Паэс сообщил об этом Боливару. Вильсона арестовали, но ему удалось бежать. Потом выяснилось, что Вильсон был заслан в ряды патриотов испанцами.

Со временем авантюристы, грабители и пьяницы отсеялись, слабые отпали сами собой, и остались те из волонтеров, кто действительно хотел честно служить интересам республики. Многие стали ближайшими помощниками Боливара и отдали свою жизнь за свободу. Полковник Рук погиб во время перехода Анд. Фергусон — адъютант Боливара — был убит заговорщиками. Секретарями Боливара служили ирландец О'Лири и француз Перу де ла Круа.

Наравне с английскими, немецкими и ирландскими частями Боливар создавал смешанные отряды, в которых европейские солдаты обучили военному искусству местных патриотов, а те учили своих наставников преодолевать трудности жизни в тропиках. Военный опыт, которым обладали многие добровольцы, их выдержка и решительность значительно увеличили боеспособность армии патриотов. Всего за время войны за независимость к Боливару в Венесуэлу прибыло около пяти тысяч волонтеров. Большинство из них пало в боях или умерло от тропических болезней, от истощения и ран.

Боливар впоследствии говорил, что подлинным освободителем Южной Америки был не он, а Лопес Мендес — представитель патриотов в Лондоне, обеспечивший вербовку волонтеров…

ВЕЛИКАЯ КОЛУМБИЯ

Для нас родиной является Америка.

Симон Боливар

В конце февраля 1819 года Боливар оставил Ангостуру и во главе иностранных волонтеров поспешил на соединение с Паэсом, против которого вновь вел бои Морильо, решивший во что бы то ни стало завладеть льяносами. Но и на этот раз испанский маршал не смог добиться успеха.

Результаты этой кампании Боливар так оценивал в одном из своих писем: «Наша защита оказалась роковой для Морильо, ибо он потерял почти половину своей армии в сражениях, маршах, контрмаршах и стычках».

14 мая Боливар получил сообщение, что генерал Сантандер изгнал испанцев из долины Касанаре. Эта местность расположена на востоке от Андского хребта и примыкает к льяносам. Когда Морильо захватил Новую Гранаду в 1816 году, многие патриоты бежали в район Касанаре и там продолжали сражаться против испанцев. По поручению Боливара возглавлял их генерал Сантандер.

Узнав о победе патриотов в Касанаре, Боливар стал готовить поход в Новую Гранаду. Изгнание испанцев из Новой Гранады открыло бы дорогу для освобождения Панамы и Венесуэлы, а также Эквадора и Перу, откуда было рукой подать до Чили и Аргентины. Но для этого патриотам необходимо было преодолеть грандиозные препятствия: совершить марш в 1200 километров через затопленные осенью льяносы, затем перейти Анды, достигающие здесь высоты в четыре тысячи метров, и после всех этих испытаний еще сразиться и победить испанскую армию в Новой Гранаде. Простой, смелый и отчаянный план, характерный для Боливара, этого гениального импровизатора, мечтавшего стать освободителем не только Венесуэлы, но и всей Южной Америки. Конечно, риск был большой. Для похода в Новую Гранаду следовало мобилизовать все силы патриотов.

Боливар договорился с Паэсом о совместных действиях. В задачу льянеро входило в определенный момент перерезать испанские коммуникации в районе Кукуты, ведущие в Новую Гранаду.

23 мая Боливар созвал военный совет в индейской хижине на берегу реки Апуре. Там не было ни стола, ни стульев. Офицеры

сидели на черепах убитых волов и лошадей, высушенных солнцем и вымытых проливными дождями. Ни одному из присутствующих не исполнилось еще и 40 лет. Боливару было тогда 36, его начальнику штаба Сублетте — 29, командующему пехотой Ансоатеги — 30, Паэсу и Сантандеру по 27 лет. Боливар изложил собравшимся в общих чертах свой план. Полковник Рук, командир английских волонтеров, первым высказался в его поддержку. Примеру Рука последовали другие офицеры. Все теперь зависело от того, как будет проведено в жизнь намеченное предприятие. Главным залогом успеха было строжайшее соблюдение тайны. Войнам не следовало знать, куда их ведут и что предстоит им свершить.

Как только идея похода была утверждена, Боливар начал действовать с присущей ему энергией. Сантандер получил приказ подготовить армию к вторжению в Новую Гранаду. Были собраны все лодки и другие виды водного транспорта, спешно готовились запасы военного снаряжения и провианта. Сантандер опасался, что армия, не сможет преодолеть горных вершин без кожаной обуви и шерстяных одеял, но никто не знал, где можно достать их.

Наконец в конце мая армия патриотов была готова к походу. Она состояла из солдат разных цветов кожи. Бывшие рабы-негры и дородные англичане, метисы и русские, креолы и итальянцы, льянеро и французы, индейцы и ирландцы — все они чувствовали себя равноправными борцами, готовыми на геройские подвиги и великие свершения во имя свободы. Многих сопровождали жены, служившие сестрами милосердия.

Стоял период дождей. Реки разлились в необозримые озера, кишевшие аллигаторами, электрическими угрями и прожорливой рыбешкой карибе, нападавшей стаями на людей и животных. Сухая земля превратилась в непроходимое болото. Непроходимое? «Но там, где проползает кобра, разве не могут пройти солдаты свободы?» — спрашивал Боливар.

Мириады москитов кружились над солдатами, атакуя их. Беспрерывно моросил дождь. Многие солдаты имели на себе только набедренные повязки. Одежда употреблялась на то, чтобы уберечь от сырости боеприпасы. «В течение семи дней, — рассказывает в своих воспоминаниях адъютант Боливара Флоренсио О'Лири, — мы шли по грудь в воде. Самым трудным был переход рек. Не хватало лодок. Снаряжение и оружие переправляли в больших кожаных мешках, в которых также перевозили солдат, не умевших плавать».

Большинство мулов и лошадей погибло в пути. Настали дни, когда солдатам нечего было есть. И все же бойцы

освободительной армии преодолели льяносы и подошли к предгорьям Анд.

«До сих пор мы проходили через дружественную территорию, — писал Боливар Паэсу в конце июня. — Когда мы пересекли большие реки, я надеялся, что наши беды позади, но ввиду новых и новых препятствий, которые ежедневно возникают на каждом шагу, я почти отчаиваюсь закончить этот поход. Только упорство, превышающее всякие границы, и желание выполнить принятое решение помогают мне преодолеть эти трудности».

В долине Касанаре Боливара ожидал Сантандер и его партизанские отряды. Пополненная ими армия патриотов насчитывала около 3400 бойцов. После непродолжительного отдыха начался штурм Анд, которые в это время года считаются непроходимыми.

Льянеро взирали с удивлением и страхом на величественные горные вершины. По мере подъема их беспокойство росло. Привыкшие к степям, к быстрым рекам, к диким скакунам, к единоборству с быком, крокодилом и ягуаром, льянеро становились в горах беспомощными и безвольными. Многие из них потеряли всякую надежду превозмочь столь огромные трудности и считали, что только безумцы могут надеяться достичь основной цели — перейти Анды да еще победить испанскую армию в Новой Гранаде.

Во многих местах путь преграждали горные обвалы и вырванные ветром деревья. С каждым шагом понижалась температура. Люди и лошади засыпали на ходу от усталости и падали. Дождь сменился снегом. Через четыре дня после начала подъема все повозки выбыли из строя, весь скот пал. Солдаты шли полуголые, страдая от дизентерии и холода, который по мере подъема все больше усиливался. На высоте в две тысячи метров людей начала косить горная болезнь — сороче, от нее теряют зрение и слух, сходят с ума.

Рассчитывая избежать встречи с испанскими отрядами, охранявшими наиболее проходимые перевалы, Боливар избрал самый недоступный из них — перевал Писбы. Даже в хорошую летнюю погоду мало кто отваживался пользоваться им. Вокруг стоял густой туман. Выбившись из сил, солдаты побросали все, за исключением оружия. Дул ледяной ветер. Ослабевших бойцов командиры ударами прикладов заставляли идти вперед. Располагай испанцы сотней солдат у перехода Писбы, они смогли бы предотвратить освобождение Новой Гранады.

Боливар ехал на муле в авангарде армии, постоянно ободрял окружающих шутками и рассказами о прошлых походах.

Генеральская форма на нем изорвалась. Освободитель убеждал солдат продолжить путь, уверяя, что близок конец испытаниям, но его слушатели уже не нуждались в утешениях. Ледяные громады высились позади них. Теперь не оставалось ничего другого, как идти вперед и победить испанцев или умереть. Испанские штыки не могли причинить им больших страданий, чем этот переход.

Через месяц после начала похода сильно поредевшая армия Боливара (из 3400 солдат, начавших подъем, 1500 погибли или отстали в пути) достигла глубокой ночью перевала Писбы и остановилась на ночлег. Нельзя было зажечь даже огня. Шел дождь, перемешанный с градом, ветер задувал костры. «В эту ночь, — рассказывает Флоренсио О'Лири, — я обратил внимание на группу солдат: оказалось, что жена одного из них рожала. Наутро я увидел ее с новорожденным на руках в походе вместе с батальоном. Ей предстояло пройти после родов две мили по самой трудной дороге мира».

На следующий день Боливар начал осторожно продвигаться дальше. Жители горных селений встречали патриотов с искренней радостью, делились с ними табаком, хлебом и чичей[20], помогали подбирать брошенное по дороге оружие. Солдаты, отставшие при переходе Писбы, нагоняли армию, которая постепенно приобретала боевой вид. Боливар посылал крестьян разносить весть о том, что Анды перешла большая армия патриотов.

— Говорите о нас так, как будто сам святой дух пришел освободить Новую Гранаду.

Первый бой с испанцами произошел в болотистой местности Пантано-де-Варгас. Патриоты, несмотря на усталость, дрались с огромным воодушевлением. Они знали, что поражение означает для них не только верную гибель — за их спиной был перевал Писбы, но и конец надеждам на освобождение Новой Гранады и их родной Венесуэлы. Особый героизм проявил льянеро полковник Рондон, сподвижник Паэса. Когда испанцы начали брать перевес и в рядах патриотов наступило замешательство, к нему обратился Боливар:

— Полковник Рондон, спасите отечество!

— Храбрецы, за мной! Да здравствует свобода! — С этим криком Рондон кинулся в атаку, увлекая за собой остальных.

Пуля сразила Рондона, но испанцы не выдержали натиска и отступили.

С не меньшим воодушевлением сражались и иностранные волонтеры. Англичанин Рук, командовавший ими, был тяжело ранен, ему на поле боя ампутировали руку. Схватив здоровой

рукой окровавленный обрубок и потрясая им, Рук призывал волонтеров драться за родную землю.

— За какую? — спросил его один ирландец.

— За ту, на которой я лежу, — прохрипел отважный англичанин.

Через час он умер и был похоронен на земле, которую так обильно полил своей кровью.

О результатах этого сражения командующий испанскими войсками генерал Баррейро сообщал вице-королю: «Разгром республиканцев представлялся неизбежным. Никто из них, казалось, не мог уйти от гибели, но отчаяние придало им безумную храбрость. Пехота и кавалерия поднялись из болота, куда мы их сбросили, и ринулись на штурм занятых нами высот. Наши солдаты не смогли устоять перед их натиском».

Боливар выиграл бой за Пантано-де-Варгас. Но это не была решающая победа. Испанцы отступили, сохраняя полный порядок. Они сосредоточили свои силы близ моста через реку Бояку, надеясь здесь преградить патриотам путь к столице Новой Гранады — Боготе. Пока Баррейро лихорадочно готовился к предстоящей встрече, Боливар обходным маневром взял горную крепость Тунху, где захватил большое количество провианта и боеприпасов. Силы его после победы у Пантано-де-Варгас росли. Со всех сторон стекались новогранадцы под знамена венесуэльских патриотов.

Не теряя времени, Боливар поспешил сразиться с Баррейро. 7 августа 1819 года произошла знаменитая битва у моста через реку Бояку. У испанцев было почти три тысячи солдат, у Боливара — немногим более двух с половиной тысяч. И те и другие сражались ожесточенно. «Дрались в полном молчании», — по словам одного из участников битвы. Все понимали, что именно здесь, у этого моста, решается судьба Новой Гранады. Но вот ряды испанцев дрогнули. Враг начал отступать. Боливар приказал: «Добить годов!»

Сделав еще одно усилие, патриоты окружили испанцев. Бегством спаслись только 50 солдат. 1600 человек попали в плен, остальные погибли в бою. Патриоты потеряли только 13 человек убитыми. Рядовой солдат метис Педро Мартинес взял в плен прославленного испанского генерала Баррейро. Среди пленных оказался офицер Винони, который в 1812 году предал Боливара в Пуэрто-Кабельо. Боливар приказал его повесить.

Узнав о поражении испанских войск, вице-король Самано переоделся крестьянином и бежал из Боготы. Его примеру последовали и другие представители испанских властей.

От реки Бояки до столицы Новой Гранады солдаты Боливара

прошли по дороге, усеянной цветами. Впереди шли английские волонтеры, босые, оборванные, заросшие щетиной. Это были настоящие привидения, свидетельствует очевидец, но эти привидения были людьми, сильными телом и духом, ибо те, кто был слабее, навсегда остались в горных снегах, гам, где сердце разрывается от недостатка кислорода.

Ожесточение патриотов против испанцев, подвергавших население Новой Гранады всяческим унижениям и издевательствам, было столь велико, что генерал Сантандер приказал расстрелять Баррейро и тридцать семь испанских офицеров на том самом месте, где вице-король Самано казнил Салавариету и ее друзей. Когда Боливар указал Сантандеру на нецелесообразность подобных эксцессов, Сантапдер ответил:

— Испанцы расправляются с нами, когда мы попадаем к ним в плен, почему же мы обязаны церемониться с ними?

10 августа Боливар прибыл в Боготу. Толпы народа приветствовали его. На главной площади города победителя ожидали старые друзья и знакомые. Один из них произнес цветистую речь в честь Боливара, который ответил: «Великий и благородный оратор! Я не являюсь тем героем, о котором вы говорили. Следуйте его примеру, и я буду преклоняться перед вами».

Семьдесят пять дней понадобилось Боливару для освобождения Новой Гранады. Переход Анд иногда сравнивают с переходом Альп Ганнибалом. Но Ганнибал командовал хорошо оснащенной армией. В 1817 году Сан-Мартин перешел Анды на юге, но он готовился к этому два года. У Боливара же все было импровизацией.

Узнав о поражении испанцев в Новой Гранаде, Морильо сообщил в Мадрид: «Бунтовщик Боливар занял Боготу — этот роковой успех повергнул к его стопам целое королевство, огромные ресурсы густонаселенной и богатой страны, откуда он будет черпать все, что ему необходимо для продолжения войны в этих областях. Повстанцы и особенно их вождь не довольствуются пустыми угрозами или праздным краснобайством. Боливара поддерживают местные жители, он никому не подотчетен. Его армия растет за счет наших дезертиров, недовольных и людей различных классов и положений, которые присоединяются к ней в походе. В распоряжении повстанцев, кроме королевства Новой Гранады, оказалось много портов в южных морях, которые будут использованы их пиратами. Попаян, Кито, Пасто и все внутренние области этого континента вплоть до Перу находятся во власти того, кто господствует в Боготе. В руках повстанцев монетный двор, арсеналы, оружейные фабрики, мастерские и все то, чем

владел наш король в этом вице-королевстве. В один день Боливар разрушил плоды пятилетней кампании испанцев и одной победой возвратил себе все то, что армия короля отвоевала в многочисленных сражениях».

Боливар доказывал своим сторонникам, что победа при Бояке лишь начало длительной войны, что свобода Новой Гранады будет оставаться под угрозой, пока враг удерживает свои позиции в Венесуэле, Эквадоре, Перу.

В Боготе была проведена мобилизация в республиканскую армию. Жалованье служащих снизили наполовину. Владения испанцев, поддерживавших колонизаторов, а также американцев, бежавших при приближении республиканских войск, подверглись конфискации. Освободитель потребовал от духовенства передавать десятину в государственную казну, а также дал понять, что он ожидает от священников добровольных пожертвований. Боливар отказался платить долги испанцев. «Это учреждение новой республики, а не продолжение старых порядков», — говорил он тем, кто предъявлял такие претензии. Был дан строжайший приказ наказывать мародеров. Для борьбы с заговорщиками правительство учредило революционные трибуналы.

Боливар объявил об освобождении рабов в Новой Гранаде и призвал их в армию. «Разве это справедливо, — писал он Сантандеру, — что свободные люди должны умирать за освобождение рабов, разве не было бы более справедливым, чтобы рабы сами боролись за свои права на полях сражений?» Республиканское правительство обязалось воспитать сирот погибших на войне воинов и оказывать помощь родственникам тех, кто отдал свою жизнь за дело республики.

Боливар учредил пост вице-президента Новой Гранады и назначил на него генерала Франсиско де Пауля Сантандера.

18 сентября в Боготе была отпразднована победа, одержанная патриотами при Бояке. В городе воздвигнули триумфальные арки в римском стиле. Подоконники и балконы украсили знаменами и коврами. Торжественным маршем прошла по главным улицам, усыпанным цветами, армия патриотов. Шесть статуй, представлявших добродетели республики, возвышались на главной площади, где Боливар и республиканские генералы принимали парад. Двадцать девушек, одетых в белое, исполнили гимн в честь Боливара, и одна из них вручила ему лавровый венок, который он сначала возложил на голову Сантандера, а затем передал солдатам, выстроившимся на площади.

Обращаясь к войскам, Боливар сказал:

— От океана, в который впадает Ориноко, до Анд, где таятся

истоки Магдалены, вы освободили четырнадцать провинций от легионов тиранов и злодеев, прибывших из Европы и захвативших Америку. Эти легионы разбиты вашим оружием, они следуют за колесницей ваших побед. Солдаты, вас было всего лишь двести человек, когда вы начали этот поразительный поход. Теперь вас многие тысячи, и вся Америка слишком мала, чтобы вместить вашу храбрость. От севера до юга на этом континенте вы сеете свободу. Вскоре столица Венесуэлы встретит вас в третий раз, и ее тиран не посмеет сразиться с вами. Перу увидит знамена Венесуэлы, Гранады, Аргентины и Чили, и население Лимы встретит с восторгом освободителей Америки, которыми по праву может гордиться весь современный мир.

***

Между тем в Ангостуре, куда сведения из Боготы поступали с двухмесячным опозданием, ходили самые невероятные слухи о судьбе экспедиции Боливара. Утверждали, что Освободитель потерпел поражение и был взят в плен. Мариньо и его друзья обвиняли Боливара в дезертирстве. Он не имел права покидать территорию Венесуэлы без разрешения конгресса. Этот фантазер оставил Гвиану беззащитной, и теперь испанцы смогут без труда захватить Ангостуру.

В сентябре конгресс, члены которого находились в полном неведении относительно судьбы экспедиции Боливара, под влиянием его недругов сместил Сеа и избрал вице-президентом Арисменди, а он, в свою очередь, назначил главнокомандующим Мариньо. Когда весть об этом достигла Боготы, Боливар покинул столицу Новой Гранады и возвратился в Ангостуру, куда прибыл в начале декабря 1819 года. Как это неоднократно случалось в прошлом, так и на этот раз с появлением Боливара его недоброжелатели поспешили принести повинную.

В Ангостуре Боливар доложил конгрессу о результатах похода и предложил учредить Республику Колумбию в составе Эквадора, Новой Гранады и Венесуэлы. Конгресс принял это предложение. Проект Миранды о создании Великой Колумбии, таким образом, был воплощен в жизнь благодаря упорству и железной воле Боливара. Депутаты одобрили временную конституцию республики. Постановили созвать к 1 января 1821 года в городе Кукуте — на границе Венесуэлы и Новой Гранады — новый конгресс, который определил бы форму правления нового государства и принял решение о его постоянной конституции.

Покончив с законодательными делами, Боливар стал

планировать новую кампанию против войск Морильо. Со стороны Новой Гранады на испанского маршала должен был наступать Урданета, из льяносов — объединенные силы Паэса и Мариньо, от острова Маргарита — корабли и войска под командованием Монтильи, которым надлежало освободить порты, занятые испанцами. Следовало спешить с наступлением, ибо, по полученным патриотами сведениям, Фердинанд VII готовил в Кадисе новую мощную карательную экспедицию для усмирения восставших колоний. Она должна была состоять из 20 тысяч пехотинцев, 3 тысяч всадников, 100 орудий. Если бы Фердинанду VII удалось осуществить свои планы, то война за независимость затянулась бы еще на многие годы.

— Мы должны нанести поражение Морильо до того, как он получит подкрепления из Испании, иначе всем нам несдобровать, — объяснял Боливар своим генералам, которые на этот раз с готовностью спешили выполнять его приказы.

Но не успели патриоты начать новую кампанию, как Боливар получил от Морильо письмо, в котором изъявлялось пожелание испанского правительства заключить мир. Оказывается, 1 января 1820 года в Кадисе восстал под руководством офицеров-демократов Риего и Кироги экспедиционный корпус, к восставшим присоединился народ. Простые люди Испании не желали больше участвовать в колониальной войне, ведь она велась в интересах аристократов и богатых купцов.

Восставшие заставили Фердинанда VII вновь узаконить демократическую конституцию 1812 года. К власти пришли либералы, они надеялись за счет сговора с креольской верхушкой добиться мира в колониях. Новое правительство предписало Морильо начать немедленно мирные переговоры с Боливаром.

Морильо, получив эти инструкции, воскликнул:

— В Мадриде сошли с ума! Все потеряно! Я подчиняюсь, но с этого момента мы должны оставить всякую надежду удержать под властью Испании американские земли.

Зато вожди патриотов с ликованием встретили известия о событиях в Кадисе.

— Это решает нашу судьбу, — сказал Боливар. — Теперь мы можем быть уверены, что из Испании больше не поступит подкреплений в Америку, а уж с Морильо мы как-нибудь справимся.

Освободитель никогда не сомневался, что испанский народ в конце концов окажет поддержку патриотам. Он неоднократно предупреждал своих соратников:

— Не смешивайте испанское правительство с испанским народом. Мы воюем против первого, а не против второго.

На каких же условиях Морильо предлагал мир патриотам? Признание конституции 1812 года, увеличение числа представителей колоний в испанском парламенте (кортесах), обеспечение за креольской верхушкой особых прав и привилегий.

Боливар передал Морильо, что мир может быть установлен только в том случае, если Испания признает независимость Великой Колумбии.

В течение нескольких месяцев обе стороны обменивались посланиями, пытаясь перехитрить друг друга. Морильо делал все возможное, чтобы завоевать расположение Боливара и других руководителей патриотического лагеря. Он обещал признание их военных чинов и всяческие награды, если они перейдут на сторону Испании. Освободитель, со своей стороны, предлагал испанским офицерам деньги и повышение в чинах за переход на сторону патриотов.

Обе стороны желали если не мира, то перемирия. Морильо хотел выиграть время, все еще надеясь получить помощь из Мадрида. Боливар желал передышки, чтобы накопить достаточно сил для последней, решительной схватки с противником.

Пока шли переговоры, патриоты продолжали довольно успешно вести бои с испанцами, Морильо был вынужден оставить города Мериду, Трухильо и Санта-Марту. Наконец оба лагеря согласились заключить перемирие на шесть месяцев. По предложению Боливара был подписан документ об упорядочении ведения войны, обязывающий стороны не применять репрессий по отношению к мирному населению. Договорились об обмене пленными, о захоронении убитых солдат. 27 ноября 1820 года Боливар ратифицировал документы в том же самом городе Трухильо и в том же самом доме, где ровно семь лет тому назад подписал декрет о «Войне насмерть».

После заключения перемирия Морильо предложил Боливару встретиться с ним. Боливар согласился. В конце ноября Морильо, одетый в парадный мундир, усеянный орденами и медалями, под охраной эскадрона гусар и пятидесяти офицеров своего штаба приблизился к городу Санта-Ане. Его встретил Боливар в сопровождении только десяти офицеров. Освободитель был одет в походную военную форму, без орденов и каких-либо других отличий.

— Как! — воскликнул Морильо. — Этот человечек в синем мундире, в деревенском сомбреро, восседающий на муле, — Боливар?!

Но для удивления не было времени. Человечек спрыгнул с мула. Морильо последовал его примеру, и они обнялись, как того требовал старый кастильский обычай. Испанец скромного

происхождения, дослужившийся до маршала, получивший за свои заслуги от короля титулы графа и маршала, был защитником дворян, богачей и монархического строя. Боливар, благородный креол и богач по рождению, отказавшийся от своих привилегий, сражался за независимость своей родины. И тот и другой считали, что выполняют свой долг.

В Санта-Ане их ждал торжественный обед, за столом оба военачальника обменивались комплиментами, восхваляя храбрость и благородство своих солдат.

Боливар произнес тост.

— Я пью за героизм бойцов обеих армий, за их преданность, самопожертвование, отвагу, которым нет равных! За благородных людей, которые защищают свободу, несмотря на все испытания, и за тех, кто покрыл себя славой, отдав жизнь за свою страну и правительство, за раненых обеих армий, которые доказали свое бесстрашие, свой характер! Вечный позор тем, кто проявлял кровожадность и несправедливо проливал кровь.

Во время свидания в Санта-Ане Морильо всеми доступными ему средствами пытался убедить Боливара, что только союз с Испанией может спасти креолов от истребления их рабами, мулатами и индейцами. Боливар, в свою очередь, заверял Морильо в своем «безграничном восхищении Испанией, желании жить с ней в мире и согласии, но при условии признания Мадридом полной независимости колоний».

Расставшись с Боливаром, Морильо послал ему письмо, предлагая выстроить на месте их встречи памятник в честь «вечной дружбы испанского и колумбийского народов». Боливар ответил: «Такой монумент должен быть высечен из бриллиантов и украшен гиацинтами и рубинами, но он уже выстроен в наших сердцах». Письмо заканчивалось традиционной для испанских кабальеро фразой: «Целую ваши руки». Прочтя это послание, Морильо заметил: «У автора данного послания полностью отсутствует искренность».

И все же испанский полководец невольно проникся глубоким уважением к своему противнику. Докладывая в Мадрид о встрече в Санта-Ане, он писал о Боливаре: «Ничто не сравнимо с неустанной деятельностью этого вождя. Смелость и талант — вот те титулы, которые позволяют ему возглавить революцию и командовать ее войсками. Верно также и то, что унаследованные им от его испанских предков черты и особенности делан» его на голову выше окружающих. Боливар — это революция».

Морильо понимал, что подлинный мир возможен только на основе признания независимости колоний. Он сообщал в Мадрид, что «война против испанского правительства имеет целью не

улучшение колониальной системы, не применение господствующих ныне в Испании либеральных принципов, а освобождение и полную независимость».

Две недели спустя после заключения перемирия испанское правительство отозвало Морильо, и он навсегда покинул Венесуэлу. Неудачливый маршал возвратился в Испанию, где женился на богатой вдове и занялся писанием мемуаров. Не окажись в его жизни такого противника, как Боливар, история о нем давно бы забыла.

Патриоты не были единодушны в оценке перемирия. Многие считали его вредным, ненужным, особенно осуждали встречу Боливара с Морильо. Но не ошибались ли они?

Впоследствии Боливар говорил своему адъютанту полковнику Перу де ла Круа:

— Никогда в прошлом я не прибегал к стольким хитростям, к стольким дипломатическим уловкам, как во время этой важной встречи. Перемирие с испанцами, заключенное на шесть месяцев (некоторые наши генералы считали его излишним), было для меня только поводом показать миру, что Колумбия ведет переговоры с Испанией на равной основе. Оно мне помогло положить конец истреблению испанцами гражданского населения. Но можно сказать еще больше. Перемирие вынудило Морильо возвратиться в Испанию и оставить командование генералу ла Торре, менее способному и активному солдату, чем граф Картахены. Пусть глупцы — мои враги — болтают что им вздумается об этих переговорах. Результаты говорят в мою пользу. Никогда дипломатическая комедия не была лучше разыграна, чем в тот день и в ту ночь в Санта-Ане.

Переговоры о перемирии и само перемирие вызвали серьезное замешательство среди испанцев и их местных союзников, многие из них стали переходить на сторону патриотов. Оставил испанцев Рейес Варгас, индеец, возведенный ими в чин полковника. В 1812 году он помог Монтеверде одержать победу над Мирандой.

Впервые за десять лет пушки молчали в Колумбии. В январе 1821 года Боливар приехал в Боготу, где стал лихорадочно готовить силы республики к решительной схватке с генералом Мигелем де ла Торре.

Генерал был женат на дальней родственнице Боливара. Он давно уже не верил в победу испанского оружия, но как истинный кастильский идальго готов был драться до последней капли крови за своего короля. Узнав об отъезде Морильо и о назначении Мигеля де ла Торре командующим, Боливар обратился к нему с посланием: «Приветствую Вас, мой дорогой генерал! Я рад, что

именно Вы являетесь командующим моих врагов, ибо никто не сумеет с таким умением принести нам наименьший вред и наибольшую пользу. Вы должны залечить раны Вашей новой родины. Вы, пришедший бороться с нею, должны оказывать ей покровительство. Вы, который всегда были благородным врагом, будете тем более благородным другом».

За месяц до окончания перемирия восстало население Маракайбо, находившегося с 1810 года под властью испанцев. На помощь восставшим поспешил Урданета. Мигель де ла Торре запротестовал, утверждая, что Урданета нарушил условия перемирия, Боливар ему ответил: «Не станете же Вы ожидать, Ваше превосходительство, что мы будем всю жизнь пребывать в бездействии, опираясь на наши ружья».

В марте Боливар потребовал от Мигеля де ла Торре сообщить, готовы ли испанцы подписать мир на ранее предложенных патриотами условиях, то есть признать независимость Колумбии, угрожая в противном случае возобновить военные действия: «Это будет священная война. Мы воюем, чтобы обезоружить врага, а не истребить его. Даже враги являются для нас колумбийцами, если они пожелают стать таковыми». На этот раз у патриотов было 6500 бойцов. Впервые они численно превосходили испанцев, у которых оставалось только 5 тысяч солдат.

В мае 1821 года патриоты перешли в наступление, а 24 июня в долине Карабобо, близ Каракаса, произошло решающее для судеб Венесуэлы сражение с испанской армией под командованием Мигеля де ла Торре. У патриотов была закаленная в боях армия. Об этом говорили названия частей: «Храбрецы из Апуре», «Бессмертный гарнизон», «Победители Бояки». Патриоты сражались не только геройски, но и с большим искусством. Боливар умело использовал конницу Паэса и отряды иностранных волонтеров. Главный удар испанцев приняла на себя британская дивизия. Когда атаки противника были отбиты, в бой ринулись льянеро Паэса. Их копья опрокинули выдохшихся испанцев. Уцелел только небольшой отряд в 400 человек, успевший вовремя отступить и скрыться в крепости Пуэрто-Кабелью. За проявленное в битве у Карабобо мужество Паэс получил звание генерала.

В этом сражении погиб Первый негр республики — Педро Камехо. Медленно ехал Камехо на боевом коне вдоль линии фронта в поисках своего начальника Паэса.

— Что ты здесь прогуливаешься? — спросил его Паэс, когда Камехо разыскал его.

— Мой генерал, я пришел проститься с вами. Я убит.

Сказав это, Камехо вместе с конем, который тоже был

смертельно ранен, рухнул на землю.

Конгресс Колумбии решил воздвигнуть в долине Карабобо античную колонну с надписью: «Здесь 24 июня одиннадцатого года Симон Боливар Победитель обеспечил существование Колумбийской республики». На той же колонне были высечены имена героев, отличившихся в сражении. Всем его участникам была вручена нашивка «Победитель Карабобо».

28 июня Боливар после семилетнего отсутствия вновь вошел во главе своих солдат в освобожденный Каракас. Но от прежнего цветущего города мало что осталось. Испанцы и не думали восстанавливать Каракас после землетрясения и многочисленных разрушений, которым столица Венесуэлы неоднократно подвергалась в течение войны. На всем лежала печать запустения.

Боливар навестил Сан-Матео. Дом, где он провел детство, лежал в руинах.

Да, тяжелое наследие оставила война в Венесуэле… Но, по-видимому, так уж устроены люди, что счастье им не дается без борьбы и без жертв.

Впрочем, счастье-то еще за горами. В Эквадоре и Перу у испанцев десятки тысяч солдат. Они могут вторгнуться в Колумбию и вновь залить ее кровью. Им необходимо преградить путь, их следует разгромить, уничтожить, стереть с лица земли, только тогда Боливар и его сторонники сочтут свою миссию законченной.

ПРЕКРАСНАЯ МАНУЭЛА

Я не знаю, как разрубить этот узел чистой любви и греховной страсти, который сам Александр Македонский только еще крепче завязал бы своим мечом…

Симон Боливар

В начале 1821 года правительство Колумбии переехало в город Кукуту, расположенный на границе между новой Гранадой и Венесуэлой. По решению конгресса в Ангостуре он был объявлен столицей республики. 6 мая в Кукуте открылся конгресс, призванный дать новому государству постоянную конституцию.

Боливар обратился к депутатам с посланием, в котором вновь просил освободить его от поста президента. «Моя профессия солдата, — писал он, — несовместима с гражданской должностью президента. Я не желаю, чтобы мои враги продолжали называть меня тираном. Если конгресс будет настаивать на назначении меня президентом, я заранее отказываюсь от славного звания гражданина Колумбии и покину землю моей родины».

Конгресс воззвал к патриотизму Боливара, но он вновь и вновь повторял, что не желает власти. Настаивая на своей отставке, Боливар как бы говорил депутатам: «Я не диктатор, я только военный руководитель, но если вы, представители народа, доверяете мне власть, настаиваете и требуете, чтобы я ее принял, я готов вопреки своим желаниям, но в угоду вам пожертвовать собой и подчиниться вашей воле. В таком случае не мешайте и не препятствуйте мне довести войну до победного конца».

Только после настоятельных обращений конгресса Боливар согласился вновь занять пост президента Колумбии.

Новая конституция, одобренная конгрессом 20 августа 1821 года, устанавливала унитарную форму правления во главе с президентом, избираемым сроком на четыре года. Конституция запрещала президенту, являвшемуся одновременно главнокомандующим, во время руководства военными действиями осуществлять функции главы гражданской власти, что значительно ограничивало поле деятельности Боливара. Законодательная власть принадлежала палате и сенату. Их члены назначались избирательными коллегиями. Для кандидатов на выборные должности устанавливался имущественный ценз.

Конгресс постановил, что конституция будет действовать без изменений десять лет.

Вице-президентом республики был избран генерал Сантандер. К нему, когда Боливар брал на себя руководство военными операциями, переходила гражданская власть президента. Конгресс наделил Боливара диктаторскими полномочиями в районах ведения войны. Столицей республики становилась Богота.

Конгресс в Кукуте, состоявший в основном из представителей креольской верхушки, не подтвердил декрета Боливара об освобождении рабов. Он провозгласил только так называемую «свободу чрева». Это означало, что дети рабов рождались свободными. Их содержание до восемнадцатилетнего возраста возлагалось на рабовладельцев, а за это «свободные» дети должны были работать на своих «благодетелей». Устанавливался также фонд для выкупа рабов. Практического значения эти решения в условиях продолжавшейся войны с Испанией не имели — рабы добивались свободы, вступая в ряды республиканской армии.

Конституция Кукуты, как ее стали называть, явилась компромиссом между различными группировками патриотов — централистами и федералистами, консерваторами и демократами, сторонниками неограниченной президентской власти и теми, кто отстаивал преобладание законодательной власти над исполнительной. Она во многом напоминала конституцию США, хотя условия Колумбии отличались от северной республики. Конституция мало кого удовлетворила. Венесуэльцы, панамцы, эквадорцы были недовольны тем, что она слишком урезывала права областей.

Боливар отрицательно относился к конституции Кукуты. Услышав колокольный звон в ее честь, он сказал: «Это похоронный звон Колумбии». Законодатели, писал Боливар в письме одному из своих друзей, по-видимому, забыли, что в Колумбии, кроме овечек, еще обитают дикие индейцы в районе Ориноко, льянеро — на Апуре, моряки — в Маракайбо, фанатичные приверженцы испанского короля в Пасто и Патии, в разных местностях действуют никому не подчиненные и никого не признающие партизанские отряды. С конституцией Кукуты управлять ими будет не так-то просто.

Тем не менее Боливар публично выразил свое одобрение конституции и присягнул ей перед конгрессом. В своей речи по этому поводу он еще раз напомнил, что считает себя неподходящим для должности президента:

— Я сын войны, человек, которого сражения выдвинули, а удача и победы удерживали на этом посту… Сабля, управлявшая

Колумбией, — бич злого гения, который временами небо посылает на землю в наказание тиранам и в назидание народам. Эта сабля станет бесполезной в день мира, который должен стать последним днем моей власти. Я поклялся в этом. Разве я не говорил колумбийцам, что республика не может существовать там, где народ не пользуется своими правами? Человек, подобный мне, опасен для народовластия, он является непосредственной угрозой национальному суверенитету. Я хочу быть честным гражданином, чтобы быть свободным. Желаю, чтобы все были свободными. Для меня дороже звание гражданина, чем Освободителя: первое идет от закона, а второе — от войны…

И здесь, как во многих других речах Боливара, под текст гласил: «Я необходимое зло на период войны, но знайте, что с наступлением мира вы избавитесь от меня, вам не нужно меня бояться, после разгрома испанцев я сам уйду, плоды победы достанутся вам».

При оценке политических актов Боливара и других патриотов следует учитывать, что демократическая система правления, которую они пытались создать, делала только первые шаги в бывших испанских колониях Америки. Образцы, которым могли подражать патриоты, были далеко не идеальными: английский парламент, французский конвент, североамериканский конгресс, кадисские кортесы. И все же Боливар считал, что эта система отвечает интересам народа. Между тем опыт других стран показывал, что и при ней сильные личности, в особенности в условиях войны, могли сконцентрировать в своих руках огромную власть и использовать ее против тех же демократических институтов. Вот почему депутаты конгресса, перед которыми Боливар отчитывался, опасались, что он может превратиться в латиноамериканского Бонапарта, а он заверял их, что власть для него всего лишь тяжелая обуза, от которой он избавится при первой же возможности. Таковы были правила игры, которым следовали обе стороны.

После Карабобо Венесуэла была разделена на три военных округа, во главе которых были поставлены Паэс, Мариньо и Бермудес.

Теперь родина могла по заслугам наградить своих бойцов. Денежные награды получили только генералы и офицеры. Паэс — 120 тысяч песо, Мариньо — 84 тысячи, столько же Бермудес, другие офицеры — суммы поменьше. Генералы стали покупать поместья, плантации, их по-прежнему обрабатывали негры-рабы или бедняки льянеро. Солдаты же продолжали жить надеждой на лучшее будущее. Сертификаты на землю, полученные ими от правительства, давно перекочевали в руки спекулянтов, в числе

которых оказалось немало генералов и их родственников.

Тем временем война с испанцами продолжалась. Была освобождена крепость Картахена. В этой операции отличились республиканские военные корабли под командованием новогранадского негра Падильи.

Несколько дней спустя Бермудес освободил Куману.

Испанскому гарнизону, который сдался на милость победителя, было разрешено эвакуироваться на остров Пуэрто-Рико, где власть продолжали сохранять колонизаторы.

На территории Венесуэлы в руках врага оставалось только Пуэрто-Кабельо, там находился четырехтысячный гарнизон под командованием ла Торре и его помощника — Моралеса. В 1822 году испанцам удалось предпринять вылазку из Пуэрто-Кабельо, захватить Маракайбо и вновь вторгнуться в провинции Санта-Марту и Коро. Это были последние судороги годов в Венесуэле. Вскоре флотилия Падильи разгромила военные корабли противника в заливе Маракайбо, и вражеские войска в этом районе сдались патриотам. Панама и Верагуас — провинции на перешейке — тоже присоединились к республике. Наконец в ночь с 7 на 8 ноября 1823 года Паэс взял приступом Пуэрто-Кабельо, последний оплот испанцев на Береге Твердой Земли. Венесуэла навсегда стала свободной…

***

Пришло время изгнать испанцев из Эквадора, входившего составной частью в Республику Колумбию.

Эквадор — живописная страна, расположенная в сердце тропиков. Она разделена как бы на две части: береговую с главным городом-портом Гуаякилем и горную — со столицей Кито. Большинство эквадорцев — индейцы.

В Кито, как и в Каракасе, часты землетрясения. Здесь проходит цепь вулканов; самые беспокойные из них — Чимборасо и Пичинча. Эквадор имеет славную историю. Его территория некогда была частью инкского государства. Новые республики в Южной Америке возникали в границах испанских административных делений: вице-королевств, губернаторств, генерал-капитанств. С Эквадором в этом отношении не все было ясно, ибо он в колониальный период входил то в вице-королевство Неру, то в вице-королевство Новой Гранады, что давало право и Перу и Колумбии претендовать на его территорию.

В Кито и Гуаякиле, как и в других городах Южной Америки,

имелись просвещенные креолы, мечтавшие о независимости, читавшие энциклопедистов и памфлеты о французской революции. В Кито родился и жил врач Эухенио Эспехо (1769–1795), один из первых свободомыслящих людей в Южной Америке.

10 августа 1809 года восстало население Кито. Креолы создали патриотическую хунту. Несколько месяцев спустя испанцы вернули себе власть. Участники хунты были арестованы и брошены в тюрьму. В 1811 году эквадорцы провозгласили независимость, но испанцам удалось и на этот раз взять верх. В 1820 году после освобождения Новой Гранады в Гуаякиле вспыхнуло третье антииспанское восстание. Ему на помощь Боливар послал генерала Хосе Антонио де Сукре. Военный талант Сукре помог гуаякильцам приостановить наступавшие из Кито испанские войска.

Венесуэлец Сукре слыл самым талантливым генералом колумбийской армии. Его предки прибыли в Венесуэлу из Фландрии, принадлежавшей некогда Испании. В 1810 году, будучи шестнадцатилетним юношей, Сукре вступил в республиканскую армию, сражался под начальством Миранды.

После гибели Первой республики Сукре бежал на остров Тринидад, откуда возвратился на континент вместе с Мариньо. Два года спустя он участвовал в защите Картахены, покинув ее одним из последних. Его корабль потерпел крушение. Целые сутки Сукре, ухватившись за бревно, держался на волнах, пока его не подобрали рыбаки. Молодой генерал отличился в партизанской войне в льяносах, в кампании, завершившейся освобождением Венесуэлы.

Небольшого роста, худощавый, черноволосый, кареглазый, всегда вежливый, сдержанный, искренне преданный Боливару, он военными знаниями превосходил Паэса, Мариньо и Бермудеса.

Сукре был назначен командующим колумбийскими войсками в Эквадоре. У него было вдвое меньше солдат, чем у испанцев. Но, получив из Перу от Сан-Мартина подкрепление — дивизию под командованием генерала Санта-Крус, Сукре предпринял из Гуаякиля поход на Кито, расположенный, как и Богота, на высоте 2600 метров над уровнем моря. После ряда кровопролитных сражений испанцам удалось задержать продвижение колумбийцев. Боливар сперва рассчитывал перебросить часть своих войск морским путем в Гуаякиль на помощь Сукре, но это оказалось невозможным, так как испанские военные корабли курсировали вдоль побережья Эквадора. Тогда Боливар решил предпринять наступление из Боготы на Кито по суше. Для этого следовало пройти несколько сот километров по малообжитой

гористой местности с тяжелым тропическим климатом. К тому же предстояло пересечь новогранадские провинции Пасто и Патию, население которых под влиянием католических священников — врагов республики — оказывало упорное сопротивление войскам патриотов.

Освободитель обещал мятежникам амнистию, различные привилегии и другие блага. Напрасно! Жители этих районов от мала до велика сражались против патриотов, изматывая их небольшую армию. Это была подлинная колумбийская Вандея, которую следовало усмирить для того, чтобы пройти в Эквадор.

Боливар пытался убедить епископа Попаяна — ярого фанатика, бежавшего в Пасто, перейти на сторону республики. Освободитель напомнил епископу, что в Испании победили «враги» церкви, намекая на приход к власти в 1820 году либералов. «Все изменилось, — писал он, — и все должны измениться». Епископ не поддался на уловку. Каракасец попросил Сантандера изготовить документы и газеты, из которых следовало бы, что Испания признала независимость Колумбии. Он надеялся тем самым убедить коменданта Пасто сдаться, но тот, ознакомившись с ними, ответил: «Не все золото, что блестит!» Защитой Пасто руководил Басилио Гарсия, в прошлом раб на галерах. Он в течение двадцати лет сражался против патриотов.

Ценой немалых жертв и усилий Боливару удалось наконец одолеть врага. Колумбийские войска, постоянно пополняемые резервами, большинство которых составляли бывшие рабы, пробились к Пасто, где 5 апреля 1822 года у Бомбона завязался бой с отрядами Гарсия, подкрепленными испанскими частями.

— Как смело идут люди в бой! — сказал Боливар, наблюдая за сражением.

— Но они не возвращаются, — заметил один из офицеров.

Боливар потерял треть своих солдат в этой битве, значительно больше, чем Гарсия.

Наступление Боливара на Пасто заставило испанцев отвлечь часть своих сил с гуаякильского фронта. Этим воспользовался Сукре. Его войска 24 мая перешли в наступление и нанесли поражение испанцам у вулкана Пичинчи, неподалеку от Кито. Патриоты пленили свыше тысячи испанских солдат и офицеров, в их числе испанского командующего генерала Аймерича, взяли много военных трофеев, а главное, освободили Кито.

Узнав о победе Сукре при Пичинче, Гарсия 28 мая сдал Пасто Боливару. Так закончилась эквадорская кампания, завершившая освобождение этой страны от испанского господства.

Фанатики Пасто еще не раз брались за оружие. Некоторое

время спустя их поднял на борьбу против республики очутившийся там племянник Бовеса. По приказу Боливара Сукре решительно подавил восстание. Но не прошло и года, как они вновь восстали, на этот раз под руководством индейского вождя Агуалонго…

Этп события задержали Боливара в Эквадоре значительно дольше, чем он предполагал.

***

16 июля 1822 года Кито был украшен флагами. На улицах толпился пород — креолы, негры, индейцы; у многих жителей в руках были букеты необыкновенно ярких цветов, которые можно встретить только в залитых солнцем тропиках. Столица древнего инкского правителя Атауальпы готовилась к встрече прославленного колумбийского президента, овеянного легендой Освободителя — Симона Боливара.

В десять часов утра Боливар на белом коне, одетый в парадную генеральскую форму, во главе отряда конной гвардии вступил в город. С балкона одного из домов молодая незнакомка бросила ему лавровый венок. Боливар заметил ее.

В тот же вечер местные власти дали в муниципальном дворце торжественный бал в честь Освободителя и его офицеров. На балу один из гостей представил Боливару ту, которая преподнесла ему утром лавровый венок. Это была Мануэлита Саэнс.

Почитательнице Боливара исполнилось тогда двадцать два года, но за ее плечами уже лежала весьма бурная жизнь, полная всевозможных увлечений и тяжелых разочарований.

В 1790 году в Кито обосновался испанский купец Симон Саэнс, отец четверых детей и обладатель солидного состояния. Там одна молодая креолка родила ему дочь Мануэлу. Девочку отец взял в свой дом. Едва Мануэле исполнилось четырнадцать лет, как в нее влюбился испанский офицер Фаусто д'Эльуяр. Узнав об этом, старик Саэнс отдал свою дочь на воспитание в монастырь. Преодолеть стены обители для испанского офицера оказалось сущим пустяком. Мать-настоятельница получила ценный подарок, и прекрасная Мануэла со своим возлюбленным отбыла в неизвестном направлении.

Счастье Мануэлы оказалось кратковременным. Оно длилось до тех пор, пока не иссяк довольно тощий кошелек испанского офицера. Опозоренная девушка вынуждена была искать у своей матери приюта и утешения.

Прошло два года, и семнадцатилетняя Мануэла вышла замуж

за доктора Джеймса Торна, англичанина из Кито, который был почти вдвое старше ее. Брак сделал Мануэлу респектабельной дамой, открыл ей доступ в высшее общество Кито. Но Мануэлу продолжал преследовать офицер д'Эльуяр, и, чтобы оградить жену от соблазна, Торн переехал в столицу вице-королевства Перу — Лиму.

Здесь беспокойная Мануэла сдружилась с Роситой Кампусано, салон которой был одним из центров подпольной деятельности перуанских патриотов. Сама Мануэла также стала активной участницей готовившегося против испанцев заговора. В ее доме, к ужасу почтенного доктора Торна, стали собираться патриоты, ожидавшие прибытия из Чили освободительной армии аргентинского генерала Хосе де Сан-Мартина.

Вскоре надежды патриотов сбылись — Лима была освобождена, и лично Сан-Мартин вручил Мануэле за ее участие в патриотическом движении орден.

Сан-Мартин издал приказ о высылке из Лимы всех испанцев, не принявших перуанского гражданства. Под этот приказ подпал и Симон Саэнс, отец Мануэлы, проживавший с нею в перуанской столице. Дон Симон решил возвратиться в Кито, с ним поехала и Мануэла, желавшая навестить свою мать. Не исключено, что она выполняла при этом какое-нибудь конфиденциальное поручение Сан-Мартина. Так она очутилась в столице Эквадора в тот момент, когда туда вступили колумбийские войска.

Боливар с первой же встречи увлекся Мануэлой. Жгучая брюнетка с большими золотистыми глазами привлекла каракасца не только своей красотой, но решительным и смелым характером, патриотизмом, преданностью делу независимости. В последующие годы она неоднократно участвовала в сражениях с испанцами. Мануэла Саэнс до смерти Боливара оставалась его любящей и верной подругой.

СВИДАНИЕ В ГУАЯКИЛЕ

Дело освобождения Южного континента нуждается в авторитетном вожде, который имел бы в своем распоряжении могущественные средства.

Симон Боливар

Пока колумбийская армия освобождала Эквадор, в соседнем Перу отряды аргентинских, чилийских и перуанских добровольцев под командованием Сан-Мартина вели неравную борьбу с 20-тысячной испанской армией, занимавшей хорошо укрепленные позиции в горной части страны.

Хосе де Сан-Мартин, как и Боливар, посвятил свою жизнь делу освобождения южноамериканских колоний от испанского господства. Сын мелкого кастильского чиновника, служившего в вице-королевстве Ла-Платы, Сан-Мартин мальчиком переехал со своими родителями в Испанию. Там он закончил военную школу, после чего участвовал в боях против французских войск, дослужившись до чина подполковника.

В то время в Испании проживало много видных креолов. Некоторые из них сочувствовали патриотам и готовы были бороться за освобождение Южной Америки. Наиболее решительные входили в тайные патриотические общества. Сан-Мартин стал членом Общества Лаутаро, названного так по имени индейского вождя, оказавшего во время конквисты геройское сопротивление испанцам в Чили. Именно Общество Лаутаро направило аргентинца в Буэнос-Айрес. Его путь лежал через Лондон, где он надеялся застать Миранду. Но последний к тому времени уже вернулся в Венесуэлу.

В Буэнос-Айресе креолы встретили подполковника Сан-Мартина с радостью. Они остро нуждались в профессиональных военных. Вскоре Сан-Мартин командует конно-гренадерским эскадроном, потом полком, а в 1813 году войска под его началом наносят решительное поражение испанцам в сражении при Сан-Лоренсо близ Буэнос-Айреса.

Год спустя Сан-Мартин был назначен командующим Северной армией, затем интендант-губернатором Куйо, здесь, в провинции Мендосе на границе с Чили, он стал готовить освободительную экспедицию в эту страну.

С большой тщательностью, методичностью и настойчивостью

подготовлял Сан-Мартин свою армию для перехода в Чили. Чтобы попасть из Мендосы в Чили, следовало преодолеть Кордильеры, достигающие в некоторых местах высоты в 6800 метров, горные же проходы лежат на уровне 3000–3600 метров. До того времени их пересекали только небольшие отряды и караваны мулов; переход через них армии да еще с артиллерией считался невозможным.

К моменту похода в Чили войска Сан-Мартина насчитывали около 4000 бойцов. На каждого бойца приходилось по два мула, которые везли провиант и амуницию Заранее было заготовлено большое количество сушеного мяса — чарке, смешанного с перцем и салом, много лука и чеснока (их потребление предохраняет от горной болезни), сыра, вина и других продуктов. Фураж был рассчитан на пятнадцать дней.

По указанию аргентинского генерала началась энергичная партизанская деятельность по ту сторону гор. Для этого были использованы отряды индейцев и чилийских крестьян. Сан-Мартин умело вел войну нервов против испанцев, распуская через своих лазутчиков ложные слухи о намерениях и предполагаемых передвижениях своей армии.

В январе 1817 года приготовления были закончены, и аргентинские солдаты двинулись на приступ горных вершин. Накануне выступления Сан-Мартин писал: «Я все сделал для того, чтобы враг не знал точного места нашего нападения. Если нам удастся захватить его врасплох и он позволит нам спуститься в долину, победа будет за нами. Одним словом, мы сделаем все возможное, чтобы себя не опозорить».

В начале февраля экспедиционная армия Сан-Мартина успешно преодолела Кордильеры и 12 февраля в долине Чакабуко нанесла поражение испанским войскам. Остатки их бежали в тихоокеанскую крепость Талькауано.

Но вместо того чтобы преследовать бегущих и окончательно разгромить их, Сан-Мартин повернул к столице Чили Сантьяго. Это была та же ошибка, которую совершил Боливар после разгрома Монтеверде у Каракаса в 1813 году. Испанцы не преминули воспользоваться этой оплошностью.

В освобожденном Сантьяго было организовано правительство во главе с Бернардо О'Хиггинсом, чилийским патриотом, привлеченным к освободительной борьбе в свое время еще Мирандой. Тем временем испанцы получили из Перу подкрепление. Они перешли в контрнаступление и в двух сражениях — при Талькауано и Канча-Раяда — сильно измотали войска патриотов.

Кампания за освобождение Чили затянулась на целый год.

Только 5 апреля 1818 года объединенными силами чилийцев и аргентинцев во главе с Сан-Мартином удалось нанести решительное поражение испанцам в сражении при Майпу. Теперь вся территория Чили находилась во власти патриотов, но их силы в значительной степени оказались подорванными.

В апреле 1819 года Сан-Мартин во главе аргентинских войск возвращается через Кордильеры в Мендосу в надежде заручиться поддержкой правительства Буэнос-Айреса для освободительного похода в Перу, где продолжали господствовать испанцы. Этого ему не удалось добиться. Правительство Буэнос-Айреса стремилось распространить свою власть на всю территорию бывшего вице-королевства Ла-Платы, а население провинций отстаивало свою самостоятельность. Повсюду действовали партизанские отряды — монтонерас, не подчинявшиеся властям Буэнос-Айреса. Центральное правительство потребовало от Сан-Мартина выступить в его поддержку и направить подчиненные ему войска на усмирение непокорных каудильо — вождей партизанских отрядов. Но Сан-Мартин отказался принять участие в гражданской войне. Он, как и Боливар, считал, что главной задачей является освобождение всего континента от испанского господства. Пока испанцы держались в Перу, независимость Чили и Буэнос-Айреса находилась в опасности. «Освободим сперва всю Америку от испанцев, а потом будем решать наши внутренние дела», — рассуждал Сан-Мартин.

Вскоре правительство в Буэнос-Айресе распалось, каждая из провинций провозгласила свою самостоятельность. Не желая вмешиваться во внутренние распри, Сан-Мартин предложил своим офицерам вернуться в Чили и оттуда атаковать испанцев в Перу. Офицеры единодушно поддержали план Сан-Мартина.

Армия Сан-Мартина в третий раз перешла Кордильеры и в начале июля 1820 года сосредоточилась близ тихоокеанского порта Вальпараисо, где, пополненная чилийскими солдатами, погрузилась на корабли и отбыла по направлению к Перу. Армию перевозил чилийский военный флот, организованный английским адмиралом Кочреном (Кокрейном), перешедшим на службу к патриотам.

В Перу, самой богатой и густонаселенпой испанской колонии в Америке, испанцы располагали войсками, по своей численности намного превосходившими силы Сан-Мартина и Боливара, вместе взятые. Здесь испанцы пользовались поддержкой влиятельной и многочисленной креольской аристократии. Креольские помещики пуще всего опасались восстания порабощенных ими индейцев, составлявших подавляющее большинство населения страны.

Колониальное Перу охватывало территорию современной

республики того же названия, северную часть Чили, а также нынешнюю Боливию, которая тогда называлась Горным (Верхним) Перу. Нигде в Южной Америке индейское население не подвергалось столь жестокой эксплуатации, и нигде сопротивление испанскому владычеству в прошлом не принимало такие широкие размеры, как в этом вице-королевстве.

Перу и теперь не стояло в стороне от освободительного движения. В 1805 году служащий горнорудного управления в городе Куско Хосе Габриель Агилар организовал заговор против испанских властей, но был предан и казнен на том же самом месте, где и Тупак Амару II, вождь антииспанского восстания в XVIII веке.

Спустя четыре года в Лиме испанец Антонио Мария Прадо попытался учредить патриотическую хунту, но был арестован и сослан на каторгу. Подобные вспышки против колонизаторов наблюдались во многих других местностях Перу в 1810–1813 годах. Они сковывали испанцев и заставляли их держать в этой стране значительные вооруженные силы.

Несмотря на жестокий террор, в 1814 году в Куско вспыхнуло восстание, завершившееся на этот раз победой патриотов. Образовалась хунта во главе с Матео Пумакао, одним из немногих индейских вождей, не принимавших участия в восстании Тупака Амару II. Хунта организовала патриотическую армию, сражавшуюся под руководством Пумакао в течение года против превосходящих сил испанцев. В 1815 году Пумакао был пленен и четвертован. С его гибелью восстание пошло на убыль.

Береговая полоса Перу, простирающаяся на многие сотни километров, — это довольно голая пустыня, где почти не бывает дождей и растут только кактусы. Ее пересекают быстрые потоки спадающих с гор рек. Там, где реки впадают в море, расположены портовые города Кальяо, Трухильо, Писко, Уачо. За этой полосой следует предгорье с мягким климатом, хорошими пастбищами. Здесь проживает большинство креольского населения, здесь же расположена перуанская столица Лима, славящаяся своими пышными дворцами, величественными соборами, нарядными женщинами, веселым нравом обитателей.

В горных районах живут индейские племена. Перу — родина картофеля, здесь растут табак, кукуруза. Древние инки умели ставить золотые коронки, применяли болеутоляющие средства, имели свою письменность. На заоблачных высях они строили из каменных плит храмы, крепости, мосты и акведуки. Инки верили, что их императоры происходят от дочери Солнца. Как египетские фараоны, императоры обеспечивали «чистоту» крови браками между братом и сестрой.

Испанские конкистадоры поработили инков, уничтожили их самобытную культуру

8 сентября 1820 года Сан-Мартин высадился на юге Перу в районе Писко. Вскоре пришли сообщения о победе либеральной революции в Испании. Вице-король Перу — Песуэла предложил Сан-Мартину начать переговоры о заключении мира. Желая выиграть время и укрепить свои позиции, аргентинец согласился с предложением вице-короля. Но переговоры вскоре были прерваны: ни та, ни другая сторона не желала пойти на уступки.

Между тем креольская аристократия в Перу — крупные помещики, негоцианты, — опасавшаяся потерять свои привилегии и влияние и поэтому предпочитавшая союз с Испанией, теперь заколебалась. Слишком было очевидно, что испанское господство в Америке доживало последние дни.

Сан-Мартин уловил эту смену настроений креольской верхушки и, желая привлечь ее на свою сторону и тем самым лишить испанцев их самого мощного союзника, обещал не лишать ее особых прав.

«Цель политической революции в этой части Нового Света и задачи способствующих ей вооруженных сил не были и не могут быть направлены против ваших подлинных привилегий», — писал Сан-Мартин, обращаясь к аристократам города Лимы.

Эти заверения возымели соответствующий эффект. Одним из первых высказался в поддержку Сан-Мартина маркиз Торре Тагле, перуанец по происхождению, губернатор провинции Трухильо, за ним последовали другие влиятельные креолы.

Такой оборот дела вызвал замешательство в рядах испанцев. В январе 1821 года вместо Песуэлы вице-королем Перу был назначен Ла Серна, известный своими либеральными симпатиями. Ла Серна возобновил переговоры с Сан-Мартином и предложил мир на основе конституции 1812 года. Но Сан-Мартин настаивал на признании независимости.

— Если вы отвергнете наши условия, — заявил Гидо, представитель Сан-Мартина, испанскому генералу Вальдесу, — мы подымем против вас креолов, и Испания навсегда лишится своего влияния в этой части света.

— Наше положение вовсе не такое безвыходное, каким оно вам представляется, — ответил аргентинскому представителю Вальдес. — Мы скорее провозгласим империю инков, чем уступим Перу креолам. Пусть лучше эти земли достанутся их подлинным хозяевам — индейцам, но не креолам, которые могут претендовать на них, только ссылаясь на право завоевания, унаследованное от предков-конкистадоров.

Все же, надеясь в конечном счете договориться с Сан-

Мартином, Ла Серна уступил без боя аргентинцу Лиму и главную перуанскую военно-морскую базу Кальяо, отвел все испанские войска в горную часть страны, обосновавшись в древней столице инков Куско.

В Лиме Сан-Мартина провозгласили протектором Перу. Протектор образовал правительство из перуанцев, аргентинцев и чилийцев. Фактическим главой правительства стал аргентинский демократ Бернандо Монтеагудо, игравший роль политического советника при Сан-Мартине.

Новые власти осуществили ряд демократических реформ. Были отменены феодальные подати, принудительный труд (мита) индейцев, объявлены свободными рабы — участники войны за независимость, запрещены истязания и пытки заключенных, применение телесных наказаний в школе, основана национальная библиотека, но сохранены дворянские титулы.

Из представителей креольской знати Сан-Мартин учредил Государственный совет, который направил в Европу делегацию с поручением предложить перуанскую корону одному из немецких князей. Этот шаг был предпринят с целью давления на Ла Серну и мадридский двор. Испанцы, однако, отказались пойти на уступки…

В Лиме Сан-Мартин основал орден Солнца, которым награждались видные участники освободительной войны. Испанцы, не принявшие перуанского гражданства, подлежали высылке из страны, половина их состояния конфисковывалась. За хранение оружия им угрожала смертная казнь.

Деятельность правительства Сан-Мартина критически оценивалась в кругах патриотов. Консервативная часть креольской верхушки находила ее слишком революционной, демократы же считали ее чересчур умеренной. Действия Сан-Мартина не воодушевляли и индейское население. Отмена феодальных повинностей без надела крестьян землей не могла удовлетворить индейцев. Тем более что шла война, помещики покидали своп поместья, и индейцы на деле превращались в свободных производителей.

Хотя под контролем Сан-Мартина находилась вся береговая полоса Перу, положение его оставалось весьма шатким. Аргентинский генерал мог использовать против испанцев не более четырех тысяч бойцов, в то время как под командованием Ла Серны находилась хорошо вооруженная двадцатитысячная армия, готовая в любой момент спуститься с гор и сбросить его в море.

К тому же силы Сан-Мартина таяли. Среди его солдат наблюдалось дезертирство Их косили желтая лихорадка,

дизентерия и другие тропические болезни. Противник знал это и только выжидал благоприятного момента, чтобы выступить против патриотов.

Испанские войска, засевшие в Горном Перу, можно было победить только одновременным наступлением со стороны Аргентины, Чили, Эквадора и Лимы. Но ни чилийские, ни аргентинские патриоты не были в состоянии оказать Сан-Мартину какую-либо существенную поддержку. Единственно, кто мог протянуть руку помощи аргентинскому генералу, был президент Республики Колумбия Симон Боливар. Его победоносная армия стояла на границе Эквадора и Перу. В свое время Сан-Мартин направил дивизию под командованием Андреса де Санта-Крус на помощь генералу Сукре, освободившему Эквадор. Если бы теперь Боливар согласился, в свою очередь, помочь Сан-Мартину и присоединил бы к Перу освобожденный им Эквадор, некогда входивший в состав перуанского вице-королевства, это подняло бы авторитет Сан-Мартина в глазах перуанских креолов и дало бы ему шансы на победу.

Но согласится ли Боливар оказать такую помощь своему аргентинскому коллеге или у него другие планы? Выяснить это можно, только встретившись с ним.

11 июля 1822 года Боливар прибыл в Гуаякиль, где заявил, что принимает под покровительство Республики Колумбии население города и берет на себя политическое и военное руководство данным районом. 26 июля, встреченный пушечным салютом, в порт зашел корабль «Маседония», на борту которого находился Сан-Мартин. На берегу его приветствовали адъютанты Боливара, поздравившие аргентинского генерала с благополучным прибытием на «колумбийскую территорию». Сан-Мартин понял, что ему не следовало особенно рассчитывать на согласие Боливара присоединить Эквадор к Перу.

В сопровождении почетного эскорта по улицам, украшенным колумбийскими и аргентинскими флагами, Сан-Мартин направился в отведенную ему резиденцию, где состоялась встреча с Боливаром.

Трудно себе представить более различных по характеру и даже физическому облику людей, чем Боливар и Сан-Мартин.

Боливар был ниже среднего роста, со лбом, изрезанным ранними морщинами; над его черными живыми глазами нависали густые, правильной формы брови; прямой и длинный нос, выдвинутые скулы, впалые щеки, неправильной формы рот и довольно толстые губы, зубы ровные и белые, уши большие, волосы черные, тонкие и вьющиеся, грудь узкая, лицо оливкового цвета. Таким рисует Боливара его адъютант ирландец О'Лири.

Чрезвычайно подвижный, красноречивый, Боливар любил общество, хорошую кухню, доброе французское вино. Он был не прочь протанцевать всю ночь напролет или поволочиться за женщиной. Боливар в равной степени чувствовал себя в своей тарелке и в походе, и на поле сражения, и во дворце. Как и многие богатые люди, он не знал цены деньгам, когда условия позволяли, жил на широкую ногу. Полководец по призванию, он был одним из самых начитанных людей Южной Америки, прирожденным публицистом, общительным и жизнерадостным человеком.

Совершенно иным рисуют нам современники Сан-Мартина. Высокого роста, с правильными чертами лица и выправкой профессионального солдата, сдержанный, немногословный и замкнутый, аргентинский генерал производил впечатление аскета и нелюдима. Он избегал светских раутов и прочих забав высшего общества. Любил простую солдатскую пищу, был очень экономен в своих расходах.

Трудно было надеяться, чтобы столь разные по своему складу и характеру люди могли друг другу понравиться.

Во время приема одна из дам возложила золотые лавровые венки на головы Сан-Мартина и Боливара. Сан-Мартин смутился, снял с себя венок и сказал, что он недостоин столь высокой чести, но сохранит венок на память о патриотах, которые изготовили его.

Затем Боливар и Сан-Мартин уединились и беседовали с глазу на глаз в течение полутора часов. После обеда они вновь встретились на полчаса. На следующий день утром Сан-Мартин приказал отправить свои вещи на корабль. Днем произошла еще одна продолжительная беседа двух генералов, затем был дан торжественный банкет в честь Сан-Мартина.

Поздно вечером Сан-Мартин простился с Боливаром и в ту же ночь отбыл из Гуаякиля в Перу.

Так закончилось это историческое свидание, о значении которого историки спорят до сих пор, выражая самые различные о нем мнения.

Имеется несколько кратких донесений Боливара колумбийскому правительству, в которых он сообщает о своих беседах с Сан-Мартином. Отдельные высказывания Боливара передают в своих воспоминаниях современники. Что касается Сан-Мартина, то он был более чем скуп на комментарии о результатах переговоров. Несомненно одно: два верховных руководителя освободительной борьбы в Южной Америке, встретившись, не нашли общего языка, не смогли выработать общей программы и расстались явно недовольные друг другом.

Причина расхождений заключалась в том, что Сан-Мартин не смог добиться от Боливара помощи на условиях и в объеме, которые позволили бы ему продолжать борьбу с испанцами с надеждой на конечный успех.

Боливар, хотя и являлся президентом Республики Колумбии, как главнокомандующий всецело зависел от правительства Боготы, без разрешения которого он не мог направить свои войска в Перу на помощь аргентинцу. Не мог Боливар без согласия Боготы принять и предложение Сан-Мартина о создании Перуано-Колумбийской федерации со столицей в Гуаякиле.

Боливар неоднократно обещал своим генералам и солдатам, что завершит освободительную эпопею в Перу, что дойдет с ними до Лимы, Куско и Потоси. Нечего греха таить, каракасец сам мечтал стать освободителем Перу, неспроста он спешил в Эквадор и теперь готовил там большую армию.

Убедившись, что Боливар не намерен предоставить в его распоряжение необходимые ему военные силы, Сан-Мартин предложил президенту Колумбии возглавить освободительную войну в Перу, соглашаясь стать его помощником. Но и этого Боливар не хотел: Освободитель Юга не мог быть в помощниках у Освободителя Севера по тем же причинам, по которым Освободитель Севера не мог играть вторую скрипку при Освободителе Юга. Один из них должен был уйти со сцены, чтобы другой мог завершить дело обоих. И уйти должен был тот, кто располагал меньшими силами.

Сан-Мартин понял, что именно ему придется уступить свое место Боливару. Возвратившись в Лиму, он подал в отставку и заявил, что покидает Перу и возвращается в Аргентину. Перуанский конгресс принял отставку Сан-Мартина и присвоил ему почетное звание генералиссимуса сухопутных и морских войск республики с пожизненной ежегодной пенсией в 12 тысяч песо, а также титул Основателя свободы Перу. Депутаты решили воздвигнуть в Лиме в его честь колонну и поставить бюст в открытой им Национальной библиотеке. Покидая Перу, Сан-Мартин взял с собой на память знамя конкистадора Франсиско Писарро, завоевавшего государство инков в XVI столетии, и колокольчик трибунала инквизиции. Сан-Мартин оставил в Перу армию из 6280 бойцов (280 чилийцев, 2 тысячи аргентинцев и 4 тысячи перуанцев), из которых боеспособных было всего лишь 2 тысячи.

Уход Сан-Мартина со сцены показывал, что он действовал исключительно в интересах великого дела освобождения колоний от испанского господства. Ведь если бы в Сан-Мартине взяли верх эгоистические чувства и корыстные побуждения, он вошел бы в

конфликт с Боливаром, остался в Перу и попытался использовать любую возможность для сохранения в своих руках власти, что крайне осложнило бы обстановку и затянуло бы освободительную войну на неопределенное время.

Благородный поступок Сан-Мартина, сумевшего трезво оценить обстановку и сделать правильные выводы, заслужил ему признательность народов Латинской Америки.

С отъездом Сан-Мартина из Перу заканчивается его активное участие в борьбе за независимость испанских колонии. Сан-Мартин возвратился в Буэнос-Айрес, раздираемый гражданской войной, но, верный своему кредо, отказался в ней участвовать. Его шпага могла разить только испанцев, а не своих соотечественников. Не пройдет и года, как он уедет из Аргентины во Францию в добровольное изгнание. Он умрет на чужбине в 1850 году.

Тридцать лет спустя его прах был перевезен в Буэнос-Айрес и захоронен в кафедральном соборе. Латиноамериканцы чтут память Сан-Мартина, видя в нем достойный пример бескорыстного служения делу свободы и независимости народов.

ПОБЕДА ПРИШЛА В АЯКУЧО

Я считаю, что вся власть верховного существа недостаточна, чтобы освободить эту несчастную страну. Только Боливар, опираясь на силу, может добиться этого.

Хосе де Сан-Мартин

«В Перу имеются два врага любого справедливого и прогрессивного правительства — золото и рабовладельцы», — писал Боливар, находясь еще на Ямайке в 1815 году. Теперь он готов был сразиться с этими врагами. Боливар знал: если не подорвать влияния перуанских латифундистов, если не привлечь рабов и индейцев на сторону патриотов, то нельзя будет и победить испанскую армию.

После отъезда Сан-Мартина испанцы перешли в наступление и стали теснить аргентино-чилийские войска. Перуанский конгресс избрал президентом богатого креола Хосе де ла Риву-Агуэро. Он обратился к правительствам Аргентины, Чили и Колумбии с просьбой о помощи. Чили и Аргентина ответили отказом. В этих странах бушевала междоусобица.

Колумбия через Боливара послала перуанцам несколько тысяч солдат во главе с Сукре. Сам Боливар отказался пока что вступить в Перу; по его словам, он ожидал разрешения на это колумбийского конгресса. В действительности же он не решался на такой шаг, не располагая более мощными военными силами.

В Боготе многие выступали против планов Боливара принять участие в освобождении Перу. Сказывался провинциальный кругозор местных руководителей. Население Новой Гранады устало от войны и без особого энтузиазма относилось к предстоящему походу в далекое Перу. Некоторым новогранадским деятелям хотелось, чтобы Боливар отправился в Перу без разрешения колумбийского конгресса. Тогда можно было бы объявить его нарушителем законов и не обращать внимания на его требования о посылке солдат, оружия и провианта, столь необходимых для продолжения войны.

Боливар в своих письмах из Гуаякиля Сантандеру доказывал, что в случае победы испанцев в Перу они обратили бы свои силы против Колумбии и дошли бы до Боготы. У колумбийцев не оставалось резервов, а без них не победить врага.

В апреле 1823 года Боливар писал вице-президенту: «Мы

израсходовали огромные средства, мобилизовали бесчисленное количество людей, чтобы послать шесть тысяч человек в Перу. У нас осталось только тысяча пехотинцев и кавалеристов да двести артиллеристов. Пытаюсь организовать три батальона из местных людей, но это пустая трата времени, они все равно разбегутся. Из десяти тысяч рекрутов остается тысяча. Большинство солдат, отправленных нами в Лиму, женаты, местные жители женятся молодыми, холостяков нет. Между прочим, я применил суровые меры для сбора людей и денег на перуанскую экспедицию. Это было сплошное насилие. Чтобы заполучить три тысячи рекрутов и двести тысяч песо, пришлось опустошить города и деревни. Я сам знаю границы насилия, их мы переступили. В Кито и Гуаякиле мы ловили людей на улицах а в церквах. Деньги добывали острием штыка. Местные люди не привыкли жертвовать собой и считают себя в безопасности, если фронт находится на расстоянии трехсот миль от их местожительства. Я всегда делал все возможное для получения необходимых ресурсов, и если я прошу у правительства помощи, то только потому, что иного выхода нет».

Богота медлила с ответом. Там не спешили идти на помощь Боливару. Даже верный Сукре, который больше, чем кто-либо другой, разделял его взгляды, не верил в успех перуанской кампании, считая, что в ней Колумбия может завязнуть и потерять все то, что она к тому времени приобрела.

«Я скорей радуюсь, чем огорчаюсь, тем, что обещанные две тысячи солдат не прибыли, — писал Сукре из Кальяо Боливару. — Я не хотел бы видеть здесь больше колумбийцев, слишком многие из них гибнут. У меня сердце обливается кровью, когда наблюдаю, как они страдают, и когда думаю, сколько им еще придется испытать. Опыт убедил меня, что мы должны действовать подобно другим государствам — в первую очередь защищать наши интересы, а не всей Америки, как делали до сих пор».

Но Боливар продолжал настаивать: именно интересы колумбийской независимости требуют разгрома мощной испанской армии в Перу.

Между тем испанцы нанесли новое поражение перуанской армии, которой командовал теперь генерал Санта-Крус. Рива-Агуэро вступил в тайные переговоры с испанцами с намерением сдаться. В Лиме сделали вывод: только активная помощь колумбийских войск и непосредственное вмешательство Боливара, одно имя которого было предвестником победы над испанцами, могли спасти судьбу Перу.

Перуанский конгресс сместил Рива-Агуэро, назначил на его место маркиза Торре Тагле и обратился к Боливару с просьбой

вступить в Перу и взять в свои руки правление республикой.

На этот раз Боливар принял приглашение. К счастью, 3 августа 1823 года наконец было получено разрешение конгресса на его отъезд в Перу. Курьер добирался из Боготы в Эквадор почти два месяца. 7 августа Боливар и его штаб оставили Гуаякиль и отбыли на бригантине «Чимборасо» в Кальяо, куда прибыли после двадцатипятидневного плавания. Здесь от имени перуанского конгресса их приветствовал Торре Тагле. Он ознакомил каракасца с положением в стране и с поведением Рива-Агуэро, который, обосновавшись в городе Трухильо, вел борьбу против конгресса.

Из Кальяо Боливар поспешил в Лиму, где народ устроил ему восторженный прием. Освободитель произвел хорошее впечатление и на богатых креолов. Они ожидали встретить чуть ли не Робеспьера, жаждущего во главе мулатов и негров предать огню и мечу их дворцы и семьи, а вместо этого увидели светского кабальеро, танцора и гурмана.

Но чего же потребует Боливар за свою помощь в борьбе с испанцами? Сан-Мартин — наш протектор, рассуждали креолы, не захочет ли Боливар стать нашим королем?

На этот вопрос Боливар ответил на банкете, устроенном в его честь аристократами в Лиме:

— Я надеюсь, что американские народы никогда не воздвигнут трон на своих землях. Не следует забывать, что Наполеона поглотила морская пучина, а император Итурбиде был свергнут с престола[21]. Такая участь ожидает, я уверен, претендентов на корону и в Южной Америке.

Армия перуанцев таяла на глазах. Под командованием Боливара находилось всего лишь пять тысяч боеспособных солдат, у испанцев же в горах было почти в четыре раза больше. Боливар слал курьера за курьером в Боготу к Сантандеру, настаивая на присылке новых и новых подкреплений.

— Передайте генералу Сантандеру, — говорил Боливар Дьего Ибарре, одному из своих курьеров, — что нам необходимы еще двенадцать тысяч солдат. Объясните ему, что это не такая большая плата за победу над испанцами. В Боготе должны понять: впоследствии нам придется заплатить в несколько раз больше за изгнание испанцев из Южной Америки.

С присылкой подкреплений следовало спешить: противник мог в любой момент перейти в наступление. Торре Тагле и его единомышленники, решив, что у колумбийцев нет достаточных сил для борьбы, пошли по стопам Рива-Агуэро. Они пытались договориться с испанцами за счет колумбийцев. Испанский генерал Кантерак писал предателям: «Главное — уничтожить

нашего общего врага Боливара. Покончить с этим чудовищем — наша первая и основная задача».

Международная обстановка тоже менялась не в пользу патриотов. В конце 1823 года в Испанию по призыву местных реакционеров вторглась французская армия. Опираясь на нее, королевская власть вновь задушила демократические свободы. Этим воспользовались Англия и США. Они стали пугать южноамериканских патриотов походом Священного союза против молодых республик. В действительности же ни Франция, ни Россия не думали о подобном походе.

Еще в декабре 1822 года министр иностранных дел России Нессельроде писал русскому посланнику в США барону Тейлю: «Мы не собираемся останавливать движение будущего, освобождение Южной Америки вероятно, оно возможно, неминуемо». Такой же точки зрения придерживалось русское правительство и в 1823 году.

Франция считала вооруженную интервенцию против южноамериканских республик не по силам Священному союзу. Все это не помешало президенту США Монро провозгласить 2 декабря 1823 года доктрину, носящую его имя, согласно которой США обязывались оказать сопротивление захвату территорий бывших испанских колоний европейскими державами.

Сторонники этой доктрины утверждают, что ее провозглашение было в интересах латиноамериканцев по крайней мере в то время, ибо предотвратило европейскую интервенцию против молодых республик. Это неверно. Доктрина Монро с самого начала оказала вредное влияние на судьбы Латинской Америки. Сантандер под давлением американских дипломатических агентов, действовавших в Боготе, поддался панике. Считая неминуемой высадку французов в Венесуэле, он хотел приостановить помощь Боливару, что могло бы повлечь за собой поражение освободительной армии в Перу и новое вторжение испанцев в Колумбию.

Немалого труда стоило Боливару переубедить Сантандера. «Я не верю в возможность французской интервенции, — писал каракасец вице-президенту. — Было бы верхом безумия из-за столь проблематической опасности забыть о той, которая у нас под боком. Мы совершили бы непростительную ошибку, не покончив с врагом на юге под предлогом, что он может появиться на севере. Если французы придут, то тем паче мы обязаны обрушиться всеми нашими силами на испанских каналий в Перу, с тем чтобы потом сделать то же самое с французами на севере».

Вожди освободительной борьбы относились с недоверием к доктрине Монро. Двадцать пять лет спустя после описываемых

событий Паэс отмечал в своих воспоминаниях, что для североамериканцев доктрина Монро означает «право» запрещать другим странам завоевывать чужую территорию, но разрешать это же себе. Если бы эта доктрина, писал Паэс, предусматривала объединение всех испано-американских республик с тем. чтобы воспрепятствовать восстановлению испанского колониального режима и обеспечить священное уважение к установившимся государственным границам, тогда можно было бы сохранить политическое равновесие в Америке. И никто никогда не обвинял бы благородного орла Соединенных Штатов в том, что он является самым свирепым стервятником в мире.

***

В январе 1824 года Боливар заболел желтой лихорадкой — трабадильо. Болезнь сразила его в небольшом портовом городишке Пативильке.

Там он узнал радостную новость: в Боготу из Европы приехал его старый учитель, беспокойный карбонарий Симон Родригес, он же Робинзон, помогавший патриотам через своих многочисленных друзей и знакомых в Европе. В Боготе Родригес хотел создать Дом труда — школу для юношей и девушек.

«Я ничего вам не говорю о нем как о человеке, о его характере, постоянстве и знаниях, необходимых для этого дела, потому что Вы знаете его лучше, чем я, — писал Боливару о Родригесе верховный судья Колумбии Мигель Пенья. — Но Вы не представляете себе, что он теперь задумал. В Доме труда юноши будут получать техническое образование. Родригес очень много работал с тех пор, как приехал сюда, для того чтобы создать этот дом. Только благодаря его неустанной энергии ему дали здание, где он сделал ремонт и уже имеет нескольких учеников. Но ему не хватает средств, чтобы полностью осуществить свой проект. Родригес постоянно вздыхает о Вас, уверенный в том, что если бы Вы были здесь, то оказали бы ему помощь. Может быть, стоит, чтобы Вы взяли организацию этих домов под свое покровительство, ибо они могут принести много полезного для государства. Пожелай Симон Родригес выбрать более легкий путь в жизни, он, конечно, преуспел бы. Но он жаждет служить родине своими знаниями, приобретенными во время долгого пребывания в Европе, и думает, что не сможет применить их лучше, чем обучая новых членов общества. Они через несколько лет принесут народу большую пользу. Он здоров, силен и проявляет огромную работоспособность, поразительную в его годы. Если он погибнет

от недостатка поддержки, другого такого мы не найдем».

Написал Боливару и сам Родригес. В Боготе он не нашел сочувствия и хотел бы поехать на юг, встретиться с Боливаром в Перу. «Видеть Вас, разговаривать о деле освобождения и делать все, что могу, чтобы помочь Вам, — вот моя цель», — сообщал Родригес своему бывшему ученику.

Боливар ответил ему из Пативильки: «О мой учитель! О мой друг! О мой Робинзон! Вы в Колумбии! Вы в Боготе! И ничего мне не сообщили, ничего не сказали. Вы заслужили упрека, но могу ли я быть невежливым с гостем, приехавшим из Старого Света навестить Новый… Никто лучше меня не знает Вашу любовь к обожаемой нами Колумбии. Помните ли Вы, как мы вместе клялись на Священном холме в Риме бороться за свободу нашей родины? Конечно, Вы не забыли этот день, покрывший нас вечной славой. Вы, учитель мой, видели меня отчетливо, хотя и пребывали вдалеке. С какой жадностью Вы, наверное, следили за моей работой. Вы вдохновили меня на борьбу за свободу, за справедливость, за великое, за прекрасное. Я шел по пути, начертанному Вами. Вы были моим руководителем, хотя и находились в Европе. Вы не представляете себе, как глубоко запали мне в душу Ваши уроки. Я никогда не изменил даже запятой в тех великих изречениях, которые узнал от Вас, они всегда в моей памяти, я им следовал, зная, что никогда не ошибусь. Наконец, Вы видели мое поведение, знаете мои писания, мою душу, изложенную на бумаге. И, возможно, не раз говорили себе: все это мое, я посадил это деревце, я его поливал, я его поддерживал, теперь оно сильное, крепкое и плодоносное, вот его плоды, они мои, я буду ими наслаждаться в посаженном мною саду, под сенью дружественных объятий… Покажите это письмо вице-президенту, попросите у него денег и приезжайте ко мне. Вы будете свидетелем крушения испанского деспотизма».

Это было сердечное, взволнованное письмо. Но Боливар еще долго не смог встретиться со своим учителем. Родригес был гордым человеком, он не хотел просить денег у кого бы то ни было, а в Боготе никто не додумался позаботиться о его нуждах.

5 февраля в Пативильке Боливара настигла весть о том, что в порту Кальяо аргентинский гарнизон, которому давно уже не выплачивали жалованья, поднял бунт и, поддавшись уговорам испанских пленных, перешел на сторону врага. Казалось, вновь повторялась история Пуэрто-Кабельо.

Боливару сообщили, что многих солдат заставили силой изменить делу независимости. Те же, кто сопротивлялся, среди них патриот негр Антонио Руис Фалучо, мятежниками убиты.

— Таким, как Фалучо, следует поставить памятник[22], —

сказал Боливар.

Один из деятелей патриотического движения, Хоакин Москера, как раз в эти дни посетил Боливара, сраженного недугом в Пативильке.

— Каковы ваши планы? — спросил Москера.

— Победить!

— Но как?

— Я соберу всех лошадей и мулов на побережье, посажу на них своих солдат, перейду Кордильеры и разобью испанцев в Горном Перу, как я их разбивал у Бояки и Карабобо.

Но для этого нужны были резервы, которые подходили из Колумбии медленно и в недостаточном количестве.

— Расскажите нашим соотечественникам, — говорил Боливар Москере на прощание, — как вы нашли меня здесь, на этом неприветливом берегу, умирающим, но, как всегда, готовым бороться всеми своими силами за независимость Перу и безопасность Колумбии.

10 февраля 1824 года перуанский конгресс назначил Боливара диктатором с неограниченными полномочиями. Из Пативильки Боливар приказал своему наместнику Сукре, штаб которого находился в городе Трухильоз «Конфискуйте все необходимое для армии. Не стесняйтесь, будьте решительны и беспощадны, когда речь идет о благе родины. То, что не сможете взять, уничтожайте. Нас должна отделять от испанцев выжженная земля. Пусть враг знает, что мы полны решимости драться до конца».

Испанцы тоже не дремали. Они неожиданно спустились с гор и с помощью предателей вновь захватили Лиму. Торре Тагле и свыше трехсот офицеров-перуанцев открыто перешли на сторону испанцев.

Эти события вызвали растерянность и уныние среди патриотов. Сукре советовал Боливару отвести войска в Колумбию, в таком случае испанцы согласились бы подписать перемирие на один или даже два года, что дало бы патриотам необходимую передышку. Но Боливар привык стойко встречать неудачи. Он и на этот раз был полон фанатичной уверенности в победе. Об отступлении не могло быть и речи.

— Богота должна нам помочь, и она нам поможет, — уверял своих подчиненных Освободитель.

Он продолжал бомбардировать Сантандера просьбами. «Окруженный Андами, — писал он в одном из своих посланий вице-президенту, — вдыхая отравленный воздух сороче, находясь почти что рядом с луной, я пишу Вам это письмо. Оно, наверное, превратится в кусок льда, если не понесет его кондор и не согреет

солнце… За год нас предали здесь семь президентов, но если Вы мне пошлете старую колумбийскую гвардию, мы станем непобедимыми».

Боливар требовал слишком многого.

— Освободитель думает, — говорил Сантандер, — что я бог: достаточно мне сказать «Да будет так!» — и это сбудется. Он настойчиво просит оружие и людей. И самое плохое в том, что, хотя дону Симону достаются все лавры, перуанцы не испытывают признательности к колумбийскому правительству за его помощь.

Боливар получил известие, которое доставило ему большое удовлетворение: Пуэрто-Кабельо наконец капитулировало перед Паэсом, родная Венесуэла торжествовала победу!

В Перу же враг продолжал упорствовать. Испанцы неоднократно подсылали наемников с целью убить Боливара и других видных патриотов. Освободитель предупреждал Сукре: «Я советую Вам действовать с некоторой осторожностью. Не ходите без охраны».

Боливар организовал «бродячее» правительство, как он сделал в свое время на Ориноко. Все перуанские дела решал один министр — Санчес Каррион, он отличался пламенным патриотизмом и большой деловитостью. Огромную роль в борьбе за независимость играли финансы. Солдаты дезертировали из-за того, что им не платили. Боливар снизил на три четверти жалованье солдат и служащих, но обеспечил его выплату. Чтобы пополнить казну, он конфисковал церковную золотую утварь, экспроприировал собственность испанцев и сотрудничавших с ними перуанцев, начал продавать правительственные поместья и земли.

Трухильо — штаб-квартира республиканской армии — с марта 1824 года была превращена Боливаром в арсенал. Женщины шили мундиры; пончо и одеяла приносили индейцы. Население собирало железо, чугун для изготовления снарядов, гвоздей и подков. Копья и другое холодное оружие поставлял Гуаякиль. Олово для починки посуды было найдено благодаря счастливой случайности. Боливар однажды разорвал себе брюки об оловянный гвоздь. Он немедленно приказал использовать такие гвозди на военные нужды. Боливар, Сукре и другие генералы часто посещали мастерские, подбадривали людей, давали советы. Солдаты совершали горные марши, привыкая к высоте.

Освободитель говорил перуанскому генералу Ла Мару:

— Войну не делают из любви к господу богу. Будьте беспощадны. Дисциплинируйте своих солдат. Если нет ружей, вооружайте их копьями. Третий и четвертый ряд бойцов,

вооруженных копьями, может принести большую пользу. В бою среди новичков бывают немалые потери. Желаете иметь тысячу или две тысячи солдат, тогда мобилизуйте пять тысяч человек. Каждая деревня, каждый человек должны приносить пользу. Перу мы будем защищать даже зубами. Пусть ни одна соломинка не останется без пользы на освобожденной от испанцев территории.

Наконец в феврале стали поступать подкрепления из Колумбии: прибыл отряд в 2500 бойцов под командованием генерала Кордовы, много ружей и боевого снаряжения, скота, припасов.

Зная, что значительная часть испанской армии состоит из индейцев, Боливар 30 марта 1824 года издал декрет, отменявший подушный налог на них. 8 апреля другой декрет передавал им в личную собственность общинные земли, с тем чтобы «ни один индеец не остался без соответствующего земельного участка». Эти декреты вызвали большой энтузиазм среди перуанских индейцев и внесли замешательство в стан врага.

В апреле армия патриотов насчитывала уже десять тысяч человек. На одном из смотров английский генерал Миллер, принимавший участие в войне на стороне патриотов, заявил Боливару:

— Я заверяю вас, что, появись такая пехота и кавалерия на параде в лондонском парке Сент-Джеймса, они вызвали бы всеобщее восхищение.

В это время произошло событие, заставившее Боливара ускорить наступление на испанцев. В Горном Перу восстал против вице-короля Ла Серны генерал Оланьета, который командовал индейскими отрядами, находившимися на службе у испанцев. Хотя Оланьета объяснял свое поведение тем, что считал Ла Серну либералом и сторонником конституции 1812 года, Боливар направил ему свои поздравления и предложил присоединиться к патриотам. Теперь в тылу у Ла Серны находилась враждебная ему сила. Армия врага очутилась между двух огней.

Чтобы спасти положение, Ла Серна решил немедленно открыть военные действия как против Оланьеты, так и против Боливара. Часть испанской армии в количестве четырех тысяч солдат под командованием генерала Вальдеса двинулась в Горное Перу на подавление мятежа Оланьеты, а оставшиеся шесть тысяч солдат во главе с генералом Кантераком получили приказ спуститься с гор в прибрежную полосу и вступить в бой с силами Боливара.

Кантерак сомневался, могла ли его армия в данных условиях перейти в успешное наступление: она не только значительно уступала войскам патриотов по количеству бойцов, у нее был

надломлен боевой дух. Кантерак решил не спешить и посмотреть, чем закончится поход Вальдеса против Оланьеты.

Ну что ж, если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе!

— Если испанцы не желают спускаться с гор, то мы нанесем им визит и задушим волка в его собственной берлоге, — говорил Боливар своим бойцам. — Кордильеры нам не страшны, мы уже не раз их переходили, и всегда нам сопутствовала удача. Ла Серна и Кантерак считают, что они находятся в неприступной крепости. Они ошибаются, ибо нет таких Кордильер, которых не смогли бы одолеть патриоты.

Пока солдаты готовились к походу, Боливар расположил свой штаб в горном селении Уайлас. В одном из своих выступлений перед местными жителями Боливар сказал:

— До сих пор все армии мира создавались королями или сильными мира сего. Вы первые, кто взялся за оружие во имя законов и принципов, во имя слабых и справедливых.

Прошло несколько недель, и в июле армия патриотов перешла в наступление. В авангарде шел Сукре. Он строил в горах укрытия для солдат, закладывал склады провианта. За ним во главе основных сил следовал Боливар. Солдаты передвигались на мулах, ведя на привязи боевых коней, навьюченных оружием и боеприпасами. Армию сопровождали сотни индейцев-носильщиков.

Бойцы вытянулись в цепочку, которой, казалось, не было конца. Над ними медленно кружились горные стервятники, поджидая добычу; то тут, то там в пропасть срывались лошадь или всадник с мулом, и вслед за ними камнем с неба падал кондор. Временами путь солдатам преграждали стада лам и вигоней, изредка встречались убогие индейские селения. Когда армия поднялась на высоту в три тысячи метров, горные проходы заполнились туманом. Расставленные Сукре трубачи, подававшие время от времени спасительные сигналы, помогали бойцам не сбиваться с пути.

29 июля, почти месяц спустя после начала похода, перевалив высоты в пять тысяч метров, армия патриотов закончила восхождение и вышла на равнину в районе горы Паско. Там 2 августа Боливар устроил парад своим войскам. Освободитель с гордостью смотрел на солдат, представлявших почти все районы Южной Америки. Среди них были уроженцы Каракаса, Панамы, Кито, Лимы, Сантьяго и Буэнос-Айреса, жители венесуэльской саванны, лесов Эквадора и пампасов Аргентины, дышавшие дымом сражений при Бояке, Карабобо, Пичинче, Майну. А рядом с ними стояли иностранные волонтеры, участники

наполеоновских походов, люди, пришедшие на эту крышу мира из далекой Москвы, с берегов Рейна, солнечных долин Италии.

Боливар сказал солдатам:

— Вы призваны закончить одну из величайших задач, которую небо когда-либо ставило перед людьми, — спасти мир от рабства. Враг, которого вы уничтожите, славится своими победами. Он достоин того, чтобы скрестить свое оружие с вашим, сверкавшим в тысячах сражений. Перу и вся Америка ждет от вас мира — сына победы. Даже либеральная Европа смотрит на вас с восхищением, ибо свобода Нового Света является надеждой для всего человечества.

Кантерак, узнав о появлении Боливара по эту сторону Анд, форсированным маршем направился ему навстречу. Вечером 6 августа авангард патриотов, достигнув долины Хунина, вошел в соприкосновение с передовыми частями испанской армии. Утром началось сражение. Кантерак повел наступление на центр и на левый фланг Боливара. Патриоты встретили испанцев копьями. Ни одного выстрела не раздалось во время боя. Противники дрались холодным оружием. В воздухе стоял грохот от ударов стали о сталь. Почти все республиканские генералы приняли непосредственное участие в этой битве. Особенно отличились части льянеро.

Сражение продолжалось полтора часа и закончилось победой патриотов. Войска Кантерака в беспорядке бежали с поля боя в Куско, где вскоре к ним присоединился Вальдес. Ему так и не удалось наказать мятежника Оланьету.

Несмотря на поражение под Хунином, испанцы продолжали оставаться грозной силой. Они все еще располагали армией в двенадцать тысяч солдат. Остаток августа и сентябрь противники использовали для реорганизации своих сил. Они готовились к последней схватке.

Боливар решил использовать передышку, чтобы освободить Лиму и Кальяо, занятые испанцами. Вначале он намеревался послать для этого Сукре, но тому показалось, что Освободитель теряет к нему доверие. Боливар вынужден был написать ему: «Такая чувствительность — внимание к сплетням маленьких людишек, — недостойна Вас. Слава и величие людей заключаются в том, чтобы они приносили пользу».

После этого Боливар сам направился к побережью, оставив Сукре в качестве командующего горной армией. По дороге Боливар узнал, что конгресс Колумбии отстранил его от командования. Члены конгресса опасались, что Боливар, одержав победу над испанцами, станет всемогущим.

— Счастливы те, кто умрет и не увидит конца этой кровавой

драмы. Как бы ни была грустна наша смерть, она все же будет веселее этой жизни — так отозвался Боливар на решение конгресса.

Боливар продолжал оставаться диктатором Перу. В начале декабря Лима вновь была освобождена. Освободитель восстановил там конституционное правительство, назначил министров и судей. 1 ноября Сукре получил известие, что испанцы всеми своими силами двигаются на него. Ла Серна рассчитывал, что ему удастся отрезать Сукре от Боливара. Пытаясь избежать окружения, Сукре в течение 30 дней отступал. Это заставило Ла Серну ускорить продвижение своих войск через горную местность, что сильно изнуряло его солдат. Весь ноябрь прошел в маршах. С 1 декабря обе армии продвигались почти параллельно друг другу. 8 декабря они встретились. Поле, на котором решилась судьба южноамериканской свободы, называется Аякучо, что означает по-индейски «угол мертвых». Оно расположено на небольшом плато на высоте 3400 метров над уровнем моря, невдалеке от древней столицы инков Куско. На нем в то время росли редкие кустарники и хилые хинные деревца.

9 декабря в десять часов утра обе армии были готовы к последнему решительному сражению. Сукре обратился с краткой речью к своим бойцам: «От ваших усилий зависит судьба Южной Америки». Солдаты ответили здравицей в честь независимости. Сукре обещал повысить в чине всех солдат, отличившихся на поле боя. Перед началом сражения из рядов обеих армий выступили перед фронтом те, у кого на стороне противника были родные или знакомые, и простились с ними. Сукре был уверен в победе, хотя у неприятеля было вдвое больше солдат, к тому же он располагал мощной артиллерией, в то время как у патриотов была всего лишь одна пушка.

Имеется много описаний исторического сражения при Аякучо, в том числе очевидцев, но, на наш взгляд, самым красноречивым и лаконичным является то, которое оставили нам К. Маркс и Ф. Энгельс в статье, опубликованной в 1858 году в «Новой американской энциклопедии».

Силы испанцев «составляли 13 батальонов пехоты с артиллерией и кавалерии, всего 9310 человек. 8 декабря 1824 года вступили в бой авангарды обеих армий, а на следующий день Сукре повел в атаку 5780 человек. 2-я колумбийская дивизия под командованием генерала Кордоба атаковала левый фланг испанской армии и сразу привела его в расстройство. Перуанская дивизия на левом фланге под командованием генерала Ла Мара встретила более упорное сопротивление и не смогла продвинуться вперед, пока не прибыли резервы под

командованием генерала Лара. Когда после этого отступление неприятеля стало всеобщим, в преследование была брошена кавалерия, которая рассеяла испанскую конницу и завершила разгром пехоты. У испанцев было убито 6 генералов; они потеряли 2600 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен; в числе последних был и вице-король. Потери южноамериканцев составляли: 1 генерал и 308 офицеров и солдат убитыми, 520 ранеными, среди них 6 генералов. На следующий день генерал Кантерак, к которому теперь перешло командование испанской армией, подписал капитуляцию, по условиям которой не только он и все его войска становились военнопленными, но все испанские войска в Перу и все военные посты, артиллерия, склады, а также вся перуанская территория, которая еще находилась в руках испанцев (Куско, Арекипа, Пуно, Килька и пр.), передавались повстанцам. Численность войск, переданных таких путем в качестве военнопленных, достигала в целом почти 12000 человек. Таким образом с испанским владычеством было окончательно покончено…»[23]

— Хотя испанцы находились в таком положении, что от них можно было требовать безоговорочной капитуляции, — докладывал Сукре Боливару, — я считал, что нам следовало отнестись с некоторым великодушием к врагу, который держался в Перу в течение четырнадцати лет. Поэтому я принял капитуляцию на поле боя. Она включала пленение испанской армии на всей территории, ею оккупированной, сдачу всего военного снаряжения и крепости Кальяо. Победа одержана. В награду я прошу вас оказывать мне и впредь ваше дружелюбие и доверие.

Боливар, получив сведения о победе в Аякучо, радостно воскликнул: «Победа, победа, победа!» Тридцатилетний Сукре был произведен им в маршалы Аякучо. Наконец Перу освобождено, а с ним и вся Южная Америка!

Генерал Кантерак, сдавшийся на милость победителя, 12 декабря 1824 года направил послание, адресованное «Его превосходительству сеньору Освободителю дону Симону Боливару». В нем испанский генерал писал: «Как поклонник славы, хотя и поверженный в прах, не могу не поздравить Ваше превосходительство с победой при Аякучо, венчающей ваши достижения в Перу. В связи с этим имею честь поздравить Вас от имени испанских генералов и сообщить Вам, что можете располагать мной по своему усмотрению». Этот довольно курьезный документ завершался фразой: «Ваш преданный и покорный слуга, который целует ваши руки, Хосе де Кантерак».

Боливар ответил своему недавнему врагу: «Господин генерал,

я получил Ваше уважаемое письмо с большим удовлетворением. Вы меня поздравляете с успехами нашего оружия. Говоря правду, этот великодушный жест достоин благодарности. К сожалению, я не могу с моей стороны поздравить Вас с тем же, но я должен сказать, что Ваше поведение в Перу заслуживает признания Ваших противников. Совершенное Вами в этой стране в некоторой степени представляется чудом… Вы один смогли задержать освобождение Нового Света, продиктованное природой и судьбой. Под конец, дорогой генерал, Вы можете себя утешить, что мужественно выполнили свой долг и что завершили свою карьеру славной капитуляцией в Перу. Ваш покорный слуга Боливар».

Победой при Аякучо закончилась война за независимость. Новый Свет, открытый Колумбом и покоренный конкистадорами, перестал быть испанским и обрел свободу. Пятнадцать лет провели Боливар и его соратники в скитаниях, походах и сражениях. Народы Южной Америки ценой больших жертв завоевали независимость. Мечта стала былью. Но что же следовало делать дальше?

ГОСУДАРСТВО БОЛИВАР

Я вхожу в ужасный лабиринт…

Симон Боливар

Итак, здание испанской колониальной империи рухнуло окончательно и бесповоротно.

Правда, генерал Оланьета еще не сложил оружия в Горном Перу, на фортах крепости Кальяо еще развевается испанский флаг, на острове Чилоэ остатки колонизаторов еще оказывают сопротивление чилийским патриотам, а у берегов Перу еще рыщет испанская эскадра, но эти последние очаги испанского сопротивления вскоре будут подавлены.

Испанская Америка свободна, но свобода досталась дорогой ценой. В пятнадцатилетней войне за независимость погибло свыше миллиона человек, то есть приблизительно столько же, сколько за весь период наполеоновских войн в Европе. Великая Колумбия при населении в три миллиона потеряла свыше полумиллиона человек.

В ходе войны были уничтожены огромные материальные ценности: разрушены города и селения, порты, дороги и мосты; заброшена разработка рудников и приисков, большой ущерб нанесен сельскому хозяйству.

С изгнанием испанцев торговцы и помещики только и думали, как бы побыстрей наверстать упущенное, поскорее наполнить свои карманы и вновь обуздать народные массы. Республиканские законы, провозглашавшие демократические свободы и обещавшие народу различные облегчения, не соблюдались. Несмотря на это, многие. руководители движения за независимость именно в новых законах, в их чрезмерном либерализме, а не в алчности и эгоизме торгашей и плантаторов видели корень зла, основную причину всех несчастий.

Как же быть дальше, по какому пути идти? В какой части света найти пример, достойный подражания? Эти вопросы задавали себе Боливар и другие вожди освободительного движения, которым были дороги и близки интересы их народов.

В просторном кабинете загородного дворца Магдалены, бывшей летней резиденции вице-королей Перу, на большом столе из красного дерева разбросаны карты западного полушария. Боливар нервно ходит по кабинету и говорит своему адъютанту ирландцу О'Лири:

— Посмотрите внимательно на карту. На севере вы увидите

США, нашего могучего соседа, дружба которого к нам основана на арифметике: даю тебе столько-то. а взамен хочу вдвое больше. Соединенные Штаты захватили Флориду. Сантандер мне пишет, что они зарятся на Кубу и Пуэрто-Рико. Если мексиканцы позволят, то они проглотят Техас да, пожалуй, и всю Мексику. Испанцы для нас теперь не опасны, главную опасность представляют англосаксы; они могущественны, беспощадны, ненасытны. Мексиканцы совершили большую ошибку, провозгласив Итурбиде императором. Мы воевали против испанского деспотизма не для того, чтобы заменить его своим собственным. Мексика вряд ли сможет защитить свою независимость без поддержки Великой Колумбии, а мы сами не сможем устоять перед испытаниями, которые нас ожидают, без поддержки других республик. Независимость мы завоевали, но наша страна разрушена, а государственные деятели думают каждый только о своих интересах. Сантандер заботится лишь о Новой Гранаде.

Паэс не желает подчиняться Боготе, эквадорцы стремятся обособиться. Положение в Перу тоже не из легких. Перуанскую независимость завоевали колумбийцы, президент Перу — колумбиец, разве с этим могут согласиться гордые перуанцы? Они нас терпят, но не любят. Горное Перу, на которое претендуют Перу и Аргентина, по всей вероятности, отделится и образует независимую республику, что нас перессорит с Лимой и Буэнос-Айресом. В Чили и Аргентине бушует гражданская война. Этим не преминет воспользоваться император Бразилии. Он наверняка попытается захватить Монтевидео и — кто знает! — может быть, и Горное Перу.

— Какой же выход видите вы из этого лабиринта, Освободитель? — спросил О'Лири.

— Выход один — в объединении республик вокруг Великой Колумбии. Только одна Колумбия свободна от междоусобиц и анархии, ее армия победила испанцев и освободила половину Америки. У нас будут одна власть, одни законы, одна и та же денежная система. Тогда нам не станут страшны ни внешние враги, ни внутренние. По своей силе мы сравнимся со Священным союзом. Мы привлечем на свою сторону Англию, она ведь мечтает торговать с нами. При ее поддержке мы поставим на место Соединенные Штаты. Разрешив внешние проблемы, разрешим и внутренние, улучшим благосостояние народа, разовьем сельское хозяйство, промышленность, сделаем просвещение доступным всем слоям населения. На свершение этого, пожалуй, потребуется столько же сил и энергии, сколько ушло на борьбу с испанцами, но я уверен, что и тут мы одержим победу.

Одним из первых актов Боливара после победы при Аякучо был манифест о созыве перуанского конгресса. Еще до этого он направил колумбийскому сенату свою отставку с поста президента Великой Колумбии. Разве не утверждал он в течение многих лет, что первый день мира будет последним днем его власти? Теперь он готов выполнить и это обещание.

Авторитет Освободителя никогда не был столь неоспорим, как в дни после победы при Аякучо. 8 февраля 1825 года копгресс Колумбии единодушно отверг отставку Боливара, подтвердив его президентские и военные полномочия. А ведь тот же перуанский конгресс лишил его накануне Аякучо всякого права командовать колумбийскими войсками в Перу. Теперь же, когда испанцы были побеждены, никто не вспоминал об этом.

Когда собрался конгресс в Лиме, Боливар представил ему отчет о своей гражданской и военной деятельности. Он рассказал о разделе земли между индейцами, об основании общества «Друзей страны», призванного способствовать экономическому развитию республики, о подготовке гражданского и уголовного кодексов, об учреждении генерального горнорудного управления, об открытии школ и колледжей. Описав героические подвиги освободительной армии, Боливар обещал вернуть колумбийских солдат на родину. С окончанием войны пребывание иностранных солдат на территории Перу было бы для этой страны «бесчестьем», сказал Освободитель. В заключение он сложил с себя обязанности президента.

— Это будет самый черный день для Перу, — воскликнул в ответ председатель конгресса, — если скромность Боливара восторжествует над желанием конгресса! Боливар должен остаться на своем посту.

— Нет, если вы меня вновь изберете, будущее поколение покроет вас позором. Я иностранец и не могу представлять вашу нацию. Я чужой в вашей молодой республике.

Конгресс остался глух к аргументам Боливара. Депутаты единодушно постановили продлить диктаторские полномочия Освободителя вплоть до открытия учредительного собрания, которое должно было собраться в 1826 году для выработки конституции. Боливар согласился.

Он создал правительство из перуанцев, которому поручил управление страной.

Однажды Боливар вошел в приемную дворца Магдалены и среди ожидавших посетителей увидел знакомую фигуру коренастого человека в очках, в потертом сюртуке и истоптанных башмаках. Боливар быстро подошел к нему, обнял и расцеловал.

— Это невероятно! — воскликнул тронутый до слез Симон

Родригес. — После стольких лет вы сразу узнали меня.

— Виной всему ваш сюртук. Ведь это тот самый, который был на вас, когда мы находились на Священном холме в Риме?

— Я не менял одежды, а вы не изменили характера.

Боливар увел Родригеса в свои покои.

— Учитель, я рад, что вы приехали в Лиму. У нас здесь непочатый край работы.

— Знаю. Поэтому я вернулся из Европы. Мне сказали, что вы, Освободитель, готовитесь покинуть Америку, как только закончите свои дела. Если речь идет об обеспечении свободы, то, я думаю, вам еще придется надолго задержаться в этих краях.

— С вами, учитель, дела пойдут быстрее. Я вас назначу директором и генеральным инспектором народного образования — иначе говоря, вы будете министром просвещения. Открывайте школы, воспитывайте новое поколение — ему предстоит закончить начатое нами дело.

— С радостью принимаю ваше предложение. Республику должны строить новые люди, а новых людей нужно воспитать. Нам нужны не болтуны и пустомели, а инженеры, строители, химики, ботаники, математики.

— Дорогой Робинзон, я собираюсь посетить южные области республики, древние города инков Куско, Арекипу, места, где жил и сражался за свободу славный Тупак Амару, о котором вы мне столько рассказывали в детстве. Приглашаю вас поехать со мной. Теперь мы сможем не только наблюдать, как люди страдают, но сделать кое-что полезное для них. Такая возможность бывает раз в столетие. Мы должны ею воспользоваться.

И вот, как двадцать лет назад, два Симона вновь путешествуют вместе. По дороге Боливара и его свиту встречают с королевскими почестями. В городах местные власти дарят Освободителю золотые и бриллиантовые украшения, сабли, лавровые венки из серебра и платины, дорогие мундиры, шляпы и седла.

Особенно радостно встретили Боливара в Куско, древней столице инков. Боливару преподнесли корону, золотые ключи города и много разных драгоценностей. Боливар охотно принимал эти дары и раздавал их своим подчиненным, отличившимся в войне за независимость. Корону он послал Сукре, который, в свою очередь, передал ее конгрессу Колумбии, золотые ключи отдал генералу О'Лири, много ценных предметов получили простые солдаты.

Принимая подношения, Боливар проверял, не приобретены ли они за счет казны. Там, где он обнаруживал, что местные власти проявляли свою щедрость за государственный счет, он

заставлял их возмещать все расходы.

В Куско, обозревая руины грандиозных строений инков, Боливар заметил:

— Эти развалины великолепных дворцов и храмов напоминают нам о наших обязательствах по отношению к потомкам их строителей.

В столице древних инков Боливар основал политехнический колледж, распорядился выделить место для гражданского кладбища, принял меры для постройки дорог.

Боливар говорил:

— Народ, давший таких борцов за свободу, как Манко Капак, Уаскар, Атауальпа, Тупак Амару, достоин не только свободы, но и счастья.

В Куско Боливар издал постановление, которое после отмены рабства было самой серьезной попыткой улучшить положение местного населения. Боливар запретил принудительный труд (миту) индейцев в рудниках, на строительстве дорог и церквей, в факториях и поместьях.

Соответствующий декрет обязывал хозяев поместий и рудников выплачивать крестьянам и шахтерам заработок деньгами, запрещал завышать цены на продовольствие. «Никто не имеет права заставлять кого-либо работать, не заключив предварительно договор, в котором указана плата за труд».

Властям поручалось следить за выполнением этого декрета и в случае его нарушения привлекать к ответственности и наказывать виновных.

Родригес присутствовал при том, как Боливар диктовал текст декрета своему адъютанту и секретарю ирландцу О'Лири.

— Если бы Тупак Амару мог дожить до этого! Наконец-то несчастные индейцы перестанут быть рабами! Их хозяева не простят нам этого, — сказал Родригес, обращаясь к Боливару.

— Я знаю. Мы справились с испанцами, справимся и с их последышами. Для перуанских аристократов, для всех этих Рива-Агуэро и Торре Тагле мы, колумбийцы, всего лишь презренные мулаты и самбо, проповедующие всеобщее равенство. Что же, попытаемся оправдать столь лестное о нас мнение.

***

Сукре после победы при Аякучо, не теряя времени, направился в Горное Перу, где все еще держался Оланьета, решивший сражаться за короля до последней капли крови. У него было около шести тысяч солдат, что делало его довольно

опасным противником. Но солдаты Оланьеты разбирались в создавшемся положении лучше своего генерала. Они не сомневались, что война с испанцами уже проиграна, и по мере приближения освободительной армии к столице Горного Перу Ла-Пасу гарнизоны врага сдавались или отступали в глубь страны.

7 февраля Сукре вошел в Ла-Пас, уже освобожденный партизанскими отрядами. Несколько дней спустя солдаты Оланьеты восстали и убили своего недавнего вожака. Со смертью Оланьеты прекратилось сопротивление испанцев.

Горное Перу стало свободным.

Еще по дороге в Ла-Пас Сукре под давлением местных патриотов объявил о созыве учредительного собрания провинций Горного Перу, которое должно было решить дальнейшую судьбу этой области. Все указывало на то, что учредительное собрание провозгласит независимость этого региона.

Горное Перу с 1776 года входило в состав вице-королевства Ла-Платы, до этого оно было частью Перу. Таким образом, на его территорию могли претендовать как перуанцы, так и аргентинцы.

Боливар вначале не одобрил решения Сукре. Он опасался осложнений с перуанцами и аргентинцами, считал, что независимость Горного Перу послужит плохим примером Эквадору.

Только ознакомившись более детально с настроением местного населения, требовавшего самостоятельности, Боливар согласился с действиями Сукре. Заинтересованные в поддержке Боливара против Бразилии, посягавшей на Монтевидео, аргентинцы признали право населения Горного Перу на самоопределение. Об этом говорилось в решении учредительного собрания Объединенных провинций Ла-Платы (так называлась тогда Аргентина), принятом 9 мая: «Хотя четыре провинции Горного Перу всегда принадлежали этому государству, учредительное собрание постановляет предоставить им полную свободу решать свою судьбу соответственно их интересам и благополучию».

10 июля 1825 года в городе Чукисаке собралось учредительное собрание Горного Перу в составе 39 депутатов. Собрание единодушно постановило провозгласить независимость и присвоить новому государству название Республики Боливара (вскоре оно было переименовано в Боливию), а самого Боливара избрать президентом на время его пребывания на территории республики.

В августе Боливар покидает, Куско, пересекает горное озеро Титикака, расположенное на высоте четырех тысяч метров, и спускается на дно огромной котловины потухшего вулкана, где

расположен Ла-Пас — столица государства, носящего его имя[24].

Здесь Боливара посетила делегация депутатов. Она сообщила ему решения учредительного собрания и передала просьбу этого органа составить конституцию для нового государства.

Из Ла-Паса Боливар и сопровождавшие его лица направились в Потоси, город, имя которого Освободитель неоднократно упоминал в своих выступлениях. Легендарное Потоси, лежащее у подножия серебряной горы, служило символом богатства и могущества Испанской колониальной империи. В самые трудные моменты борьбы за свободу Боливар обещал своим солдатам довести их до Потоси.

Боливар и его сподвижники поднялись на вершину серебряной горы и водрузили там флаги Колумбии, Чили, Перу и Аргентины как символы освобождения Южной Америки от колониального рабства.

— Победа привела нас сюда с атлантического берега, — сказал Боливар, обращаясь к своим товарищам. — В течение пятнадцати лет мы постоянно приносили жертвы. Мы разрушили здание тирании, выстроенное узурпаторством и непрерывным насилием. Попирая эту гору, серебряные жилы которой питали испанскую казну в течение трехсот лет, я заявляю, что эти несметные сокровища ничто по сравнению со славой, покрывшей тех, кто принес сюда знамена свободы с жарких берегов реки Ориноко и водрузил их на этой горе, являющейся предметом удивления и зависти людей всего мира.

В Потоси Боливар объявил о конфискации принадлежавших испанцам рудников, отменил наиболее тяжкие для индейского населения налоги и повинности. Были учреждены гражданские кладбища, строились новые дороги. Сирот направляли в приюты. Симон Родригес был назначен министром просвещения новой республики.

В Потоси к Боливару приехали посланцы аргентинского конгресса с просьбой помочь Аргентине в ее войне с Бразилией. За это они обещали поддержать Боливара в качестве верховного вождя и протектора Южной Америки. Несколько недель вел Боливар переговоры с аргентинцами. Он мечтал руководить освободительным походом на Бразилию, свергнуть бразильскую монархию — союзницу европейского деспотизма. А потом, когда вся Америка будет свободна, не настанет ли час подать руку европейцам, помочь и им освободиться от тирании и рабства?

Боливар пишет письма Сантандеру, Паэсу и другим своим сподвижникам с просьбой поддержать его план. Он готов войти в союз с Буэнос-Айресом и воевать с Бразилией. Соратники пытаются отговорить его от этих, как они утверждают,

химерических проектов. Отовсюду ему пишут, что люди устали от войн, разрушений, нищеты — все желают мира и только мира. Враги Боливара распространяют нелепые слухи, будто бы он одержим манией величия и желает затмить славу Александра Македонского и Наполеона. «Нет, войну с Бразилией ни гранадцы, ни венесуэльцы не поддержат», — констатирует Боливар.

Но идея объединения республик в одно целое не оставляет Освободителя. Если нельзя осуществить ее с помощью боевого содружества, он добьется этого путем мудрейшего и справедливейшего правления республикой, носящей его имя. Он превратит государство Боливар в подлинную республику философов, где будут господствовать справедливость и равноправие, и тогда вокруг нее объединятся все другие страны Испанской Америки.

Возвратившись в Лиму, Боливар засел за работу. «Я пишу конституцию для этой страны, — сообщал он Сантандеру, — сильную и стройную, не нарушающую права законодательной, исполнительной и судебной властей и отменяющую все привилегии и несправедливости, начиная с рабства».

И действительно, конституция Боливара провозглашала равенство всех граждан перед законом, основные демократические свободы, республиканскую форму правления. Она отделяла церковь от государства. Кроме сената и палаты депутатов — трибунов, она учреждала палату цензоров.

Цензоры должны были нести ответственность за духовное благополучие нации; им вменялось в обязанность воспитывать молодое поколение в духе патриотических традиций, следить за соблюдением законов. Цензоры избирались пожизненно, сенаторы — сроком на восемь лет, трибуны — на четыре года. Граждане могли представлять только списки кандидатов, из которых члены каждой палаты выбирали себе преемников. От голосования были отстранены неграмотные, челядь и сельскохозяйственные рабочие, иначе говоря, подавляющее большинство населения.

Конституция предусматривала избрание пожизненного президента, который назначал вице-президента с правом наследования.

Последнее обстоятельство вызвало много нареканий со стороны современников Боливара и прогрессивных деятелей последующих поколений. Освободителя упрекали в том, что, учреждая пожизненное президентство, он намеревался стать некоронованным королем и подавал пример последующим демагогам-диктаторам, неоднократно ссылавшимся на него для

оправдания своих действий. Но так ли было в действительности?

Внимательный анализ боливийской конституции и высказываний ее творца заставляет усомниться в этом. «Новым государствам было необходимо укрепиться, а для этого им нужна была стабильная власть», — утверждал Боливар, защищая свою идею пожизненного президента. «Посмотрите на Россию, — говорил Боливар, — она стала могучей державой, избирая князей на пожизненное правление, а Гаити добилась свободы и благоденствия, назначив Петиона пожизненным президентом».

Конституция не наделяла президента диктаторской властью — более того, законодательная власть принадлежала только парламенту. Таким образом, президент превращался как бы в конституционного монарха. Боливар надеялся, что такая форма правления предотвратит анархию и злоупотребления господствующих классов.

Когда Боливар писал свою конституцию, в южноамериканских республиках не было политических партий, не было лидеров, которые выступали бы с ясными политическими программами, способными объединить вокруг себя обездоленные массы. Зато были десятки генералов, зачастую политически невежественных, порою и довольно беспринципных, мечтавших о власти. Периодические выборы открывали перед такими деятелями возможность с помощью сильных мира сего захватывать президентские кресла и использовать власть не в интересах народа, а в личных целях и в интересах привилегированных кругов, оказавших им поддержку. Именно так происходило во многих республиках после завоевания независимости. Этого хотел избежать Боливар своей конституцией. Гарантией тому должен был служить просвещенный президент, опирающийся на парламент.

Боливар, следуя учению просветителей XVIII века, считал, что народ нуждается в бескорыстных опекунах, знающих, как улучшить его долю. Народ инстинктивно способен поддерживать правильные решения, хотя и не может их осуществить без помощи выдающихся людей, — утверждал Освободитель.

Когда через несколько лет разработанная им конституция будет отвергнута не только Боливией, но и Перу и Новой Гранадой, Боливар сочтет это признаком того, что народ находится под влиянием латифундистов, церковников и магнатов.

— У нас, — скажет тогда Боливар своему адъютанту Перу де ла Круа, — свободой и всевозможными гарантиями пользуются представители власти, духовенство и богачи, а не народ, пребывающий в рабском состоянии. Его положение не

улучшилось и не улучшится при самой либеральной конституции. Колумбийская аристократия, возвысившаяся благодаря должностям и богатству, претендует на такое же значение и влияние на народ, какое имела самая деспотическая титулованная и родовая аристократия в Европе. В ряды нашей аристократии входят представители духовенства, адвокаты, военные и богачи. И хотя они говорят о свободе и конституциях, но желают их только для себя, а не для народа, который, по их мнению, так и должен продолжать жизнь под их гнетом. Они добиваются равенства, но имеют в виду лишь равенство среди высших классов, а не высших с низшими. Несмотря на весь их либерализм, они предпочитают рассматривать низшие классы как своих вечных крепостных.

Это была демократия типа Соединенных Штатов, которой хотел избежать Боливар.

— Нам лучше перейти в магометанскую веру, чем перенять способ правления США, — говорил Освободитель. — Если мы пойдем этим путем, то завещаем грядущим поколениям новый колониализм.

Боливийский конгресс одобрил конституцию, предложенную ее создателем. Боливар убедил Сукре занять пост президента. Маршал согласился, но не пожизненно, а только на два года. Вскоре и конгресс Перу принял конституцию Боливара с оговоркой, что это решение вступит в силу после ее утверждения Великой Колумбией.

Таким образом огромная территория Южной Америки от Панамского перешейка до границ Аргентины, превосходящая по своим размерам Европу, оказалась в подчинении у Боливара. Как управлять такой территорией? Нельзя ли создать из новых республик союз — Андскую конфедерацию? Боливар настойчиво, но безуспешно убеждает соратников и друзей в необходимости такого союза. Идея образования Андской конфедерации южноамериканских республик во главе с Боливаром встретила сильное сопротивление среди патриотов. Некоторые из них видели в этом проекте только желание венесуэльских военных воспользоваться плодами победы в ущерб интересам других республик. Были и такие, которые опасались, что Боливар пойдет по пути Наполеона и в конце концов провозгласит себя императором. Эти опасения имели некоторые основания.

Европейские державы через своих агентов в Южной Америке убеждали патриотов, что новые республики могут упрочить свою независимость только путем установления монархического образа правления.

Некоторые венесуэльские генералы, как, впрочем, и военные

других республик, ставили личные интересы выше общественных. Они не прочь были провозгласить Боливара императором. Причем одни считали, что в этом случае их положение укрепится, а другие предлагали Боливару корону в надежде таким образом избавиться от него — ведь Боливара-императора было бы легче устранить, чем Боливара-Освободителя.

Паэс писал Боливару: «Колумбия похожа на Францию в дни, когда Наполеон был в Египте и когда его призывали самые видные люди революции для ее спасения. Вы должны стать Бонапартом Южной Америки, ибо эта страна непохожа на родину Вашингтона». Хотя Паэс потом отрицал, что это письмо было написано им, однако его авторство установлено.

Сестра Боливара Мария Антония предупреждала его о такого рода интригах в 1826 году:

«Теперь посылают к тебе уполномоченного с предложением короны. Ответь на это подлое предложение словами, которые ты произнес в Кумане в 1814 году, что ты будешь «освободителем или трупом»… Остерегайся тех, кто заговорит с тобой о короне, ибо это твои враги. Помни о Бонапарте, Итурбиде и им подобных, судьба которых тебе известна. Я знаю, что ты думаешь об этом, и верю, что ты не способен на такой шаг, но не удержалась и высказала тебе мои сокровенные мысли. Ты ведь знаешь, как дорого мне твое счастье».

Боливар отказался слушать тех, кто соблазнял его титулом императора. Он ответил Паэсу: «Мне суждено быть Освободителем — это мой старый мундир. Звание Освободителя для меня ценнее всего, я не думаю обесчестить себя, сменив его на трон императора. Мы не похожи ни в чем на французов. Благодаря республике Колумбия приобрела славу и благополучие. Республика дала нам законы и свободу… Трон вызовет страх… Равенство будет отменено, возникнет новая аристократия, а цветные расы будут считать, что их права окончательно утрачены. Я откровенно признаюсь: этот план не подходит ни для Вас, ни для меня, ни для страны».

Итак, не Симон I, император Анд, а Боливар Освободитель — президент Андской конфедерации — вот к чему стремился каракасец.

Никто из соратников Боливара не мог претендовать на роль руководителя Андской конфедерации. Ни у Сантандера, ни у Паэса, ни у Сукре, не говоря уже о других, не было такого «континентального», как тогда говорили, авторитета, каким пользовался Боливар. Никто из них не рассчитывал стать его преемником на посту вождя Южной Америки. Будучи уверенными, что Андская конфедерация не переживет своего

создателя, они открыто или тайно сопротивлялись ее учреждению.

Сантандер прямо заявлял Боливару, что следует распустить Великую Колумбию, пусть каждая из ее трех частей — Эквадор, Новая Гранада и Венесуэла — станет самостоятельной республикой: «Федерация к добру нас не приведет, у нас ежегодно будут восстания в Кито и Венесуэле. И если мы применим оружие для их подавления, это вызовет нескончаемые войны, которые неизбежно истощат нас… Федерация наших слабых республик приведет к тому, что мы вновь попадем под власть испанцев».

Боливар, однако, упорно верил, что ему удастся убедить как своих ближайших сподвижников, так и руководителей других республик в необходимости объединения. Еще в 1823 году он предложил созвать конгресс всех латиноамериканских республик в Панаме. Освободитель надеялся, что конгресс одобрит его план создания конфедерации. Боливар считал, что объединение новых республик не только укрепит их независимость, но и будет способствовать решению многих внутренних и межгосударственных политических и экономических проблем, унаследованных от колониального режима.

Направляя тогда своих представителей к руководителям других республик, Боливар разъяснял им: «В настоящий момент нет ничего важнее для правительства Колумбии, чем учреждение подлинно американской лиги наций. Предлагаемая конференция не должна вдохновляться исключительно идеей обычного союза в целях обороны или возмездия. Напротив, наше объединение должно быть более тесно скреплено, чем союз, созданный недавно европейскими державами в их попытке лишить народы свободы. Наше объединение должно быть лигой родственных наций. Хотя до сего времени по ряду причин каждая из них осуществляла право суверенитета индивидуально, если они объединятся и объединят силы и ресурсы, они смогут противостоять чужеземной агрессии.

Вы должны убедить их в том, насколько необходимо немедленно начать закладку фундамента союза соседствующих государств или ассамблеи полномочных представителей, способной отстаивать интересы американских государств и быть посредником в спорах между государствами, которые, хотя они и связаны общностью обычаев и деятельности, могут из-за отсутствия соответствующего института дать разразиться достойным сожаления конфликтам, подобным тем, которые возникли в других районах, находящихся в менее благоприятных условиях».

Тогда это предложение не встретило поддержки: слишком неустойчивым было политическое положение во многих республиках. Теперь же, после победы у Аякучо, Боливар вновь вернулся к своему прежнему проекту.

Сантандер и на этот раз выступил против плана Боливара. Он убеждал Освободителя, что Англия обеспокоена созывом континентального конгресса. Вопреки указаниям Боливара вице-президент Колумбии пригласил на панамский конгресс представителя США. Сантандер писал Боливару, что с окончанием войны он считает главной задачей добиться мира с Испанией и дипломатического признания со стороны великих держав, а этого будет якобы легче достигнуть, действуя в одиночку, чем коллективно. «У нас огромный дефицит, — писал вице-президент. — Мы расходуем ежегодно от 16 до 18 миллионов песо, а в казну поступает не больше 8 миллионов. Единственный выход из этого положения — сократить расходы на армию и отказаться от военного флота».

Нет, отвечал ему Боливар. Идя по этому пути, новые республики ослабеют настолько, что ими без труда завладеют великие державы. Нечего в угоду иностранным торгашам снижать таможенные налоги, следует повысить их, это пополнит республиканскую казну. Конфедерация сможет располагать 100-тысячной армией, которая освободит Кубу и Пуэрто-Рико и поможет испанскому народу сбросить с себя ярмо королевской тирании.

Боливар призывал к объединению республик для участия во всеобщей войне «народов против тиранов». Патриотам, утверждал он, необходимо добиваться нового политического равновесия в мире, которое лишило бы абсолютистскую Европу возможности покорять другие части света.

Были ли его проекты уж столь безосновательны? Например, посол Франции в Мадриде Мустье считал вполне реальной возможностью успешное вторжение колумбийцев в Испанию. В испанских портах, сообщал Мустье в Париж, наблюдается большое беспокойство в связи с действиями колумбийских корсаров. В этих портах, по словам Мустье, все большее число людей считает, что если появится у берегов Испании американская повстанческая эскадра, то будет невозможно задержать революционный взрыв.

Боливар так сформулировал основные цели конгресса в инструкциях перуанской делегации. Создание постоянной конфедерации, союза или лиги, действующей в условиях мира и войны, против любой страны, пытающейся подчинить себе Америку частично или полностью. Взаимные гарантии

независимости, свободы и территориальной целостности. Заключение союзов с иностранными державами лишь при наличии обоюдного согласия, Обязательное вынесение всех конфликтов на рассмотрение постоянного конгресса, не прибегая к войне. Запрещение работорговли и создание объединенных вооруженных сил. И наконец, осуждение войн и политики завоеваний в отношениях, складывающихся между народами и правительствами.

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Революция — это стихия,
которой трудно управлять.

Симон Боливар

Созванный по предложению Боливара континентальный конгресс в Панаме должен был состояться еще в 1825 году, вскоре после победы при Аякучо. Но прибывшие в Панаму перуанские делегаты вынуждены были ожидать шесть месяцев, пока к ним присоединились представители Колумбии. Наконец в июне 1826 года явились посланцы Мексики и Гватемалы, и 22-го числа того же месяца в здании местного францисканского монастыря открылся континентальный конгресс.

Впрочем, вряд ли можно столь громко назвать Панамскую встречу, в которой участвовало всего лишь восемь человек — по два делегата от каждой представленной республики. Делегат США явился после закрытия конгресса. Опоздал на конгресс делегат Боливии. В качестве наблюдателей присутствовали представители Англии и Голландии. Ни Чили, ни Аргентина своих делегатов не послали.

Конгресс заседал до 25 июля. Он принял резолюцию о «вечной конфедерации» испано-американских республик, договоры о взаимной защите и о запрете работорговли. И все же ни одна из республик, даже Великая Колумбия, не ратифицировала решений конгресса.

Континентальный конгресс постановил собираться раз в два года в городе Такубайе (Мексика). Это сильно обеспокоило Боливара. Близость Такубайи к США позволила бы североамериканскому правительству влиять в выгодном для него направлении на испано-американские республики. Конгресс в Панаме, писал Боливар, уподобился греческому безумцу, который с берега пытался управлять плывущим в море кораблем.

Боливар пытался преуменьшить значение панамского фиаско. Он характеризовал конгресс как своего рода театральный трюк. Своим друзьям он говорил:

— Я созвал конгресс в Панаме, с тем чтобы вызвать сенсацию. Я хотел, чтобы имя Колумбии и других южноамериканских республик приковало к себе внимание всего мира. Я никогда не думал, что американская лига будет рождена этим конгрессом, подобно тому как Священный союз был создан конгрессом в Вене.

В наше время идеологи империализма провозглашают

Боливара творцом так называемой «панамериканской солидарности». В действительности же Боливар решительно выступал против привлечения США к союзу испано-американских республик. Американцы Севера, писал он в 1825 году, «для нас чужестранцы. Поэтому я никогда не соглашусь на то, чтобы приглашать их улаживать наши американские дела… Я очень рад, что Соединенные Штаты не войдут в федерацию».

Впрочем, тогда США и не помышляли участвовать в союзе испано-американских республик. Этот союз мог укрепить бывшие испанские колонии, в чем вовсе не были заинтересованы правящие круги Вашингтона. Достаточно сказать, что даже такой прогрессивный североамериканский деятель, как президент Джефферсон, выражал надежду, что новые республики не сплотятся воедино и не превратятся в равноправного соседа США.

Правительство северной державы намеревалось воспользоваться войной за независимость для того, чтобы захватить Кубу и превратить ее в свой резервуар дешевого рабского труда.

Еще в октябре 1824 года Джефферсон писал Монро: «Я откровенно признаюсь, что всегда смотрел на Кубу как на наиболее интересное дополнение, которое когда-либо можно было сделать к системе наших штатов». В том же году государственный секретарь Джон Адамс сообщал американскому послу в Мадриде, что аннексия Кубы «является необходимой предпосылкой целостности США».

После Аякучо правительство США предупредило Боливара, что оно не позволит патриотам оказать помощь освобождению Кубы. В 1826 году Сантандер сообщал Боливару: «Ревенга (колумбийский министр иностранных дел. — *И. Л.*) информирует Вас конфиденциально о демарше, предпринятом США с целью побудить нас воздержаться от экспедиции на Кубу. Гавана представляет собой самый важный торговый пункт для США; и так как торговля является подлинным божеством американцев, то они боятся, что независимость этого острова отразится неблагоприятно на их интересах».

Правительство США в инструкциях своему представителю на панамском конгрессе предписывало заявить делегатам, что Соединенные Штаты против любого изменения статуса Кубы. США возражали не только против того, чтобы Куба отошла от Испании под власть какой-либо другой европейской державы, но также и против ее присоединения к какой-либо из республик Южной Америки. До сих пор, указывалось в инструкциях, эти республики боролись за свою собственную независимость, имея на своей стороне добрую волю и сочувствие большей части мира,

в частности Соединенных Штатов. Но если они предпримут военные действия против испанцев на Кубе, это будет равнозначно захватнической войне. Такая война независимо от ее результатов нанесла бы ущерб интересам других держав, которые, несмотря на свой нейтралитет, не могли бы спокойно взирать на происходящие события.

США считали освобождение Кубы преступлением, а свои захватнические войны против Мексики и других латиноамериканских республик — благодеянием для человечества.

Правительство США угрожало силой помешать освобождению Кубы, содействуя тем самым дальнейшему закабалению кубинского народа, который оставался под гнетом испанских колонизаторов еще 75 лет.

На Кубе и Пуэрто-Рико испанцы продолжали накапливать войска и оружие, угрожая новым вторжением в Южную Америку. Это заставляло республиканские правительства тратить большие средства на вооружение, средства, которые охотно предоставлялись на основе кабальных займов Англией и теми же США. Такова была «арифметическая» политика США, которую открыто и решительно осуждал Боливар.

***

Война закончилась, но порожденные ею страсти продолжали кипеть на всем протяжении бывшей Испанской Америки. Не проходило дня, чтобы во дворец Магдалены в Лиме не поступали к Боливару тревожные известия со всех концов освобожденной им огромной территории. Восставали солдаты, которым месяцами не платили жалованья, крестьяне, требовавшие обещанной земли, рабы — долгожданной свободы, генералы, мечтавшие стать президентами, фанатики церковники, недовольные просветительной политикой правительства, сторонники федеративной системы правления против сторонников сильной центральной власти и наоборот, плели заговоры сообщники испанцев, не терявшие надежды на возвращение старых порядков.

«Индейцы не хотят платить прежней подати, — сообщал о положении в Великой Колумбии в 1826 году своим читателям выходивший в Санкт-Петербурге журнал «Сын отечества». — Негры требуют освобождения, мулаты — уничтожения питаемых против них предрассудков, метисы — прекращения войны, индейцы — своих преимуществ. Все сии обстоятельства, так же как и предпочтение, оказываемое некоторыми областями иным

генералам, суть затруднения, которые правительство Боливара должно победить и которым оно не без искусства противоборствует; но часто оно должно уступать корыстолюбию главных начальников… Неудивительно, что все отрасли государственного управления находятся в болезненном состоянии при столь многочисленных беспорядках, которые еще питаются ужасами междоусобий, возгорающимися в разных местах».

В Перу Боливара уважали, но не любили. Аристократы в глаза ему льстили, а втайне готовили против него заговоры. Перуанские магнаты видели: Боливар для народа является символом антиколониальной революции, простые люди верят Освободителю и ждут от него мер, способных улучшить их долю. Прелаты, помещики, разбогатевшие генералы боялись, что Освободитель захватит их земли и раздаст крестьянам. Они требовали вывода из страны колумбийских войск: с перуанской армией они могли бы легко справиться — она наполовину состояла из частей, боровшихся ранее на стороне испанцев и перешедших на сторону патриотов только после победы при Аякучо.

15 апреля по решению трибунала были приговорены к расстрелу перуанский генерал Бериндоага и офицер Терон, перебежавшие к испанцам во время захвата ими Лимы. Муниципалитет Лимы обратился к Боливару с просьбой помиловать их, на что Освободитель ответил:

— Помилование злодеев, повинных в предательстве родины, означало бы подлое покушение на честь республики, означало бы открыть дорогу подобным же преступлениям, которые постоянно умножались бы благодаря попустительству. Представители народа утратили патриотический дух и энтузиазм. Вот почему необходимо дать пример искупления и общественной справедливости, даже если он и вызывает всеобщий ужас.

В Боливии, этом детище Освободителя, его враги ополчились против неисправимого мечтателя Родригеса, объявившего войну мракобесию. Родригес с присущей ему энергией выполнял свои обязанности министра просвещения. В открытую им в Чукисаке «образцовую школу» он набрал двести учеников; в их числе было много детей бедняков. Родригес поселил учеников в удобном большом доме, где имелись мастерские с соответствующим инструментом.

— Я не хотел, — говорил Родригес, — наводнить страну ремесленниками — соперниками или бедняками, а пытался сделать из юношей полезных людей, обучить и приучить их к труду, дать землю и обеспечить их работой, заселить страну ее собственным населением. Мы давали образование и занятия

женщинам…

Начинание Родригеса кончилось плачевно. Провинциальная знать смотрела на вводимые им новшества с недоверием и подозрением. О деятельности Родригеса распространялись нелепые слухи. Говорили, что он якобы на уроках анатомии раздевается догола. Утверждали, что Родригес еретик, безбожник, вовсе безнравственный человек.

С особым ожесточением нападали на Родригеса церковники, ведь из их рук ускользало такое важное орудие церковного влияния, как воспитание молодого поколения. Об этом писал Сукре Боливару: «Но более всего встревожило то, что Родригес сказал: или ему грош цена, или через шесть лет он покончит с церковью Иисуса Христа. Судите сами, какое зло принесли эти слова, сказанные устами человека, которого Вы так уважаете и под чье руководство было отдано воспитание молодежи».

Вынужденный оставить Боливию, Родригес счел унизительным для себя жаловаться Боливару, он уехал в Чили, где продолжал преподавательскую деятельность.

***

События, происходившие в Великой Колумбии, все больше беспокоили Боливара. Тревожные вести поступали из Эквадора. Эта страна, население которой не превышало 700 тысяч человек, дала освободительной армии Перу больше половины ее солдат и огромную для того времени сумму — около 2 миллионов песо. В течение последних пяти лет Эквадор походил на гигантский военный лагерь, вся жизнь населения была подчинена нуждам освободительной армии Перу. Пока шла война, эквадорцы стойко сносили невзгоды в надежде, что с победой положение изменится к лучшему. Произошло обратное. С окончанием войны положение ухудшилось. Свободный ввоз американских и английских тканей вызвал разорение текстильных факторий, которыми когда-то славилась страна. Ввоз дешевой, хотя и зачастую гнилой, муки из США привел в упадок сельское хозяйство Эквадора.

Враги республики использовали трудности в своих целях. Они призывали эквадорцев «освободить страну от Освободителя», избавить ее от тирании «колумбийского султана». Доверенные люди сообщали Боливару, что эти призывы находили все больший отклик среди различных кругов населения.

Правда, в Новой Гранаде, за исключением Пасто, где все еще бродили по лесам банды сторонников испанцев, народ поддерживал правительство, возглавляемое Сантандером. Но и

здесь уже мало кто хотел жертвовать собой во имя неясного и неопределенного будущего.

Сантандер жаловался Боливару:

— Никто не платит налогов, сборщики их не собирают, торговцы только и делают, что обогащаются, эксплуатируя народ.

В Новой Гранаде, как и в других республиках, американские купцы и спекулянты делали свой бизнес за счет народа. США вышли из своего первого экономического кризиса благодаря усиленной эксплуатации молодых республик, возникших на развалинах Испанской Америки. Об этом писал «Московский телеграф» в 1825 году. «Тесное положение, в каком находилась торговля в Соединенных Штатах в 1817–1821 годах, и даже замешательство в банковых и кредитных отношениях сего государства, распространившееся на все отрасли промышленности, ныне совершенно миновались, и североамериканская торговля находится в цветущем состоянии. Особенно увеличилась торговля их с Южной Америкой. Из одной Балтиморы вышло в 1823 году 30 кораблей с товарами в Южную Америку, а в 1824 году из той же гавани вышло туда же двойное число кораблей — именно 60: так возрастает сия торговля. Доказательством улучшения и увеличения американских мануфактур служит то, что большая часть товаров, отправленных из Балтиморы в Южную Америку, суть произведения американских мануфактур. Особенно с успехом идут хлопчатобумажные товары, и это обещает богатую отрасль промышленности. Большие хлопчатобумажные мануфактуры в Балтиморе и в округе его беспрестанно увеличиваются, и новые прядильные заведения беспрестанно усиливаются. В добротности американские хлопчатобумажные товары равняются с английскими, если не превосходят их; это доказывается тем, что в Южной Америке они отбирают дорогу у английских».

Еще печальнее обстояли дела на родине Боливара в Венесуэле. В стране росла дороговизна. Власти выслали всех канарцев и испанцев, в руках которых находилась торговля. Несмотря на освобождение крепости Пуэрто-Кабельо, в Венесуэле продолжала ощущаться атмосфера переднего края. В провинциях занимались грабежами и разбоем контрреволюционные банды, и Паэсу было столь же трудно справиться с ними, как в свое время испанцам с его отрядами. Сельское хозяйство находилось в упадке. Казна была пуста, служащим месяцами не платили жалованья.

Солдатам тоже не выплачивали денег. Пришлось многих отпустить по домам. Каждый из отпускников получал в качестве вознаграждения по нескольку лошадей и коров. Чтобы не

возиться с этим добром, солдаты убивали скот, сдирали шкуру с убитой скотины и продавали ее. Количество скота в стране катастрофически сократилось — с 4,5 миллиона голов в 1812 году до 256 тысяч в 1823 году.

Бывшие участники освободительной войны, так и не получив земли (выданные им ранее аграрные сертификаты были давно скуплены ловкими дельцами), возвращались с пустыми руками в родные места, где их ждали голодные семьи и пепелища.

В конце 1825 года в Боготе были получены сведения: испанцы, сосредоточив большую армию в Пуэрто-Рико и на Кубе, готовят новое вторжение на Берег Твердой Земли. В связи с этим правительство Колумбии поручило Паэсу провести мобилизацию в народное ополчение. Мобилизация шла туго, и Паэс вынужден был, как и в прошлые времена, применить силу для набора ополченцев. Сантандер обвинил его через своих друзей в парламенте в незаконных действиях. Парламент постановил отстранить Паэса от власти и вызвать его в Боготу для объяснений.

Паэс отказался подчиниться. Его поддержали власти большинства провинций Венесуэлы. Вскоре Паэс был провозглашен верховным правителем Венесуэлы. Он заявил, что не признает правительства Колумбии, возглавляемого Сантандером, и что на первую же попытку применить к нему силу ответит военными действиями.

Боливар получил сведения об этих событиях с большим опозданием: письма из Боготы и Каракаса в Лиму шли месяцами. Сантандер требовал от Боливара примерного наказания Паэса, а последний просил отстранить Сантандера от власти. «Освободитель! — писал с возмущением Паэс. — Агенты годов, засевшие в Боготе, пытаются меня погубить. Я был так расстроен, что думал сжечь публично на площади все мои революционные мундиры, великолепные свидетельства моего несчастья, и сохранить только Ваш бюст, посланный мне Перуанской республикой, как доказательство чистосердечной дружбы к Вам и как знак признательности к перуанскому правительству».

Страсти разгорались все больше. Боливар не смог примирить враждующие стороны. Следовало срочно возвращаться в Боготу и брать в свои руки бразды правления Великой Колумбией, иначе построенное с таким трудом здание могло рухнуть и под своими развалинами похоронить последние надежды на образование Андской конфедерации.

Измеряя быстрыми нервными шагами свой кабинет во дворце Магдалены, Боливар говорил адъютанту:

— Впервые в моей жизни я не знаю, как мне поступить,

О'Лири. Пойду на север, в Боготу, Перу и Боливия покинут нас. Останусь здесь, Великая Колумбия распадется, и тогда перуанцы выгонят нас из Лимы как назойливых иностранцев.

Но нельзя было терять времени на раздумья. И Боливар решается. 4 сентября 1826 года он навсегда покидает берега Перу на корабле, который доставит его в Гуаякиль. Как память о славной перуанской кампании Боливар взял с собой золотую саблю и парадный мундир главнокомандующего, подаренные ему муниципалитетом Лимы. Но он все еще числится президентом Перу, уезжая, он не подал в отставку. Пусть перуанцы думают, что он может вернуться…

Три года назад Боливар прибыл в Перу во главе колумбийской армии с намерением освободить эту страну от владычества испанцев. Теперь, кроме республики Перу, на свет появилось еще одно государство — Боливия, призванное стать образчиком для других республик. Но не являлась ли эта надежда химерой?

Как-то Боливар сказал Сукре:

— Вы человек войны, я человек трудностей.

Сможет ли Боливар доказать это в Боготе? Многие сомневались в его успехе.

СЕНТЯБРЬСКАЯ НОЧЬ

К стыду моему, я должен признаться, что независимость — единственное достижение, которого мы добились за счет всех остальных благ.

Симон Боливар

Боливар возвращался в Боготу с твердым убеждением, что только принятие боливийской конституции может спасти молодые республики от анархии и всеобщего разложения.

«Или Колумбия примет мою конституцию, — настаивал Боливар в очередном письме к Сантандеру, — или общественный договор уступит место хаосу первородных элементов. Никто не сможет сдержать угнетаемые классы. Рабы разорвут цепи, каждая раса будет стремиться к власти путем уничтожения своих соперников. Ненависть вновь вспыхнет между социальными группами. Все захотят властвовать. Это будет началом конца».

Каракасец не боялся народа, он просто не верил, что народные массы, забитые и невежественные, в состоянии самостоятельно построить новое общество. Оставаясь верным идеям просветителей XVIII века, он продолжал считать, что народы нуждаются в правительствах-опекунах. А такие правительства могли быть созданы только людьми из привилегированных классов, обладавшими необходимыми для этого знаниями.

Сантандер и его друзья не испытывали таких опасений. Они считали, что прогресс может быть обеспечен путем буржуазной парламентской демократии. Боливар стремился создать просвещенную власть, которая умерила бы аппетит буржуазии и облегчила положение угнетенных масс, а молодая буржуазия, рупором которой выступил Сантандер, требовала себе всю полноту власти и не желала делить ее с кем бы то ни было.

12 сентября 1826 года бригантина «Конгресо» с Боливаром на борту вошла в порт Гуаякиля. Эквадорцы встретили Освободителя доброжелательно. Они ожидали, что с его прибытием будут разрешены наболевшие вопросы. Из Гуаякиля Боливар направился через Пасто в Боготу. По дороге он встречался с многочисленными своими друзьями, почитателями и единомышленниками.

В пути Боливар получал послания Сантандера, в которых

вице-президент настойчиво убеждал его не нарушать конституционного порядка, не распускать самовольно конгресса, не отменять единоличным актом конституцию Кукуты. «Ваша обязанность, — писал Сантандер Боливару, — наказать Паэса, заставить его сторонников подчиниться существующим законам. Мы боролись не за то, чтобы первый попавшийся генерал мог нарушить, когда ему взбредет в голову, республиканские законы. Если Паэс останется безнаказанным, его примеру последуют честолюбивые генералы в других областях республики, законный порядок будет нарушен, и Великая Колумбия распадется. В таком случае Новой Гранаде выгоднее сразу же выйти из состава Великой Колумбии». Это был, по существу, ультиматум Боливару. Ему сопутствовала кампания печати в Боготе: газеты угрожали Боливару народной расправой, если он попытается установить личную диктатуру.

Но Боливар был не из робкого десятка. Он ответил Сантандеру:

«Наш спор должен решить народ. Конституция Кукуты вовсе не божественное творение. В подлинной демократии верховный суверенитет принадлежит народу. Пусть же народ скажет, какой конституции быть — нынешней или боливийской. Если Вы и Ваши друзья берете на себя смелость управлять страной с помощью существующей конституции, я откажусь от власти и предоставлю Вам сомнительную честь добиваться подобного чуда. Посоветуйтесь с Вашими друзьями и дайте мне ответ, с тем чтобы к моменту моего приезда в Боготу было ясно, кто возьмется править республикой — вы или я».

Непреклонная позиция Боливара заставила Сантандера и его друзей искать компромисса. Сантандер выехал навстречу Боливару. В городе Токайме, на полпути между Кито и Боготой, после пятилетнего перерыва встретились президент и вице-президент Великой Колумбии. Их теперь разделяла глубокая пропасть. Оба смотрели друг на друга с недоверием. Немало труда стоило Сантандеру рассеять атмосферу холода и враждебности, в которой его принял Освободитель.

— Генерал, — сказал Сантандер Боливару, — не надейтесь на смутьянов Эквадора и Венесуэлы. Они вас при первом же удобном случае продадут. Опирайтесь на новогранадцев, они всегда относились к вам с любовью, уважением, признательностью и преданностью.

— Я благодарен новогранадцам за их доверие. Я вижу, что и теперь они относятся ко мне с любовью. Но помите, Сантандер, будущее Америки требует не существования маленьких и слабых республик, которые будут раздавлены великими державами, а их

объединения в мощную федерацию. Единственной гарантией, что такое объединение сможет просуществовать и можно будет избегнуть гражданских войн и анархии, является боливийская конституция с пожизненным президентом и с наследственным вице-президентом. Согласитесь с этим, и мы вновь станем друзьями.

Многие часы провели Сантандер и Боливар в зале старого здания муниципалитета города Токаймы, обсуждая будущее Америки. Оба они понимали, что разрыв между ними вызвал бы междоусобицу в Новой Гранаде и не принес бы лавров ни одному из них. Единственный выход — соглашение на основе взаимных уступок. Проговорив почти всю ночь напролет, собеседники наконец достигли такого соглашения. Сантандер одобрил идею принятия Колумбией боливийской конституции, однако оговорил свое несогласие относительно наследования и должности вице-президента. Он также обязался способствовать созданию Андской конфедерации. Боливар, со своей стороны, обещал не устанавливать личной диктатуры и добиться подчинения венесуэльцев правительству или наказания Паэса. Боливар и Сантандер условились, что новое учредительное собрание (как помнит читатель, срок действия конституции Кукуты истекал в 1831 году) будет созвано только с предварительного согласия действующего конгресса.

Оставив Боливара, которого по дороге в Боготу задерживали в каждом селении — население принимало его восторженно, — Сантандер спешно вернулся в столицу Колумбии. Ему с трудом удалось убедить своих единомышленников в необходимости одобрить сделанные Боливару уступки. И все же многие сторонники Сантандера продолжали в печати кампанию против «цезаристских» планов Боливара. Они подготовили меморандум для вручения Освободителю, в котором осуждалась боливийская конституция и содержалось требование примерно наказать венесуэльских «мятежников» во главе с Паэсом.

4 ноября 1826 года Боливар и его свита достигли Фонтибона, пригорода Боготы, где их встретил почетный эскорт, местные власти и друзья. Губернатор Боготы полковник Ортега произнес приветственную речь от имени правительства. Вместо приличествующих подобным обстоятельствам и привычных для слуха Боливара дифирамбов в его честь Ортега начал восхвалять гражданские доблести государственных мужей, подчиняющихся законам республики, и заверять, что новогранадцы останутся верными правительству (то есть Сантандеру), которому принесли присягу.

Речь Ортеги вывела из себя Боливара. Он прервал оратора:

— Я думал, что вы отметите великие подвиги колумбийской армии, а вместо этого вы нам преподали урок упажения к конституции. Но законы, приносящие вред народу, не заслуживают уважения.

Сказав это, Боливар, сопровождаемый свитой и друзьями, направился в свою резиденцию. Народ приветствовал его радостными возгласами, хотя развешанные всюду полотнища с призывами защищать конституцию показывали, что Сантандер и его сторонники не думают сдавать своих позиций.

В Боготе, которая тогда насчитывала двадцать тысяч жителей, Боливар поселился в особняке, подаренном ему городом еще в 1820 году. Расположенный в центре города, особняк одной стороной выходил на улицу. Это был одноэтажный колониального стиля дом из четырех комнат: библиотеки, столовой, приемной и спальни. Во дворе имелся небольшой бассейн, в котором Боливар ежедневно купался. Невдалеке протекала речка, через нее был переброшен мост, а за ним расположены армейские казармы.

Богота по сравнению с Лимой показалась Боливару запущенным провинциальным городком. На улицах росла трава, которую щипали тут же пасшиеся козы и овцы, строения из-за частых землетрясений строились одноэтажными глинобитными, президентский дворец походил на постоялый двор, всюду виднелись кучи мусора, бродячие собаки, оборванные нищие.

— Судя по внешнему виду Боготы, английского займа как будто и не бывало, — бросил Боливар едкую реплику в адрес Сантандера, намекая на ходившие слухи о присвоении вице-президентом значительной части полученного от англичан займа. И все же Боливар готов был придерживаться достигнутого в Токайме соглашения с Сантандером. На следующий день по прибытии в Боготу он объявил, что вступает в должность президента республики с неограниченными полномочиями в Венесуэле. Боливар подтвердил Сантандера на посту главы правительства Новой Гранады. Теперь следовало заставить повиноваться Паэса и его вольницу. Боливар приготовил армию для похода в Венесуэлу. Прощаясь с Сантандером, он сказал:

— Будьте уверены, генерал, что, если мы не станем действовать против Паэса быстро, мы потеряем все. Мы начинаем войну, которая будет беспощадной и продлится три-четыре года. Это будет повторение войны против Бовеса, который теперь возрождается в лице Паэса. В Венесуэле против нас поднимутся негры и мулаты, льянеро, поражения их только ожесточают и укрепляют. Этого кровопролития мы могли избежать, если бы республика управлялась по боливийской конституции.

Да, тень Бовеса продолжала преследовать Боливара. Как удержать массы льянеро, прошедшие через горнило войны за независимость, от анархии, разрушений, грабежей? Разумными реформами? Но они не дают желаемого результата. Развитием просвещения? Но на это у правительства нет средств. Смирительной рубашкой? Но президент уже не диктатор. Креольской хитростью? Говорить одно и делать другое, притворяться, ловчить, подражая в этом своим противникам и соперникам? Да, пожалуй, это единственное оружие, которым он еще владеет и которое ему придется пустить в ход за неимением лучшего.

Между тем Паэс, узнав, что Боливар заключил соглашение с Сантандером, сбросил с себя обшитый позолоченными галунами генеральский мундир, в котором появлялся на раутах в Каракасе, переоделся в одежду льянеро, сел на коня и с небольшой группой своих приближенных поскакал в степи Апуре. Там его все знали, там его боготворили верные храбрые льянеро. Теперь он вновь обратился к ним за помощью.

— Нас предали адвокатишки в Боготе, белая кость, сеньоры ученые, торгаши и спекулянты, — говорил Паэс льянеро. — Когда мы дрались и проливали кровь за республику, эта мошкара скрывалась по тылам и сколачивала деньги на нашем горе, а после победы захватила власть и вновь хочет поработить нас. Проклятые адвокатишки даже сумели перетащить на свою сторону Боливара. Но это не должно нас удивлять. Ведь Боливар мантуанец и помещик, ему с нами не по пути. Братья, час возмездия настал! Вновь седлайте коней, беритесь за копье и следуйте за мной. Теперь мы наведем порядок в республике.

И льянеро, как всегда голодные, лишенные собственного клочка земли, мечтавшие о лучшей доле, о счастье для своих детей, поднимались, вооружались самодельными копьями и шли под знамена катире Паэса. Их примеру следовали рабы, свободные негры, мулаты, самбо, индейцы. Для них Паэс продолжал оставаться человеком из народа, единственным, кому можно было верить.

Когда Боливар перешел границу Венесуэлы близ Кукуты, он быстро убедился, что худшие его ожидания сбылись: Паэсу удалось поднять на борьбу с ним «наших казаков», как называл Освободитель льянеро. Впервые за пятнадцать лет войны сердце Боливара дрогнуло. Был ли он теперь так же убежден, как во время войны за независимость, что победит? Нет, он не чувствовал прежней уверенности. Война с льянеро была ему навязана не столько Паэсом, сколько Сантандером. В конце концов, если здраво рассуждать, он совершил ошибку, сделав в

Токайме уступки Сантандеру. Договориться нужно с Паэсом, который сильнее и во сто раз опаснее Сантандера, ведь у него непобедимая армия льянеро, а за спиной Сантандера только адвокаты, спекулянты да безусые студенты.

В Маракайбо, куда он прибыл из Кукуты, Боливар издал декрет о созыве на территории Республики Колумбии избирательных коллегий с целью назначения даты выборов в учредительное собрание. Это означало замену конституции 1821 года боливийской, отделение Венесуэлы от Новой Гранады, образование Андской конфедерации — все то, против чего восставал Сантандер и что было по душе Паэсу. Из всей грандиозной программы Боливара вождь льянеро улавливал только одно: если проект Боливара будет проведен в жизнь, то Венесуэла станет самостоятельной, и он, Паэс, будет править ею, как некогда правил испанский генерал-капитан.

Паэс вступает в переговоры с Боливаром, соглашаясь признать Освободителя президентом Колумбии в обмен на назначение его, Паэса, верховным главой гражданских и военных властей Венесуэлы. Боливар соглашается и издает соответствующий декрет.

«Я иначе не мог поступить, — писал, оправдываясь, Боливар Сантандеру. — Здесь все были настроены против Боготы. Чтобы сломить сопротивление венесуэльцев, потребовалось бы пролить потоки крови. В распоряжении генерала Паэса имелись все средства для успешного сопротивления. Он уже начал освобождать рабов. Его преследуют, утверждал Паэс, потому, что он выходец из народа. Если бы мы применили к нему силу, он вызвал бы против нас войну илотов».

Боливар не боялся войны илотов, но и не хотел воевать против них. Он знал, что восставший народ, борющийся за свои права, — огромная, могущественная сила. Его трагедия заключалась в том, что он не пожелал возглавить эту силу и с ее помощью провести в жизнь задуманные реформы. Он не боялся этой силы, но опасался быть ею изолированным, подавленным. Боливар считал войну за независимость весьма схожей с французской революцией 1789 года. Он признавал, что в революциях можно победить, опираясь только на революционный народ, и в то же время он думал, что плоды победы можно удержать лишь с помощью консервативных элементов — духовенства, крупных помещиков, богачей, как это сделал Наполеон. Ведь других моделей, достойных подражания, у него тогда не было.

Соглашение Боливара с Паэсом и созыв коллегий для подготовки выборов в новое учредительное собрание вызвали

бурю негодования в Боготе. И все же Сантандер в своих письмах Боливару хотел избежать окончательного разрыва, убеждая Освободителя представить все свои решения на утверждение конгресса.

— Новая Гранада охвачена беспокойством, — предупреждал Боливара Сантандер, — здесь все опасаются, как бы страна не превратилась в колонию Венесуэлы, а новогранадцы — в илотов венесуэльцев и как бы силой им не навязали боливийскую конституцию. Люди боятся вашей мести за то, что вас не провозгласили диктатором.

Боливар оставался глух к этим предупреждениям. Зато какие дифирамбы пел в его честь Паэс! В одном из своих манифестов, явно написанном за него другим чело-Веком, этот малограмотный вождь степных пастухов говорил:

«Откроем же большую книгу мировой истории, посмотрим и сравним великих вождей свободных наций, которые находились в апогее своей власти, с нашим соотечественником Боливаром. О, сколь ничтожны и коварны они и как велик Освободитель!

Взойдем на Пирей и обозрим оттуда вождей славных Афин! Кем были Митридат, Фемистокл, Аристид, Симон, Калистрат и некоторые другие, если не вождями или судьями на час, решавшими судьбы народа, столь малочисленного, как население одного из наших районов… Разве им пришлось бороться в течение двенадцати лет с таким беспощадным и упорным врагом, каким являлись испанцы, разве персы могут когда-либо быть сравнимы с годами или Филипп Македонский с Фердинандом Бурбонским? Разве эти прославившиеся капитаны освободили от оков свою родину и возродили ее заново, разве Солон или Ксеркс свергли деспотизм своими мечами? Как же эти привилегированные личности, которым история оказала бессмертные почести, выглядят по сравнению с великим Боливаром? Они похожи на спички, слабый и дрожащий свет которых исчезает перед лучом солнца, восходящего на востоке. И кем были Писистрат, Перикл, Алкивиад, Лисандр и многие другие афинские вожди? Благородные мерзавцы, которые, использовав силу, находившуюся в их руках, принесли только несчастье своей земле и были заклеймены в Греции позором».

В таких же выспренних выражениях Паэс говорит о самом себе: «Я поднялся из безграничных степей Апуре против деспотизма, как бешеный лев кидается на свою добычу. В тысячах сражений я вызывал на единоборство смерть, я прикасался к ней своими руками, я победил ее ценой моей собственной крови. Вооруженный копьем, завоевал свободу для Венесуэлы и Колумбии. Поэтому я не могу позволить, чтобы вы были вновь

покорены, чтобы вы опять надели оковы, которые я разбил. Мне ли желать монархии? Я бы вырвал свое сердце, прежде чем нарушить клятву, прежде чем пасть столь низко. Будьте уверены, колумбийцы, никогда, никогда генерал Боливар, ваш Освободитель и отец, не будет королем ни Колумбии, ни Америки, и никогда Хосе Антонио Паэс не станет сообщником в столь коварном отцеубийстве».

Это говорил тот самый Паэс, который во время пребывания Боливара в Перу забрасывал его посланиями, уговаривая короноваться!

Неподалеку от Каракаса Боливар встретился с Паэсом, и они вместе въехали в столицу Венесуэлы. По случаю их примирения было объявлено празднество. На одном из банкетов, где Боливар и Паэс осыпали друг друга всевозможными комплиментами, Боливар подарил Паэсу свою шпагу. В ответ Паэс разразился мелодраматической речью, которую он воспроизвел тридцать лет спустя в своих «Воспоминаниях» (к слову сказать, написанных людьми более грамотными, чем он). Вот, по утверждению Паэса, что он сказал в тот памятный день:

— Освободитель не мог дать мне большего. Он мне дал шпагу, с которой освободил мир… Она в моих руках навсегда останется шпагой Боливара, воля которого будет ее направлять. Да сгину я сотни раз, и да буду я проклят, если эту шпагу выпущу из рук, если попытаюсь когда-либо пролить кровь тех, кого я до рих пор освобождал! Сограждане, шпага Боливара находится в моих руках. За вас и за него я готов отдать жизнь!

Но этим словам не верил ни сам оратор, ни тот, в честь кого они произносились. Боливар трезво оценивал любовные излияния катире Паэса. Своему адъютанту Перу де ла Круа Освободитель говорил:

— Генерал Паэс тщеславный и самый властолюбивый человек в мире. Его интересует только его собственная ничтожная особа: гордость и невежество делают его слепым. Он всегда будет орудием в руках его советников.

***

Тем временем на другом конце боливарийской державы — в Лиме — враги строили новые козни. Перуанским феодалам, мечтавшим во что бы то ни стало избавиться от опеки Боливара, удалось подкупить сержанта-новогранадца Бустаманте, который сместил командира колумбийских частей в Лиме, обвинив его в заговоре против правительства Сантандера. Мятеж Бустаманте

был воспринят с восторгом в Боготе. Сантандер приветствовал Бустаманте как спасителя отечества. Бустаманте же с согласия перуанского правительства решил эвакуировать колумбийские части из Перу в Эквадор.

Как только колумбийские войска покинули перуанскую землю, правительство в Лиме отменило боливийскую конституцию, низложило Боливара с поста президента Перу и назначило на этот пост генерала Ла Мара. Примеру Лимы последовал Гуаякиль, где при поддержке того же сержанта Бустаманте была провозглашена независимость Эквадора, а его президентом избран все тот же Ла Мар, эквадорец по рождению. Таким образом, Эквадор фактически присоединился к Перу. Сообщая об этих событиях Боливару, Сукре подчеркивал: они означают смертный приговор Республике Колумбии.

Иначе отнеслись к указанным переменам Сантандер и его сторонники. «Теперь Вы пожинаете плоды своей политики в Венесуэле, — не без злорадства говорил вице-президент Колумбии в одном из своих писем Боливару. — Не наказав, как того требовал закон, венесуэльских мятежников, Вы подорвали уважение к правительству и показали, что его можно безнаказанно поносить и оскорблять. Следствием этого явились события в Перу и Гуаякиле».

Оскорбленный Боливар сообщил Сантандеру, что прерывает с ним всякие отношения. Все же Сантандер послал Боливару еще одно, последнее письмо. Он заверял Освободителя в своей дружбе и преданности и высказывал надежду, что Боливар отнесется к нему «с таким же великодушием, с каким он относился к своим врагам и врагам родины». Намек на Паэса был более чем очевиден. «Я всегда буду желать Вам здоровья, благополучия и всегда буду любить Вас с чувством благодарности. Моя рука никогда не напишет против Вас ни строчки. И если даже Вы никогда ко мне не обратитесь, не будете считать меня своим другом, я всегда буду относиться к Вам с глубоким уважением и соответствующим почтением». Письмо заканчивалось фразой, которая казалась в данных обстоятельствах насмешкой над Боливаром: «Целую руку Вашего превосходительства, Ваш покорный и смиренный слуга Франсиско Сантандер».

Сантандер маневрировал умело. Делая вид, что между ним и Боливаром все обстоит благополучно, он созвал колумбийский конгресс, которому Боливар послал из Венесуэлы свою отставку. Подал в отставку и Сантандер. Отставка Боливара была отклонена 50 голосами против 24, в то время как против отставки Сантандера голосовало всего лишь 2 депутата. Формально, таким образом, Боливар по-прежнему президент Великой Колумбии. По

совету Сантандера конгресс постановил досрочно назначить выборы в учредительное собрание. Это могло показаться уступкой Боливару, в действительности же Сантандер пошел на этот шаг, так как был уверен, что большинство учредительного собрания пойдет за ним, а не за Боливаром.

Боливия продолжала оставаться верной Освободителю, выступил в его поддержку комендант крепости в Картахене, преданный Боливару Монтилья. Но и эти опоры вскоре пошатнулись. В Ла-Пасе совершил переворот сержант Хосе Герра. Восставшие объявили о присоединении Боливии к Перу, и, хотя Сукре удалось справиться с ними, перуанские войска, сконцентрированные на границе, могли в любой момент вторгнуться в Боливию. Неблагоприятно для Боливара развивались события и в Картахане. Адмирал Падилья, мулат, геройские подвиги которого во время осады этой крепости войсками Морильо прославили его на всю Америку, свергнул Монтилью и захватил контроль над Картахеной.

Эти перемены заставили Боливара ускорить возвращение в Боготу. Сторонники Сантандера писали в газетах, что Боливар направляется в Боготу, как в свое время Морильо, — проливать кровь патриотов.

Население колумбийской столицы встретило Боливара холодно, настороженно. Тем не менее никто не решился оказать ему сопротивление. Боливар отстранил Сантандера от власти и стал выжидать результатов выборов в учредительное собрание.

Вскоре в Боготу к Боливару прибыла Мануэлита Саэнс. Он с каждым днем все больше нуждался в ее дружбе. Здоровье Боливара пошатнулось. Каракасец поседел, часто страдал от приступов головной боли и лихорадки. За вспышками энергичной деятельности все чаще наступали периоды упадка, когда Освободитель терял интерес к событиям и проявлял непонятное для окружающих безволие. С каждым днем он становился все более раздражительным и нетерпеливым.

Теперь все чаще навещали каракасца католические прелаты, настраивавшие его против Сантандера и «французских смутьянов». Боливар склонялся к мысли, что церковь и есть та сила, которая поможет ему победить противников. Разве Наполеон, когда наводил порядок во Франции, не обратился за поддержкой к католической церкви? Он поступит так же. Он возвратит церкви ее былые привилегии, взамен священники станут его агитаторами. Простой народ все еще продолжает верить в бога и слушаться священников. Вслед за церковниками к Боливару потянулись противники республиканских порядков, все те, кто мечтал восстановить свое былое влияние, сласть,

богатство; среди них было много бывших явных и тайных сторонников испанцев. И они, притворяясь его друзьями, предлагали ему содействие и поддержку в борьбе с Сантандером.

Выборы в учредительное собрание не оправдали ожидании Боливара. В то время как Сантандер и его сторонники не жалели усилий, чтобы обеспечить победу своим людям, Боливар не вмешивался в избирательную кампанию, слепо веря в поражение партии Сантандера. Однако большинство в учредительном собрании получили его противники. Среди избранных депутатов оказался и сам Сантандер. 9 апреля 1828 года учредительное собрание начало свою работу в городе Оканье. Боливар сосредоточил вооруженные силы поблизости от этого места, в селении Букараманге, куда сам перебрался со своим штабом. Освободитель надеялся, что его присутствие в Букараманге воздействует на депутатов и заставит их пойти на уступки. Сознавая, что учредительное собрание, в котором преобладали сторонники Сантандера, даже под угрозой применения силы не одобрит боливийской конституции, Освободитель в своем послании депутатам не настаивал на пожизненном президентстве, но советовал наделить президента всеми атрибутами исполнительной власти и установить централистскую форму правления.

Учредительное собрание отвергло предложения Боливара. Сторонники Сантандера предложили принять конституцию, ограничивавшую власть президента и превращавшую провинции в автономные области. Депутаты намеревались значительно сократить армию и соответственно снизить налоги.

Убедившись, что большинство учредительного собрания настроено к нему недоброжелательно, Боливар решается на государственный переворот. Он приказывает своим друзьям покинуть собрание. Его сторонники организуют в разных городах Колумбии выступления, требуя, чтобы Освободитель провозгласил себя диктатором Колумбии. Боливар возвращается в Боготу и, ссылаясь на волю народа, объявляет учредительное собрание распущенным, себя диктатором, а должность вице-президента отмененной. Он заявляет, что отныне будет оказывать покровительство католической церкви и что «утопические сны о социальном совершенстве» должны уступить место вере в бога. Свое обращение Боливар заканчивал следующими словами:

— Колумбийцы! Я не стану вам говорить о свободе, ибо, если я выполню свои обещания, вы будете более чем свободны — вас будут уважать. Но, кроме того, разве следует говорить о свободе, когда господствует диктатура? Народ, который повинуется, и человек, правящий единолично достойны сожаления!

Случилось непоправимое: Боливар — диктатор. Его власть ничем не ограничена. Его опора — духовенство, вчерашние враги республики, венесуэльские генералы. Но доволен ли он? Нет, он отдает себе счет, что столь дорога ему слава Освободителя запятнана теперь званием диктатора. Сколько раз он заявлял народу, что первый день мира будет последним днем пребывания его у власти, сколько раз заверял друзей, что никогда не последует примеру Наполеона и не нарушит республиканского порядка!

По разве Боливар мог оставить власть и спокойно наблюдать со стороны, как его соратники, всем обязанные ему, даже «воздухом, которым они дышат», разрушают созданные с таким трудом и жертвами республики, ввергая их в пучину анархии? Разве не он, Боливар, отменил рабство, провозгласил равенство рас, наделил индейцев землею? А что сделал Сантандер для народа? Хитрый новогранадец думал только о своем благополучии, обогащая себя. А народ разве понимал его, Боливара? Во время войны с испанцами людей нужно было принуждать бороться за свою свободу, теперь же они поддерживают честолюбца и интригана Сантандера. Нет, такой народ нуждается не в освободителях, а в тиранах. И теперь Боливар вынужден стать им во имя народного же благополучия.

«Я убежден до мозга костей, — говорил он, — что Америкой можно управлять только с помощью умелого деспотизма… Мы, гнусные потомки хищников-испанцев, пришли в Америку, чтобы обобрать ее до нитки и плодить потомство в браках со своими жертвами. Позже незаконные отпрыски этих брачных союзов смешались с отпрысками рабов, привезенных из Африки. При таком смешении рас и таком уровне морали можем ли мы позволить себе поставить законы выше руководителей и принципы выше людей?»

Боливар, пытаясь оправдать, обосновать свой переворот, беседует с друзьями, пишет письма знакомым. Он уже не смеется и не шутит, как в былые времена. Он все меньше доверяет своим приближенным и почти не выходит из своего дома в Боготе, где поселился, вернувшись из Лимы. Боливар бездействует. Он диктатор, но никого не преследует, вся власть у него в руках, но он, кажется, вообще не знает, что с нею делать, как ее применить. Он даже отложил в сторону свой проект создания Андской конфедерации. Он все больше и больше времени посвящает Мануэлите, поручая ей решать важные государственные дела. Мануэлита, одетая в форму офицера колумбийской армии и сопровождаемая почетным эскортом из гусар, ежедневно объезжает на полудиком скакуне центральные улицы Боготы,

вызывая злобные и презрительные насмешки врагов Боливара. Мануэлита сторонница решительных действий.

— Почему медлишь? — спрашивает она Боливара. — Ведь Сантандер и его люди готовят против тебя заговор. Арестуй Сантандера, пока не поздно, покажи свою силу, иначе тебя прикончат, как цыпленка.

— Я не могу этого сделать. Я Освободитель, а не палач. Если я арестую Сантандера, в Америке и Европе скажут, что я свожу с ним личные счеты.

Освободитель чувствовал себя неуверенно в атмосфере враждебности, которая его окружала в то время в Боготе. По-видимому, уже тогда он подумывал покинуть Колумбию. Не этим ли объясняется желание Боливара продать медные рудники в Венесуэле, которыми управляла жившая в Каракасе его сестра Мария Антония? Об этом упоминается в письме Боливара Марии Антонии от 29 июля 1828 года, подлинник которого хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Боливар назначил Сантандера полномочным посланником в Соединенных Штатах. Но Сантандер не спешил покинуть Боготу. Между тем кампания против Боливара нарастала. Газетные листки обвиняли его во всех смертных грехах. В Боготе и других городах Новой Гранады возникали комитеты общественного спасения, призывавшие население избавить республику от «мерзкого тирана». Боливар никаких мер предосторожности не принимал. Особняк, в котором он жил, охранялся двумя часовыми и несколькими адъютантами. Наиболее экзальтированные заговорщики — начальник генерального штаба полковник Герра, его помощник венесуэлец майор Карухо, француз Ормэ — предложили Сантандеру убить Освободителя. Сантандер не одобрил их планов. «Я хочу прийти к власти с чистыми руками», — сказал он. Но его друзья не были столь щепетильными. Они решили действовать на свой страх и риск.

Вечером 25 сентября 1828 года Боливар почувствовал себя плохо. Вызванная одним из своих адъютантов Мануэлита заставила Боливара принять горячую ванну и лечь в постель. В полночь в доме поднялась суматоха, раздались выстрелы, разбудившие Боливара.

— Что случилось? — спросил Боливар Маиуэлиту.

— Тебя хотят убить. Оденься. Не думаешь же ты драться за свою жизнь и ночной рубашке?

Пока Боливар одевался, Мануэлита закрыла дверь на ключ и дала ему еще один толковый совет:

— Прыгай в окно!

Боливар, схватив шпагу и пистолет, выпрыгнул на улицу. Кругом стояла непроглядная тьма. Беглец кинулся к казармам. По дороге он встретил своего слугу. Они побежали вместе. Вскоре им преградили путь несколько военных, громко требовавших смерти «тирана». Опасаясь расправы, Боливар и его спутник вынуждены были укрыться в болотистых зарослях под мостом.

Тем временем заговорщики, убив адъютанта Боливара Фергусона, ворвались в спальню и потребовали от Мануэлиты указать, куда бежал Освободитель. Мануэлита, не растерявшись, ответила, что Боливара срочно вызвали на совещание.

Выстрелы и шум у резиденции Боливара подняли тревогу в округе. Жившие неподалеку товарищи Освободителя по оружию, среди них военный министр генерал Урданета, поспешили в казармы, где мятежники призывали солдат к бунту. Многие солдаты отказались в нем участвовать. Друзьям Боливара не стоило труда убедить их выступить в защиту Освободителя. Узнав о провале заговора, в казармы явился Сантандер и заявил о своей готовности поддержать Боливара.

Освободитель со своим слугой провели два часа под мостом. Они вышли из укрытия, когда услыхали, что солдаты кричат «Да здравствует Боливар!». Появление Боливара солдаты встретили возгласами ликования. Прошло еще полчаса, и все участники нападения на президентскую резиденцию — 12 офицеров и студентов и 25 солдат были арестованы. Только майору Карухо удалось скрыться. Боливар допросил арестованных в ту же ночь и посоветовал им не признаваться в покушении на его жизнь, ибо военный суд мог приговорить их за это к смертной казни.

На следующий день ближайшие сотрудники и советники Боливара потребовали от него сурово покарать заговорщиков.

— Если вы их помилуете, они вновь примутся за свое, — убеждал Боливара генерал Урданета. — Вы по имеете права так играть своей жизнью и ставить под удар не только себя и своих друзей, но и дело, которому посвятили всю свою жизнь.

Боливар не устоял перед этими аргументами, и 15 главных заговорщиков были преданы военному суду под председательством Урданеты. Среди них были Сантандер, мулат адмирал Падилья и другие видные противники Боливара. Суд приговорил всех подсудимых, в том число Падилью и Сантандера, связь которого с заговорщиками была установлена, к смертной казни. В последнюю минуту Боливар заменил Сантандеру смертную казнь высылкой, остальные 14 человек были расстреляны на одной из площадей Боготы.

Покушение на Боливара, арест Сантандера, суд над заговорщиками и расправа над ними потрясли население Новой

Гранады. В Пасто и других местах вспыхнули восстания.

Событиями в Колумбии воспользовался перуанский президент генерал Ла Мар: во главе армии в 8500 солдат от вторгся в Колумбию.

После 25 сентября Боливар быстро начинает терять оставшиеся у него физические и духовные силы. Те, кто его видел в эти дни, не узнавали прежнего жизнерадостного, энергичного, уверенного в себе Освободителя; перед ними был старик, жаловавшийся на свои болезни и предсказывавший неминуемый распад и гибель созданной им республики. Теперь Боливар считал, что его мечта о сильной, могущественной Андской конфедерации окончательно развеялась и что единство Колумбии — недосягаемая мечта. В эти дни он говорил своим друзьям:

— Государство, опирающееся только на одного человека, осуждено на гибель. Когда я умру, демагоги, как волки, перегрызут друг другу горло, и здание, которое мы возводили с такими нечеловеческими усилиями, рухнет в трясине переворотов. Я сожалею о смерти Пиара, Падильи и других, которые погибли за то, за что Сантандера помиловали. Сантандер начнет все сначала: он ввергнет Колумбию в хаос и тем самым оправдает себя. Цветные скажут, и это будет более чем справедливо, что я проявил слабость только по отношению к этому гнусному белому, заслуги которого были ничтожны по сравнению со славными сынами родины, какими были Пиар и Падилья.

Теперь, когда страсти поутихли и на историческую сцену вышли представители креольской буржуазии в лице Сантандера, Боливар более объективно мог судить о своих соратниках времен войны за независимость, соратниках, сошедших со сцены в результате взаимного непонимания, недоверия и подозрительности. Но эти поздние признания уже не могли повернуть историю вспять…

Боливар шел навстречу неизбежному, к смерти. Ему и его творению — Колумбийской республике — оставалось жить всего один год.

Освободитель, ставший диктатором, заверял друзей, что он намерен оставить свой пост и уехать в Англию. И все же он продолжал цепляться за власть как утопающий за соломинку.

За власть цеплялись и его министры. Потеряв связь с народом, они вынашивали планы провозглашения монархии и вели переговоры с Англией и Францией о подыскании соответствующего кандидата на трон Колумбии среди представителей правящих домов Европы. Боливар высказывался против таких проектов, но делал это столь нерешительно, столь

двусмысленно и нечетко, что его министры принимали оговорки за согласие и продолжали вымаливать в Париже и Лондоне «европейского принца» в надежде, что он-то и спасет их от надвигавшегося краха.

За их интригами внимательно следил дипломатический представитель Соединенных Штатов в Боготе Уильям Генри Гаррисон, будущий президент этой республики. Американское правительство всегда относилось с недоверием к Боливару. Американцам не нравились ни идея Андской конфедерации, ни планы освобождения Кубы и Пуэрто-Рико, ни его таможенная политика, направленная на защиту национальной экономики и преграждавшая гнилой муке и другим завалявшимся американским товарам путь на рынок Колумбии. А теперь этот мулат думает еще поставить во главе республики европейского принца, превратить Колумбию в вотчину Лондона или Парижа и лишить тем самым негоциантов Бостона и Балтиморы законных доходов, получаемых ими от торговли с этой страной. «Этого нельзя допустить, — рассуждал Гаррисон. — Необходимо избавиться от Боливара».

Гаррисон часто встречался с новогранадским генералом Кордовой, одним из героев сражения при Аякучо, к которому Боливар питал неограниченное доверие. Интриги Гаррисона привели к тому, что Кордова поднял восстание против «узурпатора», восстание неудачное, как и все попытки свергнуть Боливара. Преданные Освободителю войска, которыми командовал ирландец О'Лири, одолели восставших, а герой Аякучо был взят в плен и зарублен английским волонтером Рупертом Гандом.

Сукре, назначенный командующим южного фронта, разбил превосходившие его вдвое по количеству солдат перуанские войска Ла Мара. В Лиме возникла паника, после разгрома Ла Мара там ожидали вторжения колумбийцев. Ла Мар был свергнут и изгнан из Перу. Новое правительство поспешило заключить с Боливаром мирный договор, признав Эквадор составной частью Колумбийской республики.

Да, это была победа, но без лавров, ведь побежденными оказались те, кого Боливар не так давно освободил от испанского гнета.

САН-ПЕДРО-АЛЕХАНДРИНО

В предсмертный час я думаю о благе родины.

Симон Боливар

13 июля 1829 года Боливар, находясь в Гуаякиле, пишет одному своему другу письмо, которое является как бы его политическим завещанием. Боливар предсказывает, что с его уходом с поста президента начнется гражданская война и Колумбия распадется на свои составные части. Поэтому лучше теперь ее разделить на три независимые республики: Новую Гранаду, Венесуэлу и Эквадор. Если же новый конгресс, который предполагалось созвать в 1830 году, откажется санкционировать раздел, то единственным средством предупредить распад будет введение пожизненного президентства и наследственного сената.

«Что касается иностранного монарха, который мог бы мне унаследовать, то, несмотря на все выгоды такого мероприятия, тысячи трудностей препятствуют его осуществлению: ни один из иностранных принцев не согласится водвориться в стране, раздираемой анархией; у нас столько долгов и такая нищета, что нет средств на достойное содержание короля и его двора; низшие классы придут в беспокойство, опасаясь отмены равенства; генералы и честолюбцы всех мастей не смогут свыкнуться с мыслью, что им будет закрыт доступ к верховному руководству государством. Я уже не говорю о том, что только счастливое стечение обстоятельств позволит добиться от европейских держав выдвижения какого-либо одного кандидата».

Своим друзьям Боливар говорил:

— Мы испробовали все системы, и все системы провалились. Посмотрите, что творится вокруг нас. В Мексике убит император Птурбиде, в Гватемале анархия, в Чили новая революция, в Буэнос-Айресе убит президент, в Боливии было три президента в течение двух дней, из них двое убиты. Я разочарован модными сегодня конституциями, они не оправдали себя.

В Эквадоре Боливар окончательно решил уйти в отставку и предложил выдвинуть Сукре на пост президента. Но Сукре наотрез отказался.

Зато претензии на этот пост предъявил Паэс. Он просил Боливара поддержать его кандидатуру. «Если меня изберут президентом, — обещал Паэс, — Венесуэла останется в составе Колумбии, иначе она отделится». Боливар ответил катире Паэсу:

«Конгресс решит, кого избрать президентом. Если изберут Вас, я обещаю, что с удовольствием буду подчиняться Вам. Но взамен обещайте мне, что в случае избрания кого-либо другого Вы подчинитесь ему».

Паэс понял намек. В ноябре 1828 года народная хунта в Валенсии расторгла союз с Новой Гранадой и провозгласила самостоятельность Венесуэлы. Вскоре такое же решение приняла народная хунта в Каракасе, провозгласившая Паэса главой государства и запретившая Боливару въезд в Венесуэлу. Сторонники Паэса вновь начали кампанию против Освободителя. Они утверждали, что Боливар, выполняя волю Священного союза, собирается стать абсолютным монархом, что он наплодит князей, графов, маркизов и баронов, которые лишат прав индейцев, негров, мулатов, и что Паэс, Арисменди, Мариньо и другие вожди освободительной войны готовы спасти Венесуэлу от этого предательства.

Таким образом, уступки, сделанные Боливаром Паэсу в 1827 году, в результате которых произошел разрыв с Сантандером, в конечном итоге привели к разрыву и с Паэсом.

Теперь почти все сподвижники Боливара покинули его или погибли. В их числе Сантандер, Кордова, Паэс, Арисменди, Мариньо, Пиар, Падилья, герои многих битв и сражений, освободившие Америку от оков испанского колониализма. Даже Сукре, которого Боливар с такой любовью готовил себе в преемники, презирал власть и в 36 лет мечтал только о покое. Ограниченный Урданета, храбрый, но недалекий Монтилья и генералы из иностранных волонтеров — вот, пожалуй, и вся опора Боливара в конце 1829 года.

По мере того как Боливара оставляли старые товарищи по оружию, его оставляли и физические силы. Чахотка, которая скоро сведет его в могилу, быстро подтачивала этот некогда железный организм.

15 января 1830 года Боливар возвратился из Эквадора в Боготу, где должен был собраться новый учредительный конгресс Великой Колумбии, призванный решить будущую форму правления республики.

Один из очевидцев так описывает въезд Боливара в столицу Колумбии: «Можно утверждать, что каждый, у кого была лошадь или кто мог ее раздобыть, выехал встречать Боливара. Балконы, окна и крыши были полны народу. Но вся эта огромная толпа вела себя сдержанно. Артиллерийские залпы и колокольный звон не вызывали восторга. Инстинкт подсказывал народу, что это торжество было в действительности похоронами Великой Колумбии, а не победным возвращением ее овеянного славой

Освободителя. Наверное, его самые злобные враги были растроганы этим грустным зрелищем. Когда появился Боливар, кое-кто заплакал. Изможденный, с потухшими глазами и хриплым голосом, Боливар всем своим видом вызывал глубокое сострадание и как бы предвещал гибель плоти и близкое начало своего бессмертия».

Боливар направил конгрессу послание, в котором отказывался от поста президента и просил установить сильную исполнительную власть.

«Стране нужен новый президент, — писал Боливар. — Народ желает знать, перестану ли я когда-либо править им. Американские государства смотрят на меня с некоторым недоверием, что может вызвать новые беды, подобные войне с Перу. Располагайте же должностью президента республики, которую отдаю в ваши руки с сегодняшнего дня. Я всего лишь вооруженный гражданин, готовый защищать родину и подчиняться правительству. К стыду моему, я должен признаться, что независимость — единственное достижение, которого мы добились за счет всех остальных благ».

Анархия в стране разгоралась все с большей силой. Усиливались волнения в войсках, Боливар сменил свой кабинет, состоявший из сторонников монархии, и назначил на министерские посты только новогранадцев. Но это не успокоило его противников. Враждебная Освободителю печать продолжала требовать его изгнания и возвращения к власти Сантандера. Не было такой грязной клеветы и обвинения в адрес Боливара, которые не появлялись бы ежедневно на страницах боготанских газет. «Боливар не выиграл ни одного сражения», «Боливар ни разу не был под пулями», «Боливар во время сражения при Бояке мирно завтракал в Тунхе», «Боливар дезертировал из Венесуэлы», «Боливара выгнали из Перу», «Боливар из зависти к славе Пиара убил его», «Объявив войну насмерть, Боливар подтвердил только свою кровожадность», «Освободить Колумбию от Освободителя!» — таковы были заголовки статей, авторы которых действовали безнаказанно, ибо «кровожадный диктатор» уважал свободу печати.

Но если враги Боливара в Боготе не стеснялись поливать его грязью, то легко вообразить, как действовали его противники в Каракасе. Здесь нападки на Боливара достигли предела. Венесуэльский конгресс по наущению Паэса, всего год тому назад клявшегося в верности Боливару, теперь объявил Освободителя «предателем родины, честолюбцем, губителем свободы» и изгнал его навсегда из страны.

Казалось, что большинство нового конгресса, собравшегося в

Боготе, — сторонники Боливара. Председателем конгресса был избран Сукре. Хотя было ясно, что Боливар по состоянию здоровья, которое с каждым днем заметно ухудшалось, и ввиду враждебного отношения большинства населения должен расстаться с властью, конгресс не принимал его отставку, но и не подтверждал его в должности президента. Боливар ушел в отпуск, назначив временным президентом колумбийца Доминго Кайседо. Только тогда конгресс принял его отставку и избрал президентом республики враждебного Боливару генерала Хоакина Москеру. Сантандер победил его в Боготе, Паэс — в Каракасе. Боливару не оставалось ничего другого, как сложить свои вещи и покинуть Боготу. Куда? Он и сам хорошо не знал. Может быть, на Ямайку или в Англию, а может быть, еще подальше. Власти Кито приглашали его поселиться в Эквадоре, правительстсо Боливии предложило ему пост посла при Ватикане. Жалкое утешение!

8 мая 1830 Боливар простился с Мануэлитой, которую он уговорил не сопровождать его («Ты молода, а я уже развалина. Ты будешь меня стеснять, если поедешь со мной»), и вместе с несколькими верными друзьями отбыл по направлению к Картахене.

В те дни на улицах Боготы часто видели одного сумасшедшего, воображавшего себя генералом. Мальчишки его дразнили: «Лонганиса! Лонганиса»[25]. Эту презрительную кличку бросали прохожие вслед Боливару, когда он покидал утром 8 мая столицу основанного им государства, чтобы больше никогда в нее не возвратиться.

16 мая Боливар достиг берегов Магдалены, где пересел на судно и двинулся вниз по реке к Атлантическому океану. Судно медленно несло его вдоль Барранки, Момпокса, Банко, Тенерифе и других памятных ему по «славной кампании» селений. С тех пор прошло шестнадцать лет. Что же стало с ним за эти годы? Дело независимости победило, а он, Освободитель, больной и покинутый всеми, должен искать пристанища на чужбине; соотечественники грызутся друг с другом, точно людоеды. Быть может, философы ошибались и свобода является химерой? Быть может, он ошибался, веря в народ и своих генералов? Или это рок, судьба, невезение? Где-то в глубине души все еще теплилась надежда, что враги одумаются, что произойдет перемена в настроениях народа, что его вновь призовут править Колумбией и дадут возможность спасти республику.

В Картахене, куда Боливар прибыл после утомительного тридцатичетырехдневного путешествия по реке Магдалене, его встретил старый соратник генерал Монтилья. В гавани стоял на якоре английский пакетбот, на котором Боливар мог отплыть в

Лондон, но у Освободителя Южной Америки не оказалось денег на столь дальнюю дорогу. Боливар редко получал жалованье, тратя его, как правило, на пособия своим товарищам по оружию или семьям погибших патриотов. Перед отъездом из Боготы, чтобы собрать денег на расходы, Боливар был вынужден продать свое серебро, лошадей и личные драгоценности. Правда, у него еще оставались медные рудники в Арроа, но положение в Венесуэле было таковым, что он едва ли мог рассчитывать на доход оттуда. Колумбийский парламент назначил ему годовую пенсию в 30 тысяч песо. Боливар ожидал, что ему пришлют эти деньги в Картахену, но так и не дождался. «Я умру голым, как и родился», — говорил он.

1 июля на Боливара обрушился еще один удар. Он получил известие, что маршал Хосе Антонио Сукре, его верный сподвижник, убит из-за угла неизвестными злоумышленниками — несомненно, его, Боливара, врагами.

А Паэс продолжал его чернить. Венесуэльский конгресс постановил не вступать в отношения с Колумбией, пока на ее территории будет пребывать Боливар. «Венесуэла все еще содрогается при мысли, что ей угрожает опасность навсегда превратиться в собственность Боливара», — гласила резолюция конгресса.

В октябре 1830 года единомышленники Боливара произвели в Боготе переворот. Власть захватил друг Боливара генерал Урданета, который поспешил предложить ему пост президента. Боливар отказался.

«Я стар, болен, устал, разочарован, обижен, ошельмован и без гроша, — писал Освободитель своим друзьям в Боготу. — Поверьте мне, я никогда не смотрел на переворот положительно. В эти последние дни я даже пожалел о тех восстаниях, которые мы подняли против испанцев… Я считаю, что моя жертва была напрасной и что человек не в силах изменить мир. И так как я не в состоянии завоевать счастье для моей страны, я отказываюсь править ею. Кроме того, тираны моей родины меня изгнали и объявили вне закона. Таким образом, у меня нет родины, которой я мог бы принести себя в жертву».

— Америкой невозможно управлять, — говорил Боливар своим друзьям в Картахене. — Те, кто служил независимости, пахали море. Единственно, что можно сделать в Америке, — это бежать из нее. Эти страны, безусловно, попадут в руки безудержной толпы, чтобы потом перейти во власть мелких тиранов всех цветов и рас, пожираемых честолюбием и гибнущих от руки убийц. Европейцы, наверно, даже не посчитают достойным завоевать нас. Если бы мир мог вернуться в состояние

первозданного хаоса, то он соответствовал бы тому, что теперь происходит в Америке.

***

Здоровье Боливара ухудшалось с каждым днем. 24 октября его перевезли в тяжелом состоянии в Санта-Марту — бастион испанцев в период войны за независимость, а оттуда в поместье Сан-Педро-Алехандрино, принадлежавшее богатому испанскому негоцианту Хоакину де Миеру.

Но побережью быстро распространялся слух, что Боливар умирает. В Сан-Педро со всех сторон стали стекаться его старые соратники: солдаты и офицеры, большинство из них — изгнанники из Венесуэлы. Круглые сутки дежурили они у спальни, где в гамаке медленно угасал Освободитель.

В Сан-Педро Боливара лечил французский врач Реверенд, опубликовавший потом воспоминания о последних его днях. Реверенд прочел своему пациенту последние французские газеты с новостями о революции 1830 года. В одной из газет сообщалось, что революционеры штурмовали Парижскую ратушу, распевая песню, в которой имелась следующая строфа:

Святой огонь республик
Озаряет Боливара,
И скалы двух Америк
Охраняют народы.

Однажды, очнувшись от тяжелого забытья, Боливар спросил Реверенда:

— Почему вы покинули Францию?

— Я искал свободы.

— И вы нашли ее здесь?

— Да, генерал.

— Вам посчастливилось. Я ее пока не нашел. Возвращайтесь во Францию. Там ведь вновь реет трехцветное знамя.

16 декабря Боливар продиктовал последний манифест к своим соотечественникам:

«Колумбийцы! Вы являетесь свидетелями моих усилий обеспечить свободу там, где господствовал ранее деспотизм. Я трудился с самопожертвованием, не щадя своего имущества и спокойствия. Я оставил власть, когда убедился, что вы сомневаетесь в моем бескорыстии. Мои враги использовали вашу доверчивость и растоптали все самое для меня святое: мою

репутацию и любовь к свободе. Я — жертва моих преследователей, это они загнали меня на край могилы. Но я их прощаю. В час прощания любовь к вам обязывает меня высказать последнее пожелание. У меня нет другой славы, кроме как укрепление Колумбии. Все должны трудиться на благо единства: народы, подчиняясь нынешнему правительству, дабы избежать анархии; священники, вознося молитвы к небу; военные, используя свою шпагу в защиту социальных завоеваний. Колумбийцы! В предсмертный час я думаю о благе родины. Если моя смерть будет способствовать прекращению раздоров и укреплению единства, я без ропота сойду в могилу».

Своему слуге Боливар завещал шпагу Сукре и золотую медаль, полученную от Боливии. Боливар выразил пожелание быть похороненным в Каракасе.

Освободитель отказался исповедоваться, хотя потом духовенство и распространило слух, что он умер покаявшись. Не о боге думал Боливар, лежа на смертном одре, Он вспоминал свою молодость, своего друга Симона Родригеса, свою двоюродную сестру Фанни, которая из Парижа постоянно писала ему. Ослабевшая рука Боливара едленно поглаживала томик «Общественного договора» Руссо — с ним он никогда не расставался. Этот томик, во имя которого, как отметил один историк, в Южной Америке были пролиты реки крови, Боливар завещал университету в Каракасе. О'Лири писал: «Его последние минуты — это последние тлеющие красные угольки затухающего вулкана, и пыль Анд все еще на его одежде».

17 декабря 1830 года, ровно одиннадцать лет спустя после подписания декрета об объединении Новой Гранады с Венесуэлой в республику Великой Колумбии, в час дня Боливара не стало. Он прожил всего чуть больше 47 лет. Глаза ему закрыл врач Реверенд. До последнего вздоха Боливара за ним любовно ухаживал молодой Миранда, сын Предтечи. Чтобы одеть в саван Освободителя Южной Америки и некогда одного из богатейших людей Венесуэлы, пришлось просить чистую рубашку у соседей.

Губернатор венесуэльской провинции Маракайбо Гомес, одним из первых получивший сведения о смерти своего знаменитого соотечественника, издал прокламацию, в которой писал: «Боливар, гений зла, факел анархии, угнетатель своей родины, перестал существовать. Это событие — огромное благо для дела свободы и для благоденствия народа».

Но эта злобная эпитафия не пережила своего автора. В 1842 году по решению венесуэльского конгресса останки Боливара были перенесены из Сан-Педро в Каракас и захоронены в кафедральном соборе. Впоследствии был выстроен специальный

пантеон для героев борьбы за независимость. В центре его — две мраморные гробницы. Одна — закрытая. В ней покоится прах Боливара. На другой крышка сдвинута, она пуста и ждет своего хозяина — Франсиско де Миранду, место захоронения которого не найдено до сих пор.

Так закончил свой жизненный путь Симон Боливар, которого по сей день народы Латинской Америки называют Освободителем.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Народы сами должны писать анналы своей истории и судить о своих великих вождях.

Симон Боливар

За два года до смерти Боливара в одном из номеров журнала «Московский телеграф» можно было прочесть следующие строки:

«Надо написать много томов, дабы изобразить все усилия и походы, сделанные Боливаром для воспламенения и поддержания смелости американцев, все разнообразные успехи и неудачи его предприятий, его победы и поражения, препятствия всех родов, какие он должен был преодолеть, опасности, каким он подвергался и всегда чудесно выходил из оных невредимым. Непостижимые продолжительные переходы от бесплодных и жарких берегов Картахены до рубежей пустынной, болотистой и снедаемой страшными жарами Гвианы; от Гвианы до Новой Гранады, через безмерные и высочайшие Кордильеры, их разделяющие; от Боготы до границ Венесуэлы, на берега Ориноко; от Ориноко далеко за столицу Перу, через заразительные лужи, крутые скалы, среди туч насекомых и неизбежных пресмыкающихся, с солдатами, у которых обыкновенно нет ни хлеба, ни одежды, ни обуви, — кто не признается, что сии переходы гораздо достопамятнее побед и не могут быть сравниваемы со сражениями, выигранными по правилам обыкновенной тактики? Каждый из подобных подвигов есть торжество удивительное; осмелиться на сии подвиги, осудить на них самого себя, идти впереди солдат новых, рожденных и воспитанных в Колумбии, заставить их следовать за собой без ропота и, пришедши на место, с ними разбить многочисленную испанскую армию и заставить ее всю сдаться на том месте, которое она избрала для поражения своего неприятеля, — надобны ли другие чудеса, чтобы получить название героя?»

Война за независимость испанских колоний была событием большого прогрессивного значения. Все передовые люди того времени относились к ней с искренней симпатией. Среди тех, кто с восхищением следил за этой борьбой, были русские декабристы, Пушкин, французские и немецкие, английские и итальянские республиканцы и радикалы.

Многие латиноамериканские историки и исследователи называют Боливара великим человеком. В чем же заключается

подлинное величие Освободителя? На наш взгляд, в том, что он сумел во время войны за независимость стать выразителем чаяний простых людей — индейцев, негров, льянеро, поднявшихся на борьбу с колонизаторами.

Именно эти простые люди, которые, в свою очередь, верили Боливару, вынесли на своих плечах всю тяжесть освободительной войны. Это они гибли в снежных буранах при переходе Анд и в дебрях девственных лесов. Это они одерживали блестящие победы у Бояки, Карабобо, Аякучо. Это их стойкость, мужество и самопожертвование позволили в конечном счете изгнать испанских колонизаторов с Американского континента.

Разумеется, между участниками войны за независимость существовали противоречия. Трудовое население колоний жестоко эксплуатировалось испанскими колонизаторами и местными помещиками. Многие из последних опасались, что война за независимость перерастет в социальную революцию. Однако, несмотря на острые социальные противоречия внутри патриотического лагеря, общее желание избавиться от испанского гнета объединило широкие слои колониального общества.

Боливар олицетворял это единство, он был не только признанным военным вождем, но и непревзойденным идеологом войны за независимость. Его бесчисленные манифесты, прокламации, речи и письма служили образцами революционной пропаганды, они способствовали победе в не меньшей мере, чем сражения и битвы. Он переписывался со многими видными людьми своего времени — аббатом Прадтом, Лафайетом, Даниелем Вебстером, Ланкастером, Бентамом, Гумбельдтом, с деятелями освободительного движения стран Америки. Он знал лично почти всех офицеров освободительной армии и должностных лиц Венесуэлы, Новой Гранады, Эквадора, Перу, Боливии.

Освободитель прекрасно разбирался в вопросах международной и американской политики, поэтому многое из того, что он предсказывал, сбывалось. Боливар предвидел, что Наполеон превратится в более жестокого тирана, чем были французские короли; что мексиканский генерал Итурбиде, провозгласив себя императором, подписал тем самым свой собственный смертный приговор. Направляясь в Ангостуру, Боливар обещал закончить свой поход в Потоси, и он дошел до Потоси; будучи на Ямайке, предсказал создание независимых республик и указал их границы, так и случилось.

Боливар предвидел, что в Южной Америке восторжествуют разные тираны и диктаторы, а также что республики, рождению которых он способствовал, в конце концов возродятся и пойдут по

пути прогресса. Он предупреждал своих соотечественников остерегаться Соединенных Штатов, «арифметическая» политика которых уже тогда была направлена на порабощение латиноамериканских республик. Все это оказалось верным, все это сбылось. Освободитель видел глубже, шире и дальше многих своих современников.

Когда Боливар собирался явиться в Оканью и выступить перед конгрессом, Сантандер заявил депутатам:

— Пусть он не приезжает, его влияние и власть над людьми таковы, что даже я сам, когда обращался к нему с чувством мщения, оказывался разоруженным одним его взглядом и уходил от него очарованный. Никто не может бороться с Боливаром лицом к лицу, и несчастен тот, кто попытается сделать это. Мгновение спустя он будет вынужден признать себя побежденным.

Каракасец пользовался доверием помещиков и негоциантов, креолов, негров, льянеро и городской бедноты. Под его руководством большая часть Южной Америки добилась независимости, в бывших испанских колониях был установлен республиканский строй, отделена церковь от государства, отменены рабство и дворянские титулы, объявлены демократические свободы.

Однако многие из этих завоеваний были только провозглашены. Поместья колонизаторов в действительности не были разделены, а перешли в руки торгашей и спекулянтов. Солдаты обещанной земли не получили, их аграрные сертификаты были скуплены дельцами.

После освобождения вместо идеального республиканского порядка началась борьба между унитариями и федералистами, непонятная широким народным массам, о благосостоянии которых никто не заботился. Боливар пытался разобраться в создавшемся положении и не смог.

Но будем справедливы к Освободителю. Не только он не видел пути, идя по которому новые страны могли бы достигнуть прогресса и благоденствия. Не видели этого пути и многие другие его современники. Не видел его ни Сан-Мартин, закончивший свои дни вдали от родины, во Франции, ни О'Хиггинс, изгнанный из Чили, ни Ривадавия — первый президент Аргентины, которого постигла та же участь. Не видели этого пути ни Сантандер и тем более Паэс, которые больше думали о своих собственных интересах, чем о народных.

Освобождение Южной Америки произошло в период, когда на историческую арену не выступил еще рабочий класс — единственная сила, которая могла бы обеспечить народные

завоевания. Развитие новых стран пошло по буржуазному пути. В то время это означало скачок вперед по сравнению с колониальным строем.

Со смертью Боливара созданная им Великая Колумбия окончательно распалась на три составные части: Эквадор, Новую Гранаду[26] и Венесуэлу. Власть в этих республиках захватили в свои руки противники Боливара. В Новой Гранаде Урданета был вскоре после смерти Боливара свергнут, на его место пришел генерал Обандо, которого народная молва винила в организации убийства Сукре. Участники покушения 25 сентября были помилованы. Сантандер, живший в эмиграции во Франции, вернулся в Боготу и в 1832 году был избран президентом. Он занимал этот пост в течение пяти лет. Боливар когда-то назвал его стражем законов. Сантандер правил согласно конституции, способствовал распространению просвещения, строго придерживался принципа отделения церкви от государства, установил добрососедские отношения с Венесуэлой и Эквадором. В 1840 году Сантандер умер. Колумбийцы считают Боливара освободителем, а Сантандера — основателем своего государства.

Паэс пережил Боливара на сорок три года. В течение этих лет он неоднократно занимал пост президента Венесуэлы. Участвовал в гражданских войнах. В 1847 году неутомимый катире поднял восстание против президента Монагаса, но был схвачен и три года сидел в тюрьме, затем был выслан в Соединенные Штаты, где написал не без помощи других свои «Воспоминания». В 1861 году Паэс провозгласил себя диктатором Венесуэлы. Три года спустя его свергли, и он был вынужден бежать в Соединенные Штаты.

Паэс превратился в одного из крупнейших помещиков Венесуэлы. Он стал рупором интересов консерваторов и латифундистов, которые, используя его влияние на льянеро и простых людей, правили страной за спиной «льва из Апуре», как со временем стали называть его льстецы.

Симон Родригес, учитель Боливара, дожил до преклонного 83-летнего возраста. Почти четверть столетия он испытывал постоянную нужду, пробиваясь уроками и продажей свечей, которые сам делал. В Сантьяго, Чили, где одно время жил славный Робинзон, над его домом висела вывеска со следующей забавной надписью:

«Американские знания и добродетели, а именно: Восковые свечи, Терпение, Мыло, Смирение, Бодрость, Любовь к труду».

Все эти годы Родригес сочинял различные научные и социальные трактаты. Но во всей Южной Америке не нашлось издателя для опубликования его сочинений. Большинство их

сгорело во время пожара.

Родригес постоянно разъезжал, продавая свои свечи. Однажды он заехал в Паиту, где посетил пожилую женщину, с которой провел много часов в оживленной беседе, вспоминая славное прошлое. Его собеседницей была Мануэла Саэнс.

После смерти Боливара и падения президента Москеры Мануэла была выслана из Боготы. Она уехала на Ямайку, где английский негоциант Максуэл Гислоп, тот самый, который в 1815 году оказывал помощь Боливару, приютил ее. В 1834 году Мануэла возвратилась в Эквадор. Там правил враг Боливара Флорес, и по его приказу она была выслана в Перу. С тех пор Мануэла поселилась в Паите.

Она держалась гордо и независимо, добывая средства на жизнь продажей варенья собственного изготовления. Жители Паиты относились к ней доброжелательно. Мануэла держала у себя несколько дворняжек, которых называла именами Паэса, Сантандера, Кордовы и Ла Мара, ответственных, по ее мнению, за преждевременную смерть Боливара.

Доктор Торн, муж Мануэлы, продолжал писать ей письма из Лимы, предлагая вернуться к нему. Она отвечала отказом. Он присылал ей деньги, она их возвращала обратно. В 1840 году Торн был убит в Лиме неизвестными. По оставленному им завещанию Мануэла объявлялась наследницей его имущества, но гордая Либертадора отказалась от этого наследства, она продолжала оставаться верной памяти Боливара.

В декабре 1859 года Мануэла, полупарализованная к тому времени, заболела дифтеритом и умерла. Письма Боливара, с которыми она не расставалась до своей смерти, исчезли и до сих пор не обнаружены. Забыто и место, где была похоронена Мануэлита Саэнс, верная подруга Освободителя.

С уходом Боливара с исторической сцены началась борьба между его бывшими сподвижниками не только за власть, но и за его идейное наследство. Враги Боливара, в частности Паэс, учитывая любовь и уважение простых людей к памяти Освободителя, стали выдавать себя за правоверных боливаристов, за его духовных наследников. В своих выступлениях и воспоминаниях они рисовали Боливара человеком провидения, далеким от народа, сторонником диктаторской власти, врагом демократии, а самих себя его верными последователями. Их примеру следуют диктаторы и реакционные идеологи нашего времени. Они пытаются прикрыть свои черные дела, эксплуатацию и преследование трудящихся, сговор с империалистами ссылками на Боливара, выдавая его за сторонника панамериканизма и врага «анархии» — под

последним термином они подразумевают революционное рабочее и национально-освободительное движение.

Это клевета на Боливара. Освободитель выступал за единство латиноамериканских стран. Он считал, что только таким путем можно будет обеспечить национальную независимость против посягательств великих держав, в том числе Соединенных Штатов.

Боливар выступал против анархии, но под этим словом он подразумевал не борьбу народных масс за свое благосостояние, а выступления беспринципных и честолюбивых вождей, прикрывавших демагогическими лозунгами свои подлинные намерения — жажду власти и обогащения. Типичным среди них был «друг народа» Паэс, составивший себе огромное состояние и ставший первым помещиком Венесуэлы, в то время как народ продолжал испытывать беспросветную нужду.

Большинство вождей периода независимости были генералами. Они стали таковыми, сражаясь против испанцев. С достижением независимости многие из этих генералов не стеснялись использовать армию в своих корыстных целях. Они не скупились на награды и прибыльные посты своим сторонникам. Подавляющее большинство этих кандидатов на президентские должности закончило войну за независимость в тридцатилетнем возрасте. В течение последующих 40–50 лет они выступали в роли главных действующих лиц на политической арене Латинской Америки.

Нынешние реакционные диктаторы, в большинстве своем генералы и полковники, прислужники иностранных интересов, тоже стремятся использовать армию против народа. Ими создана даже целая теория так называемого «демократического цезаризма», по которой народы Латинской Америки якобы еще не доросли до демократии и должны быть управляемы с помощью «крепкой руки», насилия, диктатуры. Этой же цели служит и доктрина «национальной безопасности», приписывающая армейским верхам главную роль в «усмирении» латиноамериканских народов.

Жалкими кажутся потуги некоторых современных реакционных «почитателей» Боливара, представляющих автора декрета «Войны насмерть» чуть ли не другом испанского деспотизма. Иные из той же семьи псевдопочитателей заявляют, что Боливар не был выразителем национальных интересов Южной Америки, а являлся всего лишь «испанским отщепенцем». Для них война за независимость была не национальной войной за освобождение, а гражданской войной между «испанскими братьями».

Реакционные толкователи Боливара не останавливаются на

этом. Человека, утверждавшего, что католическая церковь всегда была «слугой деспотизма», они выдают за правоверного католика, чуть ли не за глашатая клерикализма. Боливар, поклонник Вольтера, был деистом (О'Лири считал Боливара абсолютным атеистом), на церковь смотрел как на политический инструмент, способный оказать влияние на население. С самого начала войны за независимость Освободитель пытался привлечь на сторону патриотов духовенство, которое за немногими исключениями, как и папский престол, поддерживало колонизаторов. Священников, выступавших против патриотов, каракасец строго наказывал, подвергал аресту, ссылке, а за наиболее тяжкие преступления приговаривал к смертной казни. Когда того требовали интересы войны с испанцами, Боливар конфисковывал церковное имущество, церковную утварь, использовал церковные колокола на отливку орудий. Боливар отвергал клерикальный фанатизм.

Даже когда Боливар стал опираться на духовенство в надежде, что оно поможет ему стабилизировать политическое положение, и посещал церковь, он это делал с томом Вольтера в руках.

Таков был Боливар, сын вольнодумного XVIII века. Смешным выглядят и те из историков пресловутого дяди Сэма, которые выдают Боливара за апологета Соединенных Штатов.

Жадность американских дельцов вызывала у Боливара отвращение и презрение. «Соединенные Штаты, — писал он, — предназначены самим провидением ввергнуть Южную Америку в нищету, прикрываясь именем свободы… Я думаю, что нам лучше принять коран, нежели форму правления Соединенных Штатов… Соединенные Штаты хуже и сильнее всех в одно и то же время».

Агрессивным кругам США, которые вмешиваются во внутреннюю жизнь латиномериканских республик, свергая правительства, пользующиеся доверием народа, не мешало бы напомнить следующие слова Боливара:

— О законности того или другого правительства должны решать сами граждане, а не чужеземцы. Я не знаю, по какому праву иностранцы могут требовать доказательств законности рождения какого-либо правительства.

Трудящиеся массы, воодушевляемые примером Боливара, продолжают великую битву за свое освобождение против новых колонизаторов, посягающих на их независимость.

Куба, освободить которую Боливару когда-то помешали Соединенные Штаты, обрела теперь подлинную независимость, стала первой подлинно свободной территорией, первой социалистической страной в Америке.

Успешно развивается революционный процесс в других

странах Латинской Америки, за свободу и независимость которых сражался Боливар. Народы мятежного континента мужественно отстаивают национальные интересы, борются за осуществление глубоких социальных преобразований. В этой борьбе участвуют сегодня не только рабочие и крестьяне, но и прогрессивные представители других социальных слоев — военные, служители церкви, студенты. Многие из них называют эту борьбу «второй войной за независимость» в надежде, что она принесет народам континента социальное освобождение, предвестником которого был Боливар.

Широко и всенародно отмечала Латинская Америка и все прогрессивное человечество 150-летнюю годовщину смерти Боливара и 200-летнюю годовщину его рождения.

Симон Боливар, так же как Сан-Мартин, О'Хиггинс, Артигас, Идальго, Морелос, Хосе Марти и другие национальные герои Латинской Америки, продолжает оставаться в строю борцов за счастье своих народов.

Честь им и слава!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИМОНА БОЛИВАРА

1783, в ночь с 24 на 25 июля — В Каракасе в семье дона Хуана Висенте Боливар-и-Понте родился Симон Боливар.

1799 — Боливар в Испании.

1802, 26 мая — Женитьба Боливара в Испании на Марии Тересе Родригес.

1803, 22 января — Смерть жены Боливара.

1804–1805 — Боливар во Франции. Путешествие с Симоном Родригесом в Италию.

1807 — Возвращение из Европы в Венесуэлу.

1810 — Начало войны за независимость Испанской Америки.

19 апреля — Создание Патриотической хунты в Каракасе. Боливар ведет в Лондоне переговоры с английским правительством.

1811, 5 июля — Провозглашение независимости Венесуэлы.

1812 — Падение Первой Венесуэльской республики.

Декабрь — Боливар в Новой Гранаде.

1813 — Начало «славной кампании».

15 июня — Боливар объявляет волну насмерть. Вторая республика Венесулы.

1814 — Присвоение Боливару звания Освободителя. Падение Второй республики.

1815 — Боливар — главнокомандующий войск Новой Гранады. Прибытие в Венесуэлу испанского карательного корпуса во главе с генералом Морильо. Боливар на Ямайке. Боливар на Гаити. Встреча с Петионом.

1816, 2 июня — Боливар отменяет рабство.

1817–1818 — Освобождение Ангостуры. Расстрел Пиара. Встреча с Паэсом. Боливар подтверждает обещание Паэса наделить участников войны за независимость землей. Приезд иностранных волонтеров.

1819 — Конгресс в Ангостуре. Избрание Боливара президентом Венесуэлы. Сражение при Бояке и освобождение Боготы. Учреждение Республики Колумбии. Боливар — президент Колумбии.

1820 — Революция в Испании. Соглашение о перемирии и об упорядочении войны. Встреча Боливара с Морильо.

1821 — Возобновление военных действий. Разгром испанцев при Карабобо. Освобождение Венесуэлы. Провозглашение независимости Перу. Мексика завоевывает независимость.

1822 — Победа при Пичинче. Освобождение Эквадора. Встреча Боливара с Сан-Мартином в Гуаякиле.

1823 — Боливар возглавляет войну за независимость в Перу.

1824 — Боливар — диктатор Перу. Сражение при Хупине. Разгром испанцев при Аякучо. Их капитуляция в Перу.

1825 — Провозглашение независимости Горного Перу (Боливии).

1826 — Конгресс в Панаме. Возвращение Боливара в Боготу. Боливар в Венесуэле.

1827 — Примирение Боливара с Паэсом и разрыв с Сантандером. Перу порывает отношения с Колумбией. Возвращение Боливара в Боготу.

1828 — Боливар — диктатор Великой Колумбии. Покушение на Боливара.

1829 — Восстание генерала Кордовы. Отделение Венесуэлы от Колумбии.

1830 — Боливар слагает с себя полномочия президента Колумбии. Отъезд Боливара из Боготы. Отделение Эквадора от Колумбии.

17 декабря — Смерть Боливара в Сан-Педро-Алехандрино.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, с. 176–177.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, с. 226–240.

Визит Л. И. Брежнева в Республику Куба. М., 1974.

Колумбийские полководцы. — «Сын отечества», ч. 110-я. Санкт-Петербург, 1826.

О финансах областей Америки, бывших коло» ний испанских. — «Вестник Европы», 1825, № 15 и 16, август.

Симон Боливар, президент Колумбийской республики. — «Московский телеграф», 1826, № 16, август.

***

Альперович М. С. и др. Об освободительной войне испанских колоний в Америке (1810–1826). — «Вопросы истории», 1956, № 11.

Альперович М. С. Война за независимость Мексики (1810–1894). М., 1964.

Он же. Испанская Америка в борьбе за независимость. М., 1971.

Альперович М. С., Слезкин Л. Ю. История стран Латинской Америки. М., 1970.

Альперович М. С., Слезкин Л. Ю. Образование независимых государств в Латинской Америке (1804–1903). М., 1966.

Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро. М., 1960.

Венесуэла. Сборник статей. М., 1966.

Война за независимость в Латинской Америке (1810–1826). Сборник статей. М., 1964.

Гумбольдт А. Картины природы. М., 1959.

Он же. Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799–1804 гг. Т. I. Плавание по Ориноко. М., 1963.

Он же. Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799–1804 гг. Т. II. Остров Тенерифе и Восточная Венесуэла. М., 1963.

Гусев В. Горизонты свободы. Повесть о Симоне Боливаре. М., 1980.

Лаврецкий И. Миранда. М., 1965.

Латинская Америка в прошлом и настоящем. Сборник статей. М., 1959.

Линч Дж. Революции в Испанской Америке. 1808–1826. М., 1979.

Лукин Б. В. Новые материалы в СССР по истории Великой Колумбии и Венесуэлы: Архив Михаила Роля-Скабицкого. — «Новая и новейшая история», 1975, № 5.

Маршал Ф. и Крейн Б. Боливар. М., 1944.

Мирошевский В. Освободительные движения в американских колониях Испании (1792–1810). М., 1946.

Слезкин Л. Ю. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964.

Суворова О. Южноамериканский Вашингтон. Спб., 1903.

Стрелко А. А. Новые документы о «волонтере свободы». М. Роля-Скабицкого. — «Новая и новейшая история», 1980, № 2.

Файнштейн М. Ш. Ленинградский автограф Симона Боливара. — «Латинская Америка», 1978, № 2.

Фостер Уильям З. Очерк политической истории Америки. М., 1956.

Франко Іван. Сімон Болівар. Львів, 1904.

Эквадор. Историко-этнографические очерки. М., 1962.

Acosta Saignes M. Accion y utopia del Hombre de las dificultades. La Habana, 1977.

Bolivar S. Obras complétas. Vol. I–III. La Habana, 1947–1956.

Cartas del Lbertador. Vol. XII (1800–1830). Caracas, 1959.

Carrera Damas G. El culto a Bolivar. Caracas, 1969.

O'Leary F. D. Memorias del general. Vol. I–III. Caracas, 1952.

Ortega Diaz P. El Congreso de Panama y la Unidad Latinoamericana. Caracas, 1976.

Paes. J. F. Auiebagraia. Vol. I–II. New-York. 1945.

Pera de la Croin Diario de Bucaramanga o Vida Publica pianda del Liberador Simon Bolivar. Paris. 1912.

Pavidal F. Bolivar pensamiento precursor del antiimperialismo. La Habana. 1977.

Rodriguez. Simon, Escritos. Vol I–III. Caracas, 1954–1958.

Salcedo-Bastardo J. L. Bolivar: un continente y un destino. Caracas. 1977.

Santander, F. de P. Escritos. Bogota, 1944.

Иллюстрации

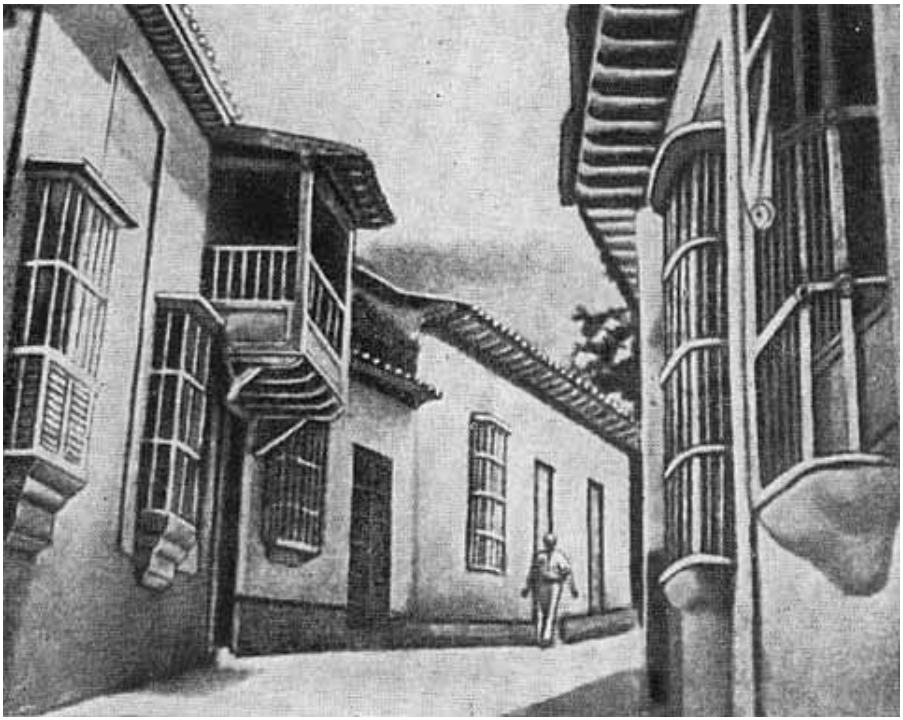
Хуан Висенте Боливар — отец Симона.

Отчий дом.

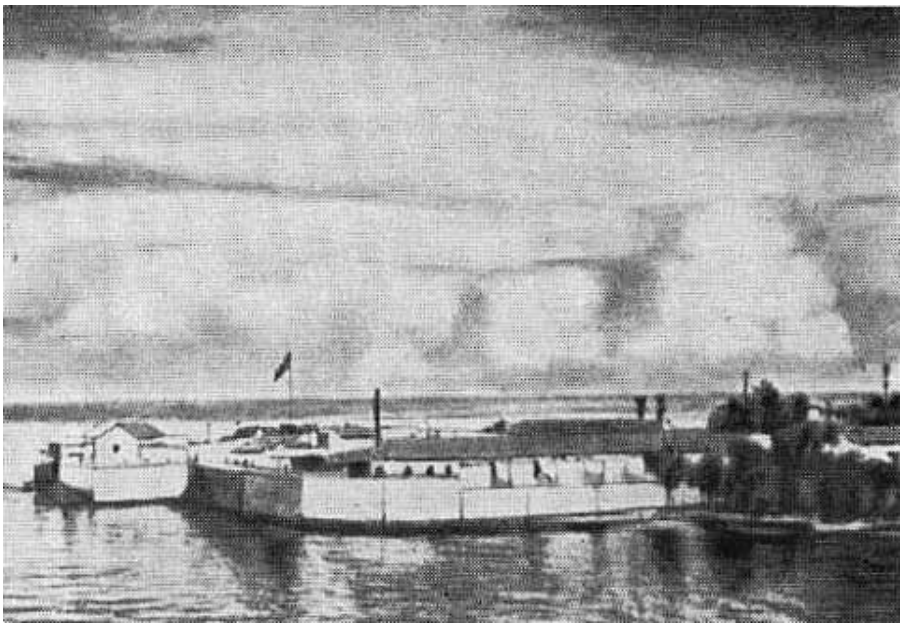
Молодой Боливар.

Каракас в первой половине XIX в.

Симон Родригес — Робинзон.



Улица в старой Ла-Гуайре.

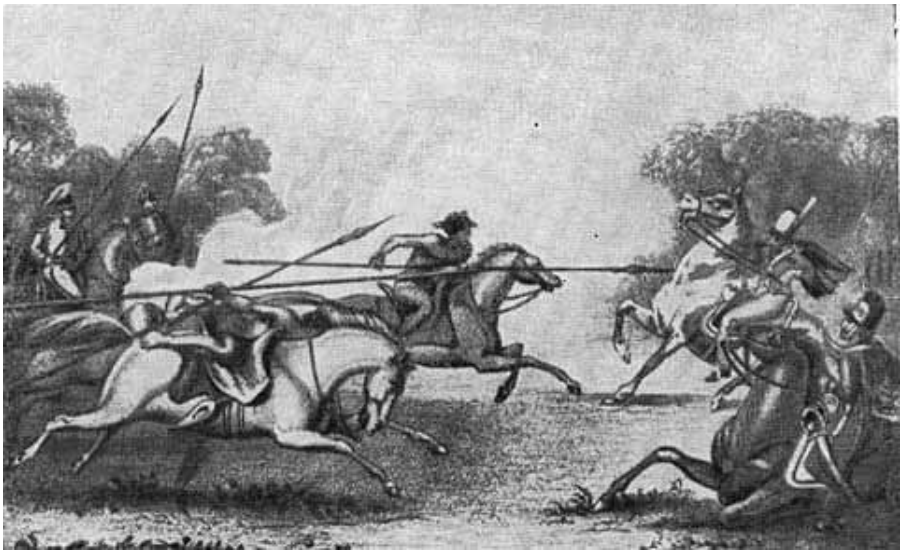


Пуэрто-Кабельо.

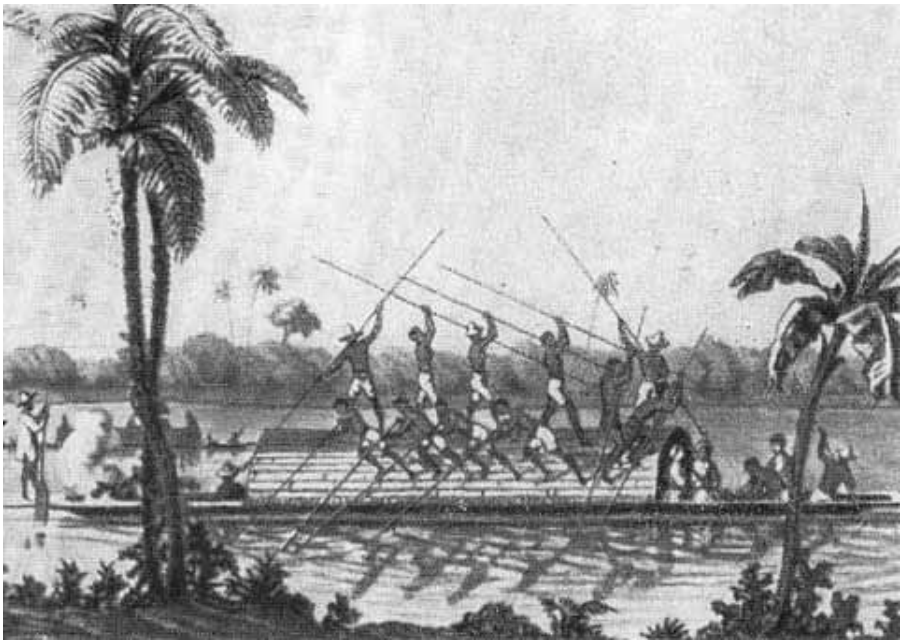
На реке Магдалене.

Симон Боливар.

Генерал Паэс.



Льянеро атакуют испанцев.



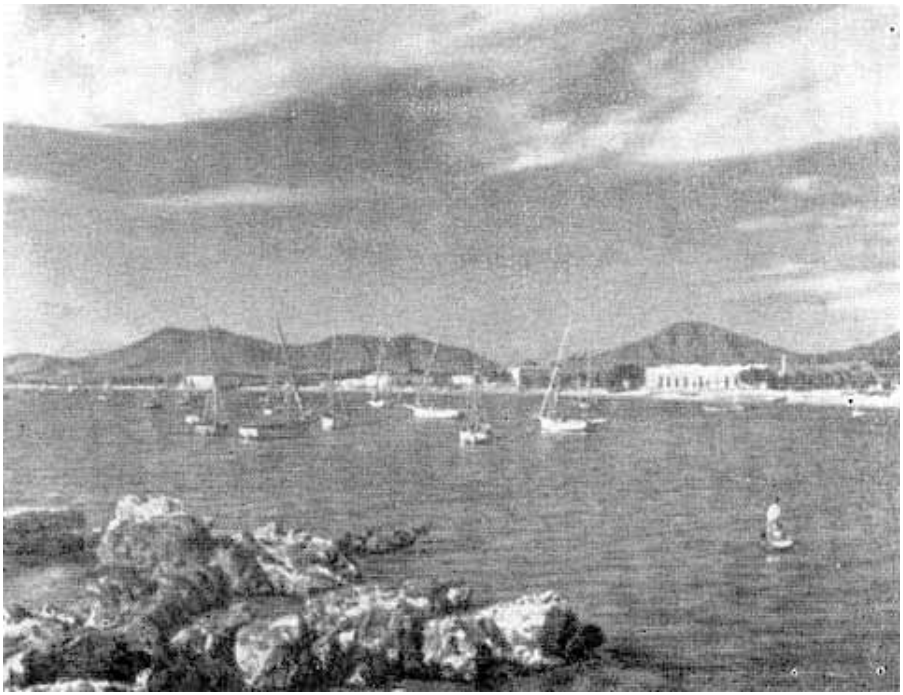
На лодке по Нижнему Ориноко.

Хижина негров в Гвиане.

Генерал Пиар.

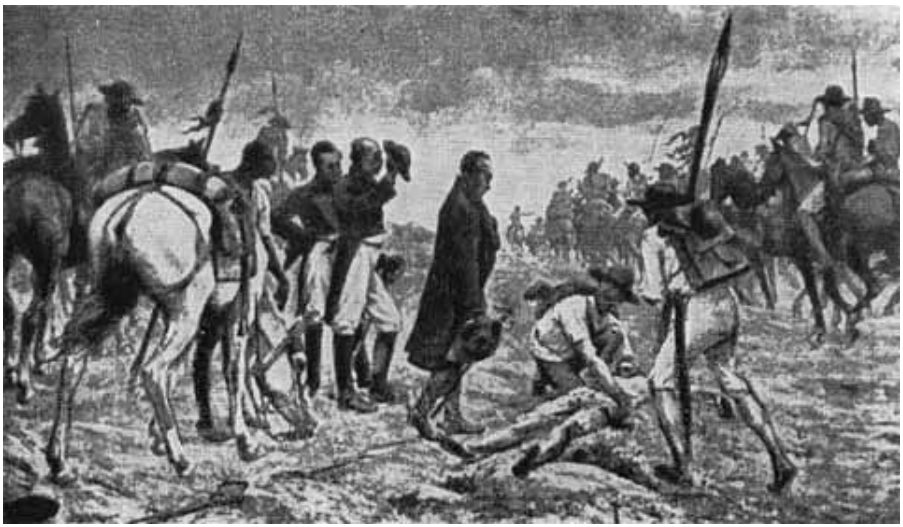
Президент Гаити Александр Петион.

Генерал Морильо — командующий испанскими войсками.



Остров Маргарита.

Крепость Картахена.



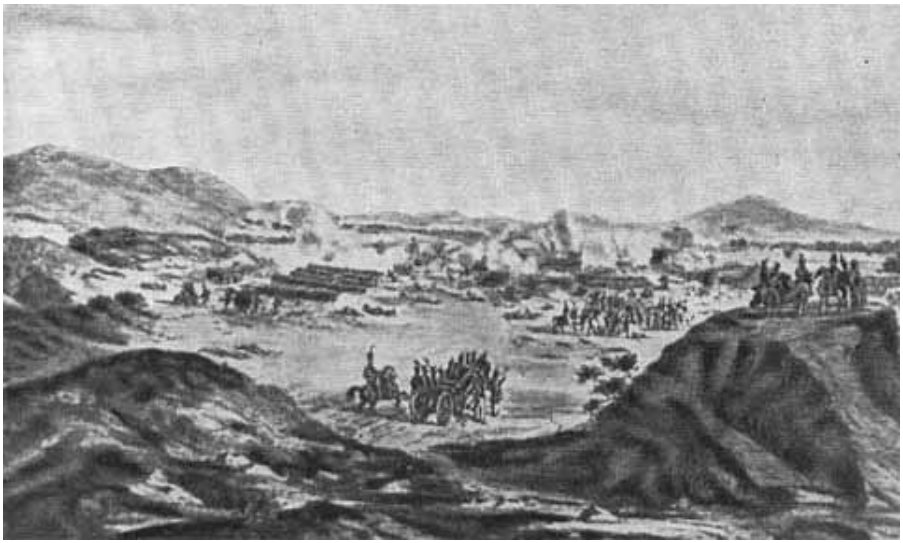
На вершине Анд. Худож. Франсиско Кано.

Симон Боливар.

Генерал Паэс. Лубок, 1820.

Богота.

Симон Боливар. Лубок, 1819.



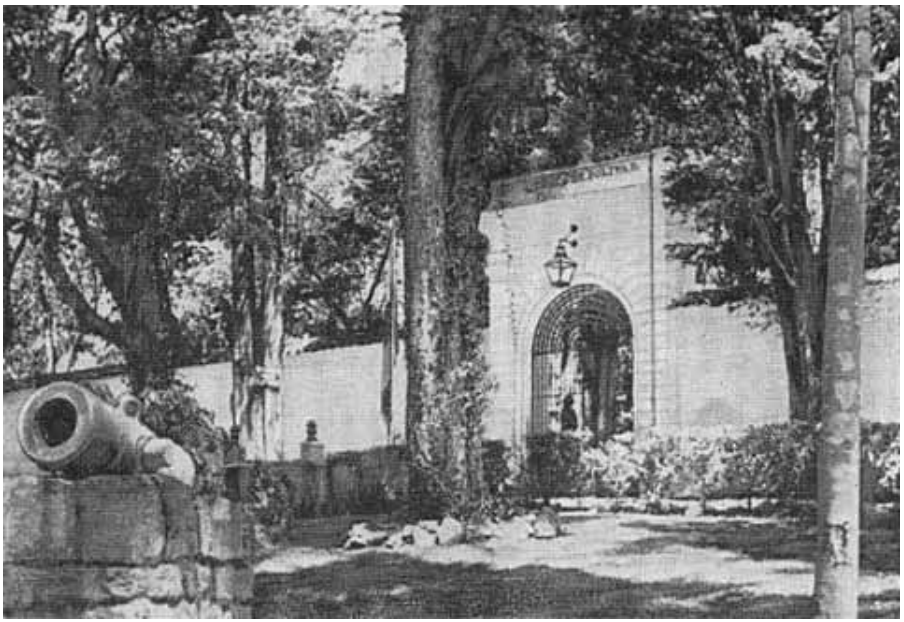
Битва у Карабобо.

Генерал Хосе де Сан-Мартин.

Встреча Боливара и Сан-Мартина в Гуаякиле.

Симон Боливар.

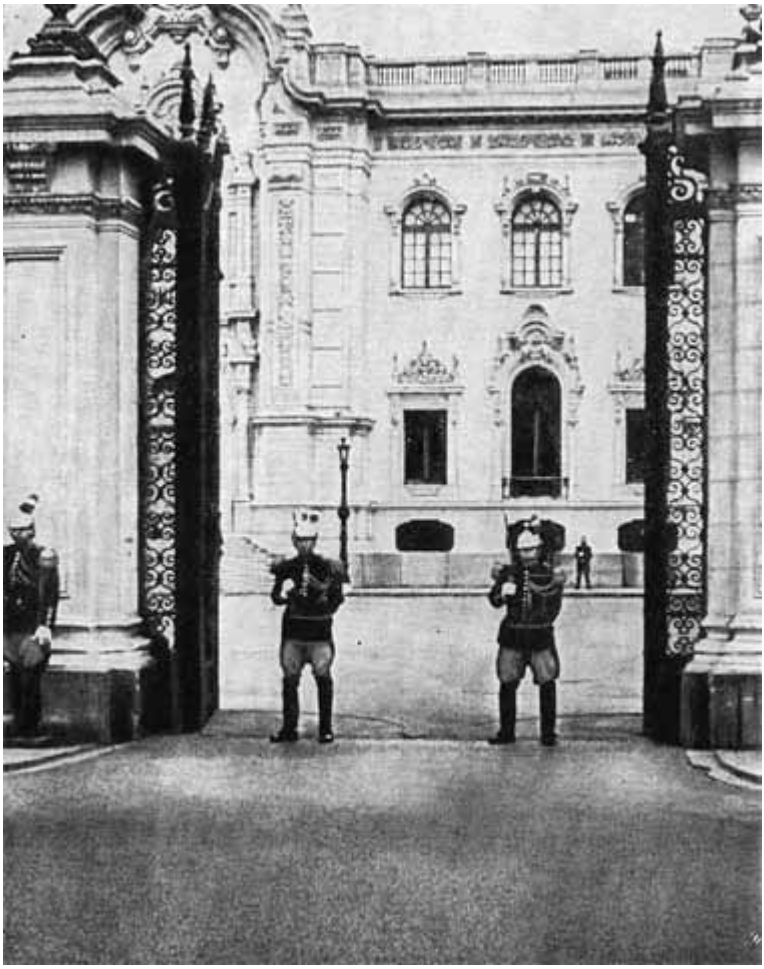
Генерал Сантандер.



Вилла Боливара в Боготе.

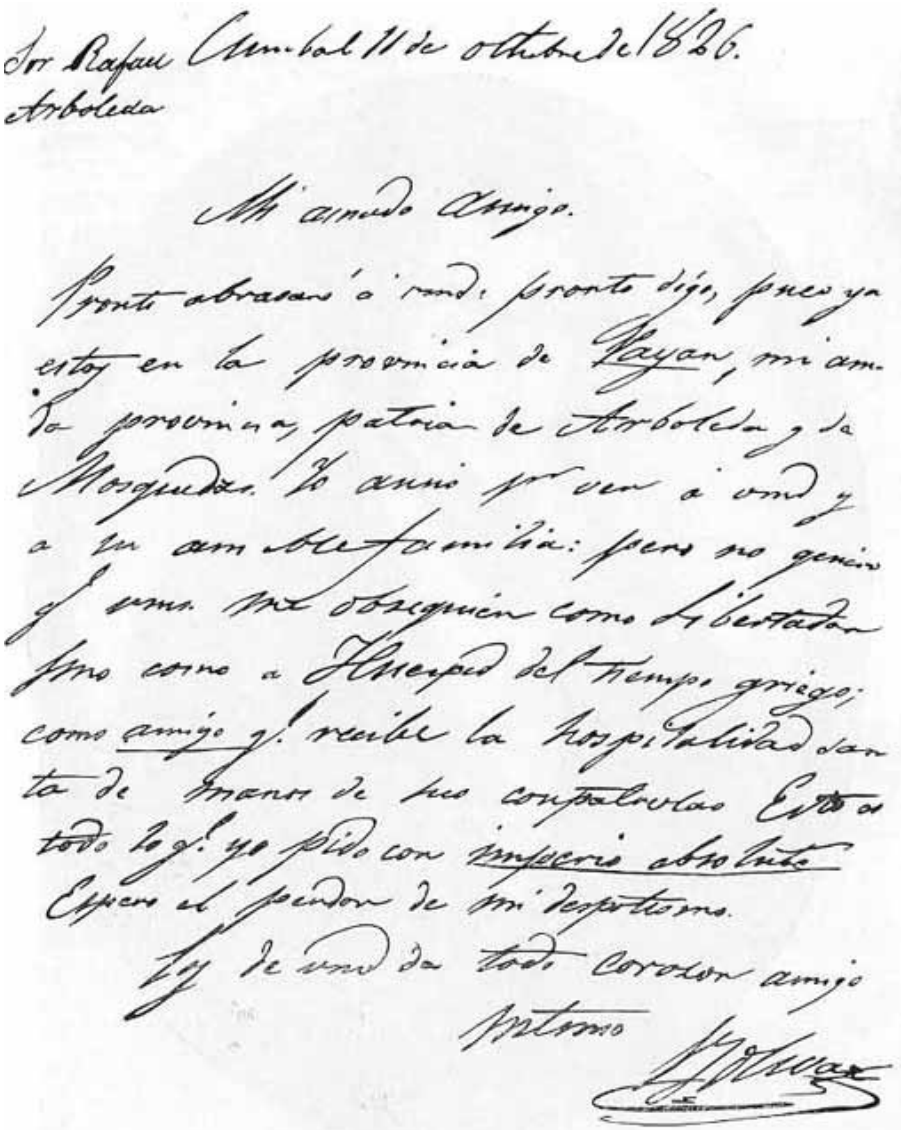
Боливар в Перу.

Мануэлита Саэнс.



Правительственный дворец в Лиме.

Генерал Сукре.



Автограф письма Боливара, хранится в Библиотеке имени В. И. Ленина. Дар колумбийского ученого О. Родригеса Пласа.

Симон Боливар.

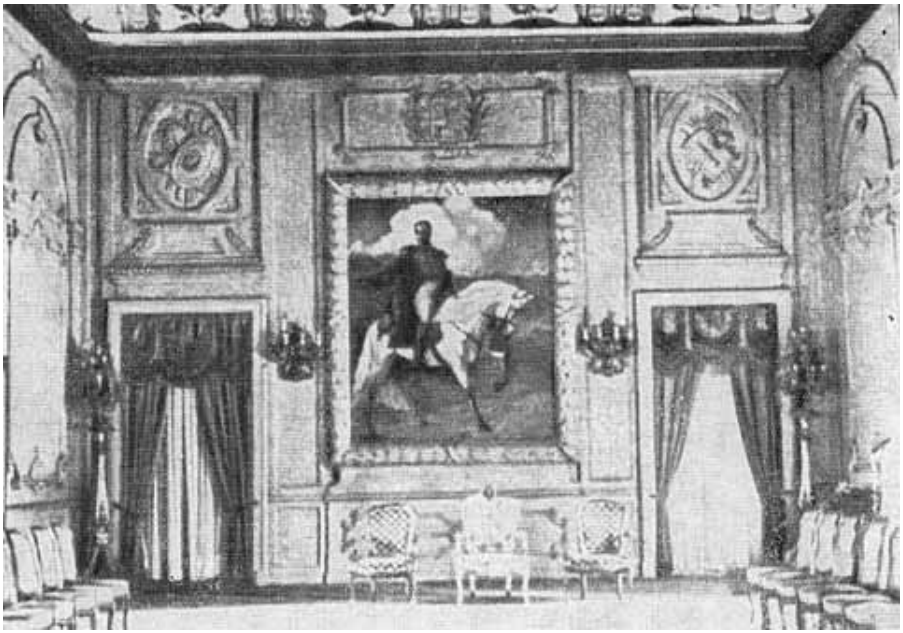
Национальный пантеон в Каракасе. Здесь похоронен Боливар и другие герои войны за независимость.

«Освободитель Симон Боливар, 1830».

Портрет Боливара из журнала «Московский телеграф». 1829.

Карта Антильских островов.

Симон Боливар. Флорентийская мозаика. 1978. Худож. В. К. Земков.



Здесь была провозглашена независимость Боливии. Дворец в городе Сукре.

Вид города Потоси. Боливия.

Симон Боливар.

Вид города Сукре.

Походы Боливара в Южной Америке.

Памятник Боливару в Каракасе.

Симон Боливар.

notes

Примечания

1

Так называли в Венесуэле местных аристократов-креолов, жены и дочери которых имели привилегию носить мантилью.

2

Эльдорадо — дословно: позолоченный человек *(исп.)*.

3

Колумб считал, что он открыл Западную Индию. Хотя вскоре выяснилось, что им открыт новый, неизвестный европейцам континент, испанцы продолжали называть свои владения Западными Индиями.

4

Так называлась в колониальный период Мексика.

5

Городское самоуправление.

6

Старший брат Боливара жил тогда в Каракасе, где учился в школе.

7

Столица современной республики Мексики.

8

В 1808 году Карл IV под давлением Наполеона отрекся от престола, и королем был признан его сын Фердинанд VII. Затем Карл IV попытался отстранить Фердинанда VII. Под предлогом уладить их распри Наполеон пригласил их в Байонну, где они были задержаны.

9

Современники называли ее «глупой», «доверчивой» — «боба».

10

А. Гумбольдт был прав: война за независимость испанских колоний носила характер буржуазной революции, подобно войне за независимость английских колоний в Северной Америке.

11

Река в Венесуэле.

12

Презрительная кличка испанцев в колониальный период.

13

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, с. 228.

14

Так называл Боливар свой поход из Новой Гранады на Каракас.

15

Главный город острова Ямайка.

16

См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, с. 231.

17

В честь английской королевы Виктории (1837–1901).

18

Белобрысый — на индейском наречии.

19

Порабощенные земледельцы в Древней Спарте (Греция).

20

Кукурузная брага.

21

Генерал Итурбиде провозгласил себя императором Мексики в 1822 году. Полтора года спустя он был низложен и изгнан из страны. При попытке вернуться в Мексику был пойман и расстрелян.

22

Памятник Фалучо был впоследствии воздвигнут в Буэнос-Айресе.

23

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, с. 176–177.

24

Ла-Пас — фактическая столица Боливии, местопребывание президента и главных правительственных учреждений. Официальной столицей считается город Сукре (старое название — Чукисака).

Лонганиса — свиная колбаса *(исп.)*.

26

Новая Гранада была впоследствии переименована в Колумбию, как она называется по сей день.